

ПЖ Харви – Восхождение Сирены

James R. BLANDFORD

Джеймс Р. Блэндфорд:

Эта книга посвящается с любовью и уважением моей семье, и всем, кому когда-либо разбивали сердце.

«Единственная рок-звезда, которая дала мне понять, что я дерьмо – это Полли Харви. Я ничто рядом с чистотой, которую она представляет». (Кортни Лав, 1995)

«Я люблю ПЖ Харви. Я думаю, что ее лирика просто великолепна. Она настоящий мученик, а я тянусь к таким людям» (Мадонна, 1998)

От переводчика:

Прошу у всех читателей прощение за возможные (возможно-неминусемые) ошибки, которые были допущены при переводе, и возможную сумбурность. Эта долгая кропотливая работа, не имеющая отношения к моей основной деятельности, принесла мне много усталости и желание (в ближайшее время точно) не заниматься этим впредь. Остается добавить, что перевод подготовлен для тех людей, кто когда-либо испытывал страсть к творчеству Полли. Переводчик приложил все усилия по сохранению стиля автора книги, а также особенностей и нюансов высказываний различных людей, пытаюсь не кастрировать оригинальные предложения. Огромная благодарность Марии Коренюк за помощь в уточнении ряда фраз и оборотов.

Дмитрий Стариков (syd@inbox.ru)

Оглавление

Введение	Страсть Полли Джин Харви	4
Глава Первая	ВЕСТ-КАНТРИ ГЁРЛ (Девочка с юго-запада Англии)	6
Глава Вторая	Automatic Dlamini	16
Глава Третья	DRY	25
Глава Четвертая	Rid Of Me	37
Глава Пятая	To Bring You My Love	50
Глава Шестая	Lost At Louse Point	61
Глава Седьмая	Is This Desire?	71
Глава Восьмая	Нью-Йоркские Истории	86
Глава Девятая Последняя	Королева пустыни	97

Страсть Полли Джин Харви

Страсть (Гнев, Пассия, Страстной) – **1.** Сильные едва контролируемые эмоции. **2.** Вспышка гнева (приходить в ярость). **3.** Пылкая сексуальная любовь. **4а.** Сильный восторг (иметь страсть к футболу) **б.** Объект, вызывающий это чувство. **5.** (Страсти Господни) **а.** *Религ.* Страдание Христа в его последние дни. **б.** Сказание об этом в Новом Завете. **с.** Музыкальное художественное оформление любого из этих сказаний.

Краткий Оксфордский Словарь Английского Языка, Восьмое издание, 1990.

Страсть – это странное и сильное качество, которое, в его широчайшем смысле, неразрывно связано с искусством, также является видимым выражением безудержной эмоции. Это качество, которое печально утрачено из-за огромного потока музыки в наши дни, в значительной степени из-за штампуемого попкорна в таких программах как «Поп-Идол» и «Фабрика звезд». И еще, в поисках изготовления музыки, администраторы индустрии вносят неправильное понимание в цели настоящего искусства, такие, какие они есть на самом деле в своей сущности – нелживые, неподдельные. Они подобно специалистам, старающимся создать Искусственный разум, портят большинство основ идей души в своей одержимости поверхностным. Внешне, результаты обеих этих компаний могут в значительной степени походить на душевность, реальную ценность, но копните немного глубже и вы найдете фундамент, базирующийся на заданной формуле. А искусство – это сфера, где у непоколебимых законов нет дома – вот причина, почему настоящий Пикассо принесет миллионы, а подделка, неважно насколько совершенно она выполнена, будет стоить лишь малую часть этой суммы. Настоящий ценитель искусства понимает, что подлинную страсть, творение, никогда нельзя воссоздать дважды, отсюда и ценность.

Это одна из многих причин, почему Полли Джин Харви такой необычайный человек. В индустрии, процветающей на лстивой торговле, ей удалось построить карьеру на почти преднамеренном освобождении от всего, что по своей сути популярно и мейнстримово, стараясь быть искренней со своей художественной пассией. В результате – семь студийных альбомов, которые поразили критиков и бросили вызов классификации с их примитивными крайностями - пропитанный блюзом рок был нелегким для прослушивания – конфронтационный, злой, неземной и загадочный в свою очередь. И еще все они имеют искру страсти, которая вызывает двойственные чувства. Доказательство этой страсти лежит в истории ее карьеры: карьеры, из которой видна ее битва с угнетением и недовольством своей собственной работой – недовольство, которое побудило ее исследовать множество разных сфер, музыкальных и визуальных, направивших ее руку в сторонние проекты в поисках неуловимой реализации. Музыка к фильмам, танцы, поэзия, скульптура и игра - всего лишь некоторые векторы ее погони к совершенству, которые побудили ее взяться за это. И результаты всех начинаний столь же очаровательны как ее музыка, спасибо душе, что лежит за всем этим.

Ее самая ранняя работа наводила на нее репутацию гарпии ненавидящей человека из-за лирики, которая затрагивала неприятный спектр, такой как месть, увечье, боль от секса и отчаяние любви. Но по ее собственному признанию, все эти работы рассматривают именно любовь и невероятное множество нюансов человеческой души. Поэтому не так удивительно, что ее последний, и

наиболее успешно продаваемый альбом *Stories From The City, Stories From The Sea* демонстрирует романтизм, который с трудом сочетается с ее образом, который многие видят в ней. Как она сама рассказывала в журнале *Time Out* в 2001: «Песни о любви - не всегда об отношениях двух людей. Это может быть любовь к творчеству или духовная. Я думаю о творческой деятельности, как о любви. Это страсть. Я полагаю, которая сильнее, чем что-либо».

Эта художественная прямота принудила Полли сторониться ищущих гласность сыщиков, которые сопровождают большинство рок-карьер, ревниво охраняя свою частную затворническую жизнь, которая напоминает о другом оригинальном британском таланте – Кейт Буш. В самом деле, как и Кейт Буш, Харви запечатала свою святыню личной жизни вокруг себя группой музыкантов, продюсеров и союзников, кто в первую очередь, является ее друзьями. И большая часть из которых, работала с ней с возникновения ее карьеры, которые могут действительно справиться со всеми трудностями в подавлении всего, что связано с копанием в ее настоящей жизни за ее активной работой. К счастью для нас, она оставила след во многих местах. Следы, которые могут соединиться словно картинка-пазл, что покажет что-нибудь из ее собственных путей и опыта. Правда, Харви спрятала много кусочков картинки в свой рукав, и сожгла остальные в огне. Но те, что остались, могут дать нам ценное понимание ее жизни и карьеры, которое может позволить чуть ближе понять ее как художника.

Те, кто знает, как Харви свирепо охраняет свою интимную жизнь, могут счесть эту книгу за вторжение, но я позволю не согласиться, предпочитая видеть книгу как дань ее артистической карьере. В повествовании ее истории, я не выискивал способы снять завесу и разгромить внутреннее святилище. Напротив, я искал только то, что лежит за завесой без непосредственного показа этого. Ведь только Харви может полностью скинуть свою завесу. Но до тех пор, пока она этого не сделала, я надеюсь, эта книга будет доказательством ее таланта, дань, которую она может принять.

Джеймс Р. Блэндфорд.
День святого Валентина, 2004

ВЕСТ-КАНТРИ ГЁРЛ (Девочка с юго-запада Англии)

«Я чувствую, что имею преимущество из-за жизни, которую я видела, когда росла. Это в корне отличается от того, что я имею сейчас. У меня есть мерило – сельская местность и все важное там. Что ты видишь – это то, что ты получаешь в сельской местности. Люди высказывают свои мысли, и ты знаешь – они не лгут».

Полли Харви, Alternative Press, 1993

«Это узкий круг для местных людей. Здесь нет ничего для тебя»

Лига Джентльменов

Расположенная на юго-западном побережье Англии, приютившаяся среди группы округов, известных как Западные графства, грубая местность Дорсета и обширная мрачная пустошь с торфяным грунтом, наполнены иллюзией и фольклором как туманы, вздымающиеся из Ла-Манша. Сильное языческое наследие страны все еще чувствуется в местных обычаях и преданиях местных ориентиров, таких как могильные холмы, расположившиеся в округе и древний высеченный из известняка 55 метровый Холм Великана (Cerne Abbas Giant). Вырезанное на стороне Trendle Hill (Холм Трендл), это фаллическое божество, как говорят, называют в честь рогатого кельтского бога Цернунна (Cernunnos). Обряды плодородия проводились на его дубиновидном огромном эрегированном члене, символе мужской энергии, многие годы. И когда местный священнослужитель потребовал, чтобы грешный член Гиганта был вспахан, его убедили, что в этом случае их зерновые культуры будут прокляты. Сейчас, находясь под защитой Государственного Заповедника (National Trust), фигура чистится каждые семь лет, сопровождаясь диким фестивалем любви до тех пор, пока не вмешивается церковь. Но местные парочки все еще совершают паломничество под светом полной луны, чтобы заниматься любовью на его фаллосе, гарантируя тем самым здоровую беременность.

Рождественское торжество в некоторых маленьких деревушках все еще возглавляют Дорсет Вусес или Усес (Dorset Oosers) - местные мужчины, одетые в шкуры и рогатые маски, хранители древних традиций, которые сохраняются, не смотря на осуждение церкви. Более того, еще только в 1911 Дорсетская газета сообщала о местном человеке, обвиняемом в запугивании молодых женщин, преследуя их «в одежде из шкуры быка и маске усер». И более зловещее напоминание языческого прошлого графства было обеспечено раскопками возле длинного кургана рядом с величественным Замком Мэйдн (Maiden Castle), которые вызвали широко распространенный интерес, когда были найдены останки человека с явными признаками ритуальной жертвы и следами от каннибализма.

Все же, в этой местности есть и более приятные аспекты – в ее пустынной красоте и в приписываемых отношениях к королю Артуру, в моррисовских танцорах (английский фольклор) и в крепком сухом сидре. Ей богу, это пристанище Хэм Хила (*Ham Hill – заповедник особого научного интереса*), это и часть Англии, ставшей известной благодаря Томасу Харди (*английский романист, новеллист и поэт*), это и особенности местности, которые долго сочетались с величественным видом прибрежья, привлекавшие поселенцев в поисках сельского счастья. В

нескольких милях к востоку от Крюкена (*Crewkerne – город в Сомерсет*) и в броске камня от Cerne Abbas Giant находится Корскомб (Corscombe) – один из наиболее красивых местных округов, сонное сообщество численностью в 600 человек, которое покоится между двумя холмами и может похвастаться церковью Святой Марии, телефонной будкой, а также очаровательным пабом «16th Century Fox Inn». Это получивший премию соломенный паб, который годится древними особенностями - полы, покрытые каменной плиткой, места с видом на камин, бревенчатые балки, покрытая шифером крыша и полированная медь в изобилии. С постоянной клиентурой, многие из которых пьют там в течение десятилетий, паб – центральное место деревни: расписанный в кремовых тонах, украшенный розами летом - истинное воплощение простого деревенского паба. И это местная достопримечательность, владельцы которой поистине заработали высокую репутацию.

Но, как и большинство областей, Corscombe так же имеет тайник своих местных легенд, включая историю об одном странном жителе, Томасе Холлисе (Thomas Hollis), редакторе книг, филологе и племяннике одного из основных благотворителей Гарвордского Университета. У Холлиса был патологический страх медленной смерти, и по причине известным только ему, он воздерживался от молока, сахара, масла и алкоголя. Говорили, что когда его дом окутало пламя, он вышел только с одним портретом Джона Мильтона (английский поэт, политический деятель и мыслитель). И когда он, в конечном счете, умер в 1774 – внезапно, к его счастью, не смотря на то, что дали инструкции работникам, он был похоронен согласно его собственным пожеланиям на одном из его полей. Человек, который не относился ни к одному религиозному убеждению, он попросил, чтобы его могила была 3 метра глубиной, а затем была бы перепажана, не оставив и следа от его последнего пристанища. Легенда гласит, что его лошадь была пристрелена и похоронена вместе с ним, и местные жители утверждают, что он покоится либо на ферме Юрлес, где он жил, либо на ферме Харварда, чуть севернее от Хэлстока.

Другой местный житель, Роберт Фоун из Корскомба, запомнился по весьма мерзким причинам. После Битвы при Седжмуре в 1685, он был повешен с двенадцатью сторонниками армии Монмута. Затем их всех расчленили и сварили в смоле. Весь этот ужасный хаос был показан публично, несмотря на то, что Джорджу Пенну, который владел Поместьем Уэстон и Дубовой Фермой в Корскомбе, дали 100 заключенных в качестве частичной оплаты для того, чтобы помочь подавить восстание. Заключенных он позже продал на плантации в Америку и в Вест-Индию.

Корскомб в шестидесятые, несмотря на все это, был наиболее тихим местом, поэтому именно здесь Рэй и Ева Харви поселились после свадьбы, прикупив маленький двор, или как называют «садовый участок» в Mosfas Little Acre, всего лишь через дорогу от паба Fox Inn. Коренные юго-западные жители Харви повстречались, работая в Вертолетной компании рядом с Йовилом еще до женитьбы в юном возрасте. На тот момент Еве было всего 19. Они разделяли общую страсть к музыке и решили, что Корскомб – совершенное место, чтобы растить семью. Вскоре сложилась их ниша в местном обществе, благодаря их практическим артистическим склонностям и любви к музыке. У них появился сын, получивший необычное имя Сол Джон Рэймонд, а затем и дочь, названная более традиционно – Полли Джин – весы, родившаяся 9 октября 1969 года.

Харви провели следующие несколько лет, усердно воздвигая свой собственный дом: Рэй был рабочим на карьере, а Ева – камнетесом, ее даже прозвали Харви-Камень, ныне специализируясь на новом и очищенном камне и монолитном бетоне, каминах, плитах, и половом покрытии. Они были привлечены в сферу быстрого темпа роста добычи местного камня-хэма (Hamstone) медового цвета: юрский осадочный известняк, названный в честь местного Холма Хэма, где

остался лишь один карьер, и из которого построены многие в деревни дома, загромождившие деревню своими строениями. Рэй работал усердно на всем протяжении шестидесятых и семидесятых, собирая и продавая во всей области материалы многократного использования, которые он мог найти после разрушения участков. Как Полли Харви впоследствии говорила, они были «деревенскими людьми, вышедшими из поколения, которое не имело ничего, но возвело и построило кое-что для своей жизни».

Раннее детство Полли было совершенно беззаботным, и она вскоре обнаружила настоящую любовь к выступлению, развлекая и доставляя удовольствие семье и друзьям четырехлетнего возраста кукольными представлениями и постановкой сценок таких как «Три медведя» (Goldilocks and Three Bears). «У меня всегда было желание выступать», - делилась она в *LA Times* в 1992 году. «У меня были маленькие марионетки, и я строила театры, и собирала всю семью, чтобы показать им представление». Свое свободное от игры время она проводила со своим старшим братом Солом. «Он был единственным человеком, с кем я росла. С ним и его друзьями», - рассказывала она *Alternative Press* в 1993. «В округе не было девочек. Поэтому я росла с мальчиками. Я училась с мальчиками».

Во-первых, это не было проблемой, она восхищалась традиционно мужским времяпровождением - таким как игра в Экшн-мэн (Action man — английские куклы для детей). «У меня было три из них», - она рассказывала *NME* позже. «Один был с вращающимися глазами, но он мне не так нравился. И у них запястья могли разжиматься и сжиматься, поэтому все их пальцы отпали спустя неделю игры с ними». Также она предавалась играм в войнушку с Солом и его друзьями. «Мы играли в немцев против англичан, и мы одевались во все подходящие принадлежности - зеленые спецовки; мы забирались на деревья и устраивали засаду друг другу». Река также давала большой спектр развлечений для детей семьи Харви: «Каждый день ты спускался туда», - говорила она. «Ты всегда находил там то, чем мог бы заняться». Годами позже, она вспоминала – «играли у реки целую вечность: просто поднимаешь камень и смотришь, что под ним, или слушаешь различные звуки, которые издает река, как только ты переместишь какие-нибудь камни. И просто строили плотины или что-то в этом роде».

Разумеется, Сол и его друзья не были всегда с Полли, поэтому она оставалась наедине с собой и могла развивать свое воображение, как она позже делилась в *Observer*. «Вероятно, из-за отсутствия друзей, ты создаешь свой собственный мир внутри себя. Это дало мне стимул исследовать свое детское воображение. У меня были воображаемые друзья и целые ситуации, и я делала множество различных вещей, делала свои собственные игрушки». И леса, росшие поблизости, также давали богатый выбор развлечений для плодородного воображения Полли. «Роща могла быть не скопищем деревьев, а замком с великолепным разводным мостом». Так говорил голос ребенка, которого лишали Братьев Гримм и Ганса Христиана Андерсена.

Пожалуй, неудивительно, что юная Полли скоро выросла в подражании своему брату, вплоть до того, что она стеснялась писать сидя, подстригала коротко свои волосы и настаивала на том, чтобы он и его друзья звали ее Пол. Это привело к весьма травмирующему опыту, когда она осознала, что она на самом деле девочка, и, следовательно, ей предстоит иметь манеры и одежду не такую, как у мальчиков. «Я была опустошена, потому что я хотела быть мальчиком, а я была девочкой. Моя мама пыталась приучить меня к платью. Закончилось тем, что я поносила платье целый день, а затем сняла. Я действительно не хотела носить платье. Я не могла понять, почему я должна носить, а мой брат – нет. Мне хотелось иметь пипку как у моего брата, но у меня ее не было».

Несмотря на это разочарование, Полли вскоре приобрела любовь к музыке, воодушевленная «огромными и ценными» родительскими коллекциями, которые позже нашли отражение в ее собственных работах. Эти записи были ее самым ранним знакомством с такими именами как Howlin' Wolf, John Lee Hooker, The Rolling Stones, Bob Dylan и Captain Beefheart, хотя она также любила более мейнстримовые команды, такие как The Bay City Rollers, Mud and Pan's People из программы *Top Of The Pops*. Ее мама была чрезвычайно большим фанатом Дилана, и как вспоминала позже Полли, ее родители были даже больше фанатами Стоунз нежели, чем Битлз. Однако совладать с любовью ее родителей к музыке было не всегда настолько легким для молодой Полли. Как она позже вспоминала: альбом Captain Beefheart *Trout Mask Replica* звучал на воскресном обеде – «Мне было плохо от него», но наиболее удручающим был альбом Pink Floyd *Dark Side Of The Moon* – «Он был пугающим, заставлял меня плакать. В конечном счете, мама и папа прекратили проигрывать его, потому что он вечно извлекал из меня реки слёз».

Это не прекращалось, и как говорила Полли журналу *Q* в 1995: «Моя семья абсолютно предавалась музыке. Это было важно для нее, как еда, питье и воздух. Это было частью моей жизни, и это не было чем-то, что я оспаривала. Иногда я находила это надоедающим, потому что мама и папа приходили домой очень поздно и ставили пластинку, и всё начинало ходить ходуном. Но мне действительно повезло с такими родителями. Я имею в виду, что они на самом деле рокеры, намного больше, чем я. Сейчас я осознала, что все еще могу поставить любую пластинку из их коллекции и узнаю каждое отдельное слово, они все еще на своем месте. Я слушала блюз с самого рождения».

Мимолетный проблеск этой легендарной коллекции был показан в 2003, когда Полли пожертвовала двадцать любимых альбомов Рэя и Евы для статьи в журнале *The Sunday Times Magazine*, названной «Морская звезда в их глазах». Предварительный просмотр проекта назывался «На другой стороне Линзы», который был спонсирован фирмой Canon для пожертвования Красному Кресту. Целью этого проекта для звезд было пожертвование одной или нескольких фотографий, которые отражали кусочек их личной жизни, и фото использовались в книге и на выставке, которая прошла в North London's Tram Studios в последние две недели ноября. Среди записей, гордо стиснутых у ее родителей, были пластинки J Geils Band - 1972 *Fullhouse Live*, The Who – *Who By Numbers*, Trini Lopez – *Greatest Hits*, Bob Dylan – *Highway 61 Revisited* и The Band – одноименный альбом, а также альбомы Bill Haley, Little Richard и The Rolling Stones. Все пластинки взяты дочерью в их отсутствие. Помимо снимка ее родителей, она внесла и нагой автопортрет.

Семейные странности не ограничивались лишь любовью к музыке, в прочем. Миссис Харви выгодно устроилась, зарабатывая на вырезании надгробных камней, готическое занятие по чьим-либо стандартам, и Полли позже описывала ее как «абсолютно странную, экстраверт». Она дополнила это, возможно недостоверно заявив *Alternative Press*, что «моя мама пила известковый раствор, думая, что он помогает ее телу». Ее отец, тем временем, «уходил и тесал камень в карьере весь день, а по возвращению был с головы до ног в пыли». Но, несмотря на их чужаковатость, они руководствовались типичным британским парадоксом - быть консервативными в политических идеях, как объясняла Полли журналу *Spin* в 1995: «Я думаю, что мой папа возмутился бы, если бы его назвали хиппи. Например, моя мама и папа консерваторы и множество людей, которых я знаю тоже. Консервативные художники, вот. И многие люди из деревни тоже. И фермеры».

Несмотря на их консерватизм, семья не была религиозна и, следовательно, Полли оставалась некрещеной и без религиозного образования, которое предоставляется типичными начальными школами и кроткой декламацией «Отче наш» и «Божья Благодать». В ранние века это могло бы поставить на нее печать изгоя. Стоит помнить, что сельский фольклор гласит – некрещеный ребенок собственность дьявола, обязательно – ведьма, и имеет отношение к вампирам и оборотням. После смерти, она была бы похоронена на перекрестке или же в одиноком неосвященном участке кладбища. Но это 21й век, и к счастью для Харви прошло много времени с тех пор, как Дорсет беспокоился насчет нежелательных вспышек вампиризма.

Вопреки внешней идеальной деревенской жизни, жизнь на ферме означала, что юная Полли не была убережена от реалий природы - закона джунглей, ее родителями, которые несли некоторую ответственность за сильные нервы Полли. Хотя собирание яиц, коровьего молока и порой самогона не похоже на травмирующую работу, были и другие стороны деревенской жизни, которые являлись менее приятными по любым стандартам. «Я доставляла ягнят и прочие вещи, когда была меньше», - открывалась Полли *NME* в 1993. «Я должна была купировать хвосты ягнят и кастрировать их. Я убирала мертвых ягнят, когда они выходили по кусочкам – потому что иногда они разлагались внутри овец, и ты вынимал их наружу – кусочек за кусочком. И я задаюсь вопросом – укрепило ли эти вещи мои нервы». Она также открыла странную сторону природы, когда семейный кот пропал, и только через шесть месяцев обнаружился в сарае на последней стадии настоящей мумификации. «Он сморщился немного», - рассказывала она *Dazed & Confused*, «И его кожа высохла. Но мы могли сказать, что это наш кот, потому что его правое ухо было загнуто, как у нашего». Семья, очевидно, все еще показывает это омерзительное зрелище на полке в гостиной, которое, по крайней мере, обошлось без услуг набивщика чучел.

Семейный крупный рогатый скот и домашняя птица были в одинаковой степени редкой вещью, и, в конечном счете, Харви прекратили отводить овец на рынок, как они обычно делали, собственно потому, что Полли очень любила животных. Как позже Полли заявляла в *NME*, они спасли 15 раненых и травмированных цыплят из птицефабрики, большая часть из которых имела искривленные и атрофированные лапы из-за их заключения, и прекратили откладывать яйца. Благодаря их спасению, некоторые очевидно выздоровели, медленно, но уверено их лапы стали заживать, благодаря свободе и обильному количеству еды. И они снова начали откладывать яйца. Одна курица была слепа. Она находилась, и кормилась отдельно от остальных, так как она не могла видеть, чтобы прокормить себя, но даже она начала откладывать яйца – странные, заостренные с обоих концов с необычной хрупкой скорлупой, но годные в пищу, которыми наслаждалась семья.

Но у юной Полли Джин были и более традиционные женские отношения с животными. Влечение к конному спорту, как позже она рассказывала журналу *Q*. «Я всегда любила животных и продолжаю любить. Где-то с четырех лет до двенадцати я каталась на лошадях. Я как-то раз вечером соревновалась: показательные прыжки, объездка и езда по пересеченной местности. Конечно легкое соревнование для четырехлетнего возраста. Но ты прогрессируешь и готовишься к показу, а затем конное состязание начинается. Я могла целиком уйти в работу с лошадьми и подготовке к соревнованию. Я очень конкурентоспособна. Если я что-то начинаю, то мне хочется быть лучшей в этом». Некоторое время, этот широкий и полезный опыт с животными и их всевозможные причуды дали возможности Полли рассмотреть реальные перспективы стать ветеринарным врачом.

Полли находилась также неизбежно под влиянием полумифического окружения, где она росла - рядом с предполагаемым расположением Замка Камелота. И была осведомлена о языческом прошлом этой области благодаря коллекции книг ее матери по фольклору и суеверию. «Здесь много мест захоронений и крепостей Железного Века», - вспоминала она. «И большие старые холмы, где они располагали свои замки, и целые жилищные комплексы. Всегда на самой вершине холма - поэтому Друиды могли оборонять себя. Волшебные выпуклости – это большие бугры на ландшафте, которые являются фактически могилами, их здесь куча». Также эти выпуклости, как говорят, вход в волшебную страну, и Полли должно быть хорошо знала легенду 1566 года о Джоне Уолше из Невербери, который был обвинен в колдовстве и чья история рассказывается в *The Examination of John Walsh* (Допрос Джона Уолша). «На допросе, на вопрос, откуда он про всё знает, когда каждый человек околдован, он ответил, что узнал это частично от фей. Феи бывают трех видов, - сообщил он, - белые, добрые феи, зеленые, которые могут делать добро, а могут и творить пакости, и черные, от которых жди только неприятностей. Если человек обладает силой, то он может говорить с феями, подойдя к «любой большой груде земли», которых много в Дорсете. И между двенадцатью и часом по полудню или же полуночи, он использовал эту возможность, о чем он и рассказывал». Неизвестно, говорила ли Полли когда-нибудь с этими разноцветными феями таким необычным способом, хотя она никогда определенно не упоминала об этом. Бесстыдный фаллический символ Аббатства Серны, должно быть, сыграл свою роль, что позже стало почти бросающимся в глаза символом мужской сексуальности. Она не могла быть единственной девочкой, которая хочет кричать каждый раз, как видит старое Божество с громадным фаллосом, направленным на нее.

Она также открыла острое чувство потусторонних миров благодаря атмосфере древнему дому, в котором они жили. «В моем доме были определенные комнаты, в которые я никогда бы не вошла», - рассказывала она *D&C* годом позже. «Потому что я чувствовала, что там было что-то странное. Мои мама и папа говорили, что видели призрака, когда они только въехали. Я думаю, что ты можешь чувствовать эти вещи, когда молод. Однако я не вошла бы туда и сейчас». Харви во взрослом возрасте неоднократно выражала недовольство изящной картиной деревенской жизни, и конечно, каждый, кто когда-либо жил в маленькой деревушке знает, что ночное небо очень чистое, но с особой странной звездной ясностью, которая только подчеркивает темноту неосвещенных деревенских переулков. «Жизнь в деревне это не идеал», - рассказывала она как-то *i-D*: «Очень много проблем, не меньше, чем получают люди из городов. Некоторые люди представляют себе деревню как некую сказку, где каждый ест здоровую еду и любит все вокруг, и выходит плясать на луг. Да вот только все это тяжело по разным причинам».

В 11 летнем возрасте Полли получила свой первый саксофон, а ее расцветающий интерес к музыке был подогрет ее матерью, которая начала организовывать ритм-н-блюз концерты в этой местности, часто впуская музыкантов в свой дом для ночлежки. Их постоянно навещали друзья из Лондона, включая клавишника и «шестого Роллинга» Яна Стюарта. Собирались на пляже, прыгали с пирса или просто пили в маленьком домике, если погода была неприветливая. С течением времени, они прозвали себя «Flowers». Это было все, на что они рассчитывали, и как Полли позже вспоминала в журнале *Select*: «Каждый был в музыке. Стюарт брал их всех на концерт. Там была действительно свобода хиппи. Я видела несколько потрясающих фото того времени. Это место было пристанищем множество хиппи». В конечном счете, Харви должны были построить пристройку к дому, чтобы предоставить помещение не останавливающемуся потоку блуждающих музыкантов, включая барабанщика Стоунов Чарли Уотса, а, так же группа Яна Стюарта *Rocket 88*, которая могла бы заглянуть перед концертом в местный сельский клуб – который также являлся и

кинотеатром по совместительству. «Будучи окруженной музыкой, я захотела играть музыку», - рассказывала она *Alternative Press* в 1993. «Много раз музыканты, остававшиеся в моем доме, хотели вознаградить мою маму за ее гостеприимство, и говорили, - «Хочет ли Полли урок на саксофоне? Хочет ли Полли урок по гитаре? И я отвечала «Ага».

В тринадцатилетнем возрасте Полли была оторвана от тихого уединения жизни в Корскомбе и переместилась в школу Beaminster Comprehensive по соседству с Ньютауном в Биминистере. Средняя школа для мальчиков и девочек, которая также гордилась воспитанием такого футбольного таланта, как Марк Хьюз. Сформировавшаяся в 19 веке средняя школа Beaminster и Netherbury (слияние двух произошло в 16 и 17 веках) располагается на 30 акрах открытой местности на самом краю Биминстера, окруженная холмами и растительностью. Хотя она принимала учеников всех религий, но оперировала и основывалась на христианских принципах, что, в конечном счете, сподвигло Полли начать изучать Библию.

Сама по себе школа была чем-то вроде шока для устоев Полли, непривыкшей к женской компании, так и к большим количествам других детей. Как позже она отмечала, в деревни она могла «проводить дни, не видя никого за пределами семьи», поэтому она была абсолютно изолирована от социального влияния. Хотя Ньютаун не был шумным городом, он был громадным по сравнению с ее деревней. Она нашла немного общего со своими школьными приятелями. Все эти факторы привели к гипертрофированному чувству типичной подростковой неуверенности во внешности. «Люди из маленьких деревень, подобно мне. И затем, когда тыходишь в большой мир, где кругом много людей, ты начинаешь думать, 'Вписываюсь ли я? На что я похожа, по сравнению с этими людьми?' – не обладаешь достаточной уверенностью в себе, просто какая-то пугливая особа. Тебе нужно убедить себя, что ты выглядишь в порядке: 'Нет, у тебя не торчит сопелька из носа, и никаких кусочков еды'.

Она также начала чувствовать недостатки проживания в таком малочисленном сообществе особенно остро, иногда она чувствовала только обострение своих проблем, как позже она объясняла *The Times*. « Мои юношеские годы были очень тяжелыми. Они были изолированными и рваными. Никаких занятий. Я не была искушена городской жизнью, и я все еще наивна. Я не подкована во многих вещах, чтобы иметь дело с миром. Всё это создало задержанное развитие». Эти чувства проявлялись различными способами, не последними из которых были длительные периоды депрессии, о которой она писала в *D&C* в 1998. «Я была пугливой девушкой, проблемным ребенком. Моя мама часто относилась ко мне как к 'проблемному ребенку'. Я впадала в черную дыру депрессии на целые месяцы и была невероятно раздраженная в общении с каждым. Это были тяжелые времена. Я всегда чувствовала скверно. Я не могу даже вспомнить яркие приятные моменты. Я проводила много времени, ощущая себя как в задней части автобуса. Я была очень одинокой».

Конечно, Полли имела черты, которые лучше всего описать как выделяющиеся, имеющие разные сходства с кем-то латиноамериканского или балтийского происхождения. Ее темные брови, широкие глаза и большой рот, и нос стали во взрослой жизни привлекательными акцентами, но школьники, как бы печально это не звучало, были нетерпимы к разным физическим различиям. Эта ситуация, которая не могла помочь поллиному мальчишескому лику, то от чего ей было трудно избавиться, как она позже вспоминала в журнале *Option* годами позже. «Я помню отчетливо, когда я перешла в среднюю школу, я стояла в очереди в столовой и получала выговор от директора за хождение без галстука. Я сказала ему, 'Но я же девочка, я не должна носить галстук'. И он сказал, 'О, извини'. Это было на том этапе, когда я не могла сходить спокойно в

девчачий туалет без чьих-либо возмущений – ‘Убирайся отсюда’. Я полагала, я должна стать похожей на девочку и делать девчачьи вещи».

Имея дело с этими чувствами чуждости, Харви возвела стену, которая затем отделила ее от других учеников. Это означало, что она не была приглашена наружу в то время, когда она была, как она полагала, «слишком робкая» и «необщительная». В результате этого, она не притягивала мальчиков и увиливала от социальной суматохи, которая обеспечивала подобные встречи. Позже она задавалась вопросом, если она «была бы более уравновешенным (во всех аспектах) ребенком, ходила бы я на школьные дискотеки, обнималась, и имела множество парней каждую неделю, как мои друзья?» Но она осталась в стороне - позиция, которую она внесла во взрослую жизнь. «Я старалась изо всех сил избегать общения с людьми», - рассказывала она *Melody Maker* в 1993. «Я не подталкиваю людей бояться, я не имею к этому склонность. Я всегда была такой. Моя мама всегда говорила мне, я была недоступна задолго до того, как сложилось общественное мнение насчет меня. Я удивлялась, «Почему люди не говорят со мной? Или «Почему у меня нет парня?» Это потому что я давала себе установку - «Держись в пределах пяти футов от меня или что-то в этом роде». Она также «более интересовалась упорной работой, чем свиданиями». Ведь она предпочла бы сдать работу в срок, чем заводить отношения. «Другой причиной этому всему было место, где я жила», - позже объясняла она. «Там действительно было слишком мало людей в округе».

Более чем вероятно, что ее изолированное детство и породило независимость - позиция, которая также проявилась в желании быть лидером в любой социальной группе, в которую она была вовлечена. «Мы разбились на группы, а я пошла прочь. ‘Делай то, делай это, и я собиралась делать это!’ Множество творческих людей, которых я знаю, могут создавать невероятные работы, но в конце концов ты видишь, что ничего у них не получается, потому что человек всего на всего не организованный. Ты должен быть невероятно практичным так же как творческим, и те люди, которые имеют правильное соотношение этих талантов, получают места». Однако учителя и друзья одинаково запомнили ее как «предельно застенчивую», несмотря на то, что она вскоре нашла выход своей экспрессии через расцветающую любовь к музыке, которая обеспечивала изоляцию от всех тревог. Этот выход энергии, который был озаглавлен постером в полную величину Элвиса Пресли, который занимал ее комнатную стену, и погружал в подростковые фантазии. «Я была полностью влюблена в Элвиса во время юности», - рассказывала она *The LA Times* в 1995, «и я была опустошена, когда он умер. Я любила его пение, его страсть, глубину его вокала».

«Музыка была освобождением», - заявляла она позже. «Она была всем для меня. Она была сразу и физической и эмоциональной стороной, что мне не хватало в других сферах». Полли начала заниматься саксофоном – звук, который по ее утверждению она сочла «довольно противным» - под руководством некоего мистера Найтли, дублера пьес и музыкального учителя, запомнившегося ученикам за его якобы довольно забавную прическу. Она также присоединилась к школьному оркестру, где она, судя по всему, получила удовольствие от шанса взяться за стандарты Гленна Миллера. И она даже продолжила свою юношескую любовь к выступлениям, погружая свою ногу в пьесы, сыграв роль в нескольких школьных постановках.

В 15 лет она присоединилась к октету инструментальной группы Boulogne, - игрушка будущего Майл Ли (Mike Leigh), музыкального сотрудника Эндрю Диксона и очевидно отличающийся от современной Портсмутской Симфонии (Portsmouth Sinfonia), хотя тот союз был недолгим. Она также нашла себя в ремесле, под влиянием каменных работ своей матери, обратившись к

скульптуре и найдя особое удовлетворение в импровизациях. Если Харви и чувствовала себя «пойманной в капкан», как она позже заявляла, то никакой Фрейд не нужен, чтобы разгадать смысл тех импровизаций...

Вдохновляясь и испытывая влияние музыкальных вкусов ее мейнстримовых товарищей, она наслаждалась кратким непослушным подростковым тяготением к группам U2 и Police, а также научилась любить пластинки Blondie и The Boomtown Rats предоставляемые студией Saul's. Хотя такой малоценный «поп» не мог сильно повлиять на ее мировоззрение. «Я шла через этапы», говорила она. «Когда мне было 13, 14, 15, я хотела быть как мои друзья, поэтому я слушала ту музыку, что слушали они. Я слушала Duran Duran, Spandau Ballet, Tears For Fears, Soft Cell – которых я до сих пор люблю, ведь были и хорошие вещи из всей этой чепухи, а также U2, которых я тоже до сих пор люблю. Затем я вышла из этого и вернулась к музыке, с которой росла. Я смогла только просмотреть коллекцию моих родителей в первый раз, вместо того, чтобы проиграть ее». Да, альбом Soft Cell – Tainted Love остался одной из самых любимых пластинок Харви на все времена, в то время как из коллекции ее родителей, Captain Beefheart, в особенности, стал главным источником влияния на юную Полли, которая, казалось, больше не плавала в слезах от альбома Trout Mask Replica. Она также начала любить блюз, который любили и ее родители.

В 16 лет, в мае 1986го, Харви отправилась со своими друзьями в Дублин на фестиваль Self Aid, который обозначил распад группы Boomtown Rats. «Было интересно смотреть на это... мне удалось добраться до Ирландии на том этапе. Я хотела увидеть Boomtown Rats, U2, Van Morrison. Это был печальный день, и я была тихой всю долгую дорогу, поэтому это немного испортило настрой. Но я получила удовольствие от музыки».

Как любые артисты, Харви жаждала вдохновения к тому времени, и, исчерпав всевозможные предложения известной коллекции пластинок, она начала путешествовать на выступления в Бристоль с друзьями, ходя на выступления Screaming Blue Messiahs и The Cult. «Мои друзья взяли меня», рассказывала журналу *Select* она годами позже. «Они тащили меня за собой!» Неподалеку от дома был Electric Broom Cupboard, музыкальный клуб неподалеку от города Йеовил, где Полли постоянно закупалась в музыкальном магазине *Acorn Records*, владелец которого продает сейчас копии ее первых двух альбомов. Но Полли находила себя тогда менее впечатленной большинством действий, которые происходили на сцене. «Часто я думала, что музыка, на которую я ходила и слушала, была поверхностной, была простой. У меня не лежала к ней душа, не было к ней чувств, и все это заставляло меня лишь подойти к людям и встряхнуть их. А затем я нашла избыток этого чувства в блюзе, не важно, был ли он плохим или хорошим».

«Это чувство, эта грубость - в нем было больше глубины музыки, что ставили мои мама и папа, и я думала, - 'да, этим можно наслаждаться'. Можно быть молодым и можно иметь сильные нервы для того, что ты делаешь. Можно высказывать определенно свои мысли. Можно не петь про уборку или мойку посуды – можно думать о настоящих важных вещах в настоящих истинных путях».

В 18 лет мама Полли подарила ей первую акустическую гитару, Ямаху, приобретенную у одного музыканта, остановившегося у них, и Харви незамедлительно стала учиться играть на ней, занимаясь по песенникам Police и Bob Dylan. Она было очевидно взволнованна, «Потому что я хотела петь и писать слова, выражая себя этим». Ответом Полли на это неудовлетворение стало образование ее собственной группы, фолк-трио под названием Polekats, включающее басиста и флейтиста. Группа несколько раз выступила в местных пабах, исполняя песни, включающие Боб

Дилановскую 'Oh, Sister' и 'Mozambique', прежде чем прекратить это дело после шести месяцев музицирования. Она начала писать также свои собственные песни, в основном о любви, которая в основном была вдохновением от ирландской фолк музыки. «Я не знаю, могу ли сказать, что это было крайне зависимым от ирландского фолка, что интересовала меня, потому что я не думала о ней в то время. Я просто наслаждалась игрой, потому, что это было мелодично». Что характерно, как она позже заявляла, одна из ее «предельно деликатных» композиций была «о путешествии, путешествии одной девочки. Но она была написана в очень юном возрасте, очень наивная, очень приторная. Я писала много песен, которые никогда не увидели свет».

Также неизбежно, молодая Полли экспериментировала с марихуаной, чтобы облегчить тоску деревенской жизни, хотя ее собственные попытки вырастить урожай были безрезультатны, как она позже заявляла *Select*: «Я пыталась вырастить однажды. Это была катастрофа. Я думала, что все дело во мне. Было всего несколько листочков, и мы пытались скурить их. Я спросила своего друга: 'Ну как?' Я думаю, что тебе нужно два растения разных полов или что-то в этом роде. Мой дядя дал мне растения и рассказал, как заботиться о нем, но я не поняла». Это и положило конец ее юношеским экспериментам с наркотиками.

Невзирая на ее цыганское происхождение и наклонности, родители Харви старались привить ей усердную трудовую этику, как позже она рассказывала журналу *i-D*. «Мои мама и папа возлагали большие надежды на меня. Что я буду работать усердно, чтобы я ни делала, и буду преуспевать в этом. Я всегда хотела делать что-нибудь, что люди могли бы осознать и оценить». Ее отец, в особенности, имел сильное влияние на юную Харви, и хотя они прошли через серьезные размолвки, когда она стала вегетарианкой, но она позже утверждала, что «Я провела целую жизнь в необходимости одобрения со стороны отца. Я очень ему благодарна и сильно люблю. У него очень высокая мораль, таким образом, хочется соответствовать ей, и желаешь получить одобрение в его глазах больше, чем с чьей-либо другой стороны. Он чудесный человек и работает действительно усердно. Оба моих родителя».

Их влияние окупилось с точки зрения образовательных достижений, в 17 лет, сдав 9 предметов на «зачтено» и два на «отлично» – неудивительно сфере искусства в виде Английской литературы и Музыки. Она покинула школу, чтобы сосредоточиться на своем будущем. «Я не знала, каким путем мне хочется идти, на самом деле», - рассказывала она позже. «Поэтому я взяла год, чтобы все обдумать, куда я хочу поступить. Я подала заявления в разные колледжи на факультет Английской литературы и поступила. Потом пришло время учиться, я подумала – это не для меня». Все еще, будучи неуверенной, где ее будущее будет продолжаться, она собралась заключить контракт с группой людей, которые сформировали ее артистическое и музыкальное развитие на годы вперед.

Automatic Dlamini

«Музыка – это все о чем я думаю. Я не думаю о следующей скульптуре, которую собираюсь создать, хотя я писала песни о полетах в то время, когда я сделала гигантскую пару крыльев...»

Полли Харви, Time Out, 1991

В июле 1987го, 17-летняя Харви оказалась на одной местной вечеринке Джереми Хогга. Хогг, бывший член бристольской группы Grape, играл с местной известной аван-роковой группой звавшейся Automatic Dlamini, имеющей уже несколько записей и прочный музыкальный коллектив, а именно двух основателей группы, Джона Пэриша и Роба Эллиса. Automatic Dlamini прошла через несколько реинкарнаций с 1987 года, и хотя их история объединена в одну, эти реинкарнации стоит перечислить подробно, поскольку они представляют многих ключевых музыкантов в более поздней карьере самой Харви.

Пэриш и Эллис были значительно старше Полли, и первый музыкальный опыт Пэриша был в 20 лет, когда он образовал группу под названием Godot за три года до выпуска из школы в 1979 – в то время Полли было всего 10. Он был вдохновлен на музыкальную карьеру, будучи пораженный Дэвид Боуи-ским Aladdin Sane туром 1973 года на выступлении в Бристоле, который Джону посчастливилось увидеть в 14 лет. Через год, в Колледже Йеовил - где Харви позже начала посещать художественный курс - Эллис сыграл важную роль в образовании группы New Series. Эта группа на самом деле прошла через смену множества имен в своей короткой истории, сначала став Surface Tension, затем устоявшись как Strange To Behold. Strange To Behold состояла из Эллиса на ударных, Часа Фритцлана (Chas Fritzlan) и Дина Картера на гитарах, Марка Вернона – позже недолго занимал положение менеджера Харви – на клавишах и Джеймса Эрлса-Дэвиса на басу. Обязанности вокалиста были возложены на всех пятерых участников и первый год они были вместе. Группа отыграла несколько концертов и записала две демо пленки, включая песни Эрлса-Дэвиса, теперь уже обозначенных как «не слушабельно» и со смешным заголовком «Любительское Представление».

После ухода Картера и Эрлса-Дэвиса, Эллис, Фритцлан и Вернон продолжили играть как трио под названием Techniques Of Persuasion, и даже переместились в Лондон на несколько месяцев в поисках славы. Недолго они об этом мечтали – к несчастью для них, никто так и не заинтересовался ими, поэтому группа вернулась в Дорсет, где Эллис нашел себе работу в музыкальном магазине Somerset. Здесь же, позже в 1980, он сдружился с регулярным покупателем Джоном Пэришем, распознав в нем ударника одной местной группы, которые выпустили пластинку. Эта группа, Thieves Like Us, была названа после фильма Роберта Алмана 1974го года с участием звезд Кит Кэрредайн и Шелли Дюваль, и имела два независимых сингла с их именами. Один из них был включен в мини-альбом Mind Made, который был выпущен на студии Earlobe Records в мае 1980. Они могут похвастаться участием в голландском шоу Top of The Pops - особенность, которая походила на невероятный послужной список Эллиса. Некоторые из их песен на некоторое время вошли в репертуар фанатского магазина ПЖ Харви, включая “Golden Handsnake”, “One man’s beat”, “Trampoline”. Но в основном рецензии прессы были менее чем благоприятными, включая незабываемый обзор Record Mirror резко критикующий концерт, где

они играли на разогреве у Doll By Doll в West Hampstead's Moonlight Club. «'Thieves Like Us' – что-то вроде кабаре-рока, который, как я думал, умер несколько лет назад», - говорил, выпуская дым, Крис Вествуд. «Они пробовали постебаться и спародировать пустой рок-н-ролл, шоу бизнес, эстраду, всю эту хрень, но были похожи скорее на симптом этой проблемы, независимо от того, что они высмеивали ее. Обзор *New Music News* был также уничтожающим, уподобляя их выступление наблюдению за операцией на открытом сердце игрушечного мишки.

Дуэт завязал дружеские отношения, и когда Джон сформировал другую группу – Headless Horseman – в январе 1981, он позвал Эллиса в группу на роль барабанщика, когда их ударник после первой репетиции ушел навсегда. Группа тогда представляла собой одетого в свитер человека-паука Пэриша на гитаре и вокале, Дэйва Дэйлимура на басу, Джона Бретта на саксофоне, клавишах и добавочном вокале, а также кореша Эллиса Марка Вернона на клавишах и Часа Фритцлана на гитаре. Таким составом они выступали весь 1981 год, после чего переформировались просто в Пэриш, Эллис и Дэйлимур, Эллис теперь выступал под псевдонимом «Рэбид» (Бешеный) из-за своей неистовой манеры барабанить.

С 1982 по 1983 трио интенсивно гастролировало по Юго-Западу Англии, записав несколько демо и поучаствовав не менее чем на трех инди-сборниках выпущенных в журнале *Sheep Worrying*, расположенного в Bridgewater. Кассета, *Burnt Offerings*, с такими песнями как «Wet Lunch Hour», 'Drive My Car' и 'Hopeless', последовала за другой кассетой с названием *Magical Mystery Sheep*, которая включала трек 'Junctions'. Они также пожертвовали 'A Glimpse Of Heaven' для семи дюймового мини-альбома *Sheep Worrying*. Затем Дэйлимур ушел из группы и переехал в Париж в начале 1983го. Покинутые Пэриш и Эллис сформировали группу с необычным названием Automatic Dlamini, к которой присоединился Джейми Андерсон на бас-гитаре – один из учеников по Джона на гитаре. Происхождение названия кроется в некой бестолковщине, хотя оно возникло из-за визита одного друга Джона из Королевства Свазиленд, где Дламини – обычная фамилия, эквивалент Смиты в Англии. Согласно легенде, одна семья выбрала имя для своего новорожденного дитя от холодильника западного происхождения под названием «Автоматик». Так и родился «Automatic Dlamini».

Группа зря время не теряла, гастролируя по Юго-Западу Англии, и хотя их имя было причудливым, оно не было даже наполовину причудливым, как их выступления, которые можно было бы описать как «неестественное общение». Нося микрофоны, крепящиеся на голову - которые позже стали использоваться в композициях, требующих хореографии, включая Steps и S Club 7 - они использовали многосторонне сельскохозяйственные приспособления как перкуссию. Такие приспособления как: соха, набитая бензиновая канистра и кормушка для свиней. Их наряд одновременно приковывал зрителя - состоя из тренировочного костюма на подтяжках или желтого комбинезона а ля Devo. Пэриш, тем временем, взял прозвище Скотт Трейси благодаря его предполагаемому подобию упомянутой марионетке.

Первый разрыв группы случился в 1983, когда одна из их ранних демо записей оказалась в руках Ричарда Мазды, благодаря усилиям старого менеджера Thieves Like Us, Оливера Грея. Мазда, известный по работам с Birthday Party, The Fall и Wall of Sound, собрал достаточно их материала, чтобы начать отношения с группой на профессиональном уровне, которая на тот момент всего лишь принимала участие на сборнике West Country – *The Class Of 83*. В июне 1986го, после трех лет единичных концертов и записи с Маздой, Automatic Dlamini выпустили свою первую пластинку, - мини-альбом *Crazy Supper*, на своем собственном лейбле *DforDrum Records*. Пластинка включала 'What Price Loss Of Womder', 'Me and Judy', 'Crazy Supper' и 'Cover Girl Fall Over Boy', и хотя она не

участвовала в чартах и не попала в *Top of The Pops*, она была расхвалена *Sounds*, которая избрала их «Песней Недели», подарив группе вкус их первого успеха.

На этом этапе, Пэриш расширил сферу своей деятельности и стал независимым продюсером, работая с разными местными именитыми группами, включая The Becketts, The Chesterfields, The Brilliant Corners and Basinger. Он также продолжил обучать игре на ударных и гитаре. Тем ноябрем, группа взяла к себе четвертого участника – Гайлса Смита на клавишные, гитару и бэк-вокал, некогда известного по работе в Cleaners From Venus и скоро ставшего рок-корреспондентом в Independent On Sunday. В начале 1987го, Роб Эллис подхватил простуду и взял шести месячный отпуск, в течение которого Дламини сыграли свой первый концерт за границей, на Forum 18 в Туре, Франция, и даже приняли участие на втором этапе в Glastonbury Festival. Энди Хендерсон, позже член группы Echobelly, взял на себя роль Эллиса. Они также выпустили другой сингл – ‘I Don’t Know You But...’, сопровождавшийся обратной стороной – ‘I’ve Never Been That Colour Anywhere Befor’, который стал достаточно успешным.

Тем июлем группа испытала наиболее радикальные изменения, когда Джейми и Гайлс ушли, и возвратился блудный сын Роб Эллис, а также Ян Оливер, и Джереми Хог, участник Grape. Поэтому, когда Харви разговаривала с добросовестным человеком, выпускающим записи группы, она незамедлительно распознала блатную возможность, бросившуюся ей в глаза. Впечатленная группой через два месяца она просила Хогга убедить группу играть на ее вечеринке по случаю восемнадцатилетия. И хотя ее просьба была отвергнута – очевидно, из-за Эллиса и его болезни - другие участники группы все же посетили вечеринку и вскоре завязали крепкую дружбу с потенциальной певицей.

Полли, в свою очередь, стала одним из верных группе цветком, выделяясь на местных выступлениях и завалив фронтмена Пэриша своими домашними плёнками собственных композиций, которые он отклонил, сославшись на «звучание семнадцатилетней» - не удивительный факт, ведь ей только что исполнилось 18. Тем не менее, он был восхищен ее вокалом и игре на гитаре, а Полли не была тем человеком, от которого можно было быстренько отделаться. Тем ноябрем, ‘Me and my Consience’ стал третьим синглом группы, выпущенным на Idea Records и включавший ремиксы песни ‘Love Smarts’ на обеих сторонах – А и Б. Сингл достиг в Record Mirror (британский музыкальный еженедельник) похвалы в колонке Сингле Недели, будучи описанным как «шедевр – Уильям Берроуз в поп-музыке». Обзор Underground-а был таким же положительным, признав его «самым остроумным анализом этой стороны Вуди Аллена», оглашая благоприятную обстановку для выпуска их дебютной пластинки, *The D Is For Drum*, которая последовала чуть позже. К несчастью, четвертый сингл, ‘Johnny Pineapple’, приготовленный для релиза на Red Rhino (вышел на Roustabout в июне 1988), не состоялся из-за краха Red Rhino, в то время как группа все еще ждала тест-прессинга. Группа продолжила гастролировать в округе, выступая в местах далеких от дома таких, как Winchester's Railway Inn и Southampton's Joiner's Arms.

Между тем настойчивость Полли Харви дала результаты. В июне 1988 ушел Роб Эллис, чтобы основать группу Ur. Кроме того в проекте приняли участие гитарист под прозвищем Head, Майк Партингтон еще на одной на гитаре, Джейсон Роу на вокале – нынче сольный музыкант, известный как Jai – и Энди Хендерсон на ударных, который также вышел из Automatic Dlamini. Нуждаясь в бэк-вокалисте, Джон подумал о Полли и позвал ее. Она своевременно прошла пробу и предоставляла услуги группе на гитаре, саксофоне уже в следующем месяце. Так неожиданно она

стала участницей группы, которая действительно успешно записывалась - возможность, которую она не собиралась потратить впустую. Это было своеобразным боевым крещением.

Той осенью, Automatic Dlamini отправились в европейское турне, выступая на Independence Days Festival в Берлине, затем переместились в Варшаву на недельную запись, которая выросла в выступление в клубе University Rivera Remont. Гастроли подтвердили бесценную подкованность Полли во многих вещах. «Это первая группа, в которой я была, и мы отправились в Польшу», - рассказывала она Q в 1993. «Впервые, когда я покинула свою страну. Когда я попала туда, то поняла, что не все имеют приличное мыло и туалетную бумагу. Прозвучит глупо, но это было той вещью, которую я по-настоящему никогда не осознавала. Когда я добралась до дома, то стала ценить эти вещи».

Другой берлинский концерт по пути домой утвердил немецкое разрешение на выпуск альбома *The D Is For Drum*. К группе во время турне присоединился Джером Болл на басу, синтезаторе и драм-машине, а затем они взяли еще пару человек в январе 89го – «сумасшедшего» японского ударника Ичиру Татсухару и Бэна Гроневелта на бас. Новый, расширенный Дламини выбрался на пяти недельный европейский тур, который проходил в период с июня по июль 89го, включая трехнедельное пребывание в Восточной Германии. Самый обширный тур по Восточному блоку, который предпринимался западной группой, а также несколько концертов в Испании. Не обошлось и без инцидентов - хотя, Ичиру Татсухаре отказали в возвращении в Британию на их обратном пути из-за проблем разрешения на работу, неблагоприятная ситуация заняла три месяца решения этой проблемы.

По возвращению в Англию, Полли была достаточно мудрой, чтобы осознать, что ее музыкальное будущее совсем не гарантировано, и она в связи с этим поступила на курс Art and Design Foundation Diploma в Колледже Йовила. Курсы для восемнадцати летних, которые тогда считались предпосылкой для любого желающего позже получить степень, основывающуюся на искусстве в любой из главных Художественных Школ и Университетов страны. К несчастью для мирового конного спорта, и болезненно для Харви, поступление в Художественный Колледж стоило ей любимого коня, которого пришлось продать. «У меня не было больше времени ухаживать за ним. Это было решение, которое я должна была принять». Но ее карьерное начало становилось все более и более очевидным, таким образом, это была стоящая жертва.

В Йовиле курс Искусства и Дизайна основывался на серии учебных семинаров, которые концентрировались на поиске студенческой усидчивости и позже художественном внимании. Дни Полли проходили на различных семинарах, включая графику, скульптуру, фотографию и создание гравюр. Она обучалась у заведующего кафедрой Йена Робертсона – скульптора по профессии, и Джима Митчела, нынешнего завкафедрой и учителя графики. Как Митчел описывал это – «По окончании первого семестра, студенты должны были выбирать, в какой из областей им хотелось бы специализироваться, и они должны были бы работать в этой сфере в течение следующих двух семестров, и создавая собственные работы в конце второго семестра. И так - они будут набивать себе портфолио в своей собственной области между январем и апрелем, а затем они вынесут это на собеседование. И потом, между апрелем и июлем, когда курс закончится, они завершат работу, которая сформирует часть оценки этого курса».

Митчел был руководителем Полли на семинарах по графике, и, несмотря на то, что он вспоминает ее работы как «ничего из себя не представляющие», она вскоре нашла страсть к скульптуре, которая и стала ее специальностью, проводя много времени с Йеном Робертсоном, который

«подпитывал ее идеями и обсуждал разные вещи с ней. Она создала несколько работ, в то время – у меня все еще находится одна из них в коридоре – и другая должна была висеть у лестницы, но сторож выкинул ее в контейнер не так давно, потому что она испортилась, и как я думаю, они считали ее опасной для жизни. Это было что-то вроде гипсового слепка. Она использовала для работы такие вещи, как слепок своего лица и части деревьев». Другая ее работа содержала огромную пару крыльев, сделанных из строительных отходов и штукатурки, и сохранившаяся скульптура – «серия коробок с банками и гипсом» - все еще привлекает внимание посетителей Колледжа. И хотя без сомнений она испытывала страсть к своим работам, находились проблемы среди некоторых членов курса относительно ее довольно нетрадиционного подхода к определенным аспектам. «Она имела преимущество над другими студентами в том, что она имела возможность привлечь других людей делать вещи для нее», - говорил Митчел. «Ее родители, занимались строительством, и, следовательно, если она хотела что-то сделать, они предоставляли ей некоторых работников, а также кирпичи, и бетон, и фургон, - всё это всегда мне казалось не относящимся к делу. Вот такие дела».

Хотя курс продолжался всего год, именно здесь были первые опыты Харви с артистической тревогой, которая преследовала ее в течение взрослой карьеры, чувство «негатива доминирующего над позитивом», которое «приходило из ниоткуда и охватывало меня». Это чувство было по существу связано с ее работой, как она рассказывала Q. «Я всегда была склонна к стрессу, к чувству неудовлетворенности, чем бы я ни занималась. Я очень страдала этим в Йовиле, потому что я была недовольна своими работами. Я не знала, сколько это будет продолжаться». Конечно, она чувствовала эту неудовлетворенность так остро, что она фактически покидала курс три раза, но была возвращена лишь уговорами ее наставников, кто согласно к Харви, «провели настоящую работу, чтобы оставить меня там». Позже она дополнила сказанное в *Hot Press*, заявив, что «Я, возможно, была действительно хороша, если бы упорно трудилась. Чтобы я ни делала, я работала очень, очень усердно, потому что в противном случае я была неудовлетворенна собой. Я не могла жить так с собой. Если я не толкаю саму себя, я несчастна. Это тяжелый путь. В колледже, я все время слишком много работала, и продолжаю это делать сейчас».

Эти беспокойства не были заметны друзьям и наставникам, хотя Джим Митчел вспоминает полученные впечатления – «у нее были другие вещи на уме». Конечно, ее зависимость от Automatic Dlamini указывала, что те «другие вещи» могли быть вызваны ее начинанием музыкальной карьеры, наряду с неуверенностью – какой же артистический путь она выберет. Хотя она выражала недовольство тем, что у нее не было шанса петь в той мере, в которой ей хотелось, позже она отмечала, что она была «просто счастлива учиться игре на гитаре», а расписание студийной и концертной работы стало бесценной основой для ее музыкальной эволюции. Она была, очевидно, на распутье между двумя путями, открытыми для нее, становилось очевидным, что музыка быстро все больше и больше доминировала над другим путем. «Музыка более трогательная, физически трогательная», - позже она рассказывала *Hot Press*. «Я считаю, что живопись требует слишком много умственного труда. Я бы предпочла контролировать весь процесс рисования или создания скульптуры, чем размышлять над ним. Вот почему я выбрала скульптуру. Она более вещественна. Она воздействует на пространство вокруг, это чуть ближе к музыке».

Полли провела ноябрь и декабрь 1989го в Оксфордской VM Студии с Дламини, записывая до сих пор официально невыпущенный, но хорошо продаваемый бутлег *Here Catch, Shouted His Father*. На сессии сделали перезапись 'Johnny Pineapple', в этот раз созданную как дуэт Полли и Джона, а также запись одной композиции Харви – это была официально ее первая сольная запись. Песня

носила название 'Heaven', не появившаяся на многих бутлегах альбома по странным обстоятельствам, но она обеспечивала путь к познанию ее ранней лирики, поглощенной предательством и искушением Евы, и изгнанием человечества из Рая. Темы, которые развиваются на ее первом сольном альбоме. «Если Небеса это место на Земле, тогда я должна быть на Луне», - пела она в фольклорном сопровождении перкуссии до того, как задаться вопросом, - «Когда она взяла яблоко и дала его ему, знала ли она, что делает?» Песня не стала бы неуместной на ее дебютном альбоме. В студии к группе присоединился Алан Ходжсон, заменивший Татсухару, который пребывал все еще за границей, а дополнительный бэк-вокал был предоставлен Джереми Боллом, Сарой Пэриш и Виком Ворсли.

Automatic Dlamini были сильно загружены в последние несколько месяцев, записывая четыре песни для Радио Orchard в июне и даже снимаясь для TSW молодежной культурной программы *Tongue N' Groove* в сентябре 1990го, фильм в конечном итоге вышел в январе 1991го. К тому времени, музыкальная уверенность Харви возросла и, заканчивая курс в Йовиле, она решила двигаться дальше, объединившись с ударником Робом Эллисом, недавно ставшего отцом, и басистом Йеном Оливером. Они оба особо значимы в истории Дламини. Дуэт в настоящее время выступает с Марком Верноном как часть Big Vern. Группа выпустила один сингл 'Premonition', при участии Роба на перкуссии «кухонной посуды» в стиле Дламини, и при поддержке Джона Отвэя, а также сфотографировавшись с Джоном Кейлом, который заодно сделал вклад в их злополучный альбом *Lullabies For Lager Louts*. Они запечатались и с материалом Харви, который включал раннюю версию песни 'Sheela-Na-Gig'. Трио быстро распалось по запросу Харви, а Марк Вернон примерил на себя мантию менеджера.

В январе 1991 они начали выступать под именем PJ Harvey, название ясно говорило о том, что это был проект Полли, хотя согласно журналу Q, их первый концерт, состоявшийся в кегельбане отеля Sherbourne's Antelope, был менее чем успешный. Едва группа переместилась на сцену и стала распевать свой материал, у аудитории появилось намерение медленно, но уверенно направиться к выходу до тех пор, пока не осталась лишь горстка профессиональных игроков. Взмолванный быстрым исчезновением покупателей пива, хозяин заведения как полагается незаметно подозвал группу и попросил их прекратить выступление, при этом с удовольствием полностью заплатив им взамен тишины и возврата своих клиентов. Несмотря на такой плачевный старт, группа перешагнула через этот неуспех и продолжила свою деятельность, не падая духом и выступая по местным заведениям, а также заручившись поддержкой местной группы The Family Cat. Медленно, но уверенно они создали себе приверженцев из местных пристанищ. Но Полли была убеждена, что группа создана для великих вещей, и чувствовала, что успех и признание «не могут прийти слишком быстро», и, чтобы достигнуть этого стремления, они должны выступать в каком-нибудь другом месте. Этим другим местом стал Лондон, и Полли знала номер тех, кто мог бы обеспечить им концерты, и кто мог даже открыть несколько путей для них.

Одой из этих групп были The Becketts, которые выступали в клубе под названием Sausage Machine в пабе Hampstead White Horse. Эти концерты были организованы Полом Коксом и Ричардом Робертсом из независимой студии записи Too Pure, которые могли похвастаться таким исполнителем как Th'Faith Healers в своем реестре. Полли не теряла времени даром, мимоходом подбросив демо записи группе, и попросив их посмотреть, могут ли они использовать ее на концерте. А было это в мае 1991. Пол Кокс пришел в восторг от первых трех записей ПЖ Харви, которые содержали три песни 'Dress', 'Happy and Bleeding' и 'Sheela-Na-Gig'. «Буду честен, я не ставил пленку некоторое время», - нынче вспоминает Кокс, - «потому что название меня смутило. Это не походило на название группы, звучало слишком по сингерски-сонграйтерски для меня, что

могло звучать слишком фолково. Также, я не знал мальчик это или девочка. И обложка ничего не значила для меня – туманная, абстрактное фото, вложенное в кассетную коробку». Но Кокс поставил кассету и сфокусировался на группе, с которой он незамедлительно начал сотрудничество.

Вернувшись в Дорсет, Харви продолжила выступать как трио, но оставалась связанной с Automatic Dlamini, которые временно были распущены на время, пока Пэриш работал с Wall Of Sound, своим старым другом Марком Морлэндом и его французской группой Ensenada Joyride, которые пребывали в Королевстве в течение четырех месяцев. Итог - 3 видео сняты в поддержку невыпущенного альбома *Here Catch* и забракованного 12дюймового мини-альбома *Water*, пока, в конце концов, Automatic Dlamini не объединил Пэриша, Хога, Харви, Гроенвелта и Татсухару в клубе Малаар в Бристоле 7го июня. Джеймс Пауэлл, сын Джорджа Фэйма и другой бывший ученик Джона, присоединились к Automatic Dlamini во время турне. Харви также присоединилась к группе для сессии на Studio Orchard FM в июне 24го, принесла с собой три песни, включенные в последний альбом Дламини следующего года, такие вещи как 'Yellow Hollow' и 'Putty'. Она также воспользовалась удобным случаем, чтобы расширить свое портфолио, и записала бэк-вокалы к двум песням группы The Family Cat на альбоме *Furthest From The Sun* - на 'Colour Me Grey', позже выпущенной как сингл тем сентябрем, и на 'River Of Diamonds'.

Тем временем в Лондоне, спустя несколько дней после получения кассеты, Коксу попала на глаза пленка, и он решил прокрутить ее. На удивление приятный сюрприз - она была далека от банального спального нитя и уныния, которое он ожидал. Даже более поразительно для человека, который знал все о современной сцене, она звучала так, чего он раньше никогда не слышал. «Это был 1991, и в те времена музыка была слишком инди», - рассказывал он в 2003. «Саунд той группы был шумный, сильное влияние гитар. Что-то вроде шугейза. Волнующий вокал, в меньшей степени сонграйтерский. И я втянулся - это было намного более первородным, перспективным, обнаженным, сырым и искренним. Это было прямым зондированием гитар, и совсем не похоже на инди. Не было архаичного звучания, но слушалось как классическая вещь. Как Боб Дилан или блюз».

Уникальное качество, тем не менее, имело свои препятствия, когда дошло дело до концерта, как вспоминает Кокс. «Было что-то, что отделяло их от звучания того времени. Оно было привлекательным и отталкивающим в одно и тоже время. Ведь если у тебя есть демо-запись группы, которая хочет играть концерт, и они звучат как панк-группа, ты ставишь их с Megacity Four и Snuff, а если ты думаешь, что они звучат как My Bloody Valentine, ты ставишь их с Slowdive. Таким образом, ты занимаешься классификацией. Было трудно сделать это с той записью». Все же, Кокс был заинтригован пленкой, проиграв ее своим современникам-соседям, которые в равной степени впечатлились силой и оригинальностью материала. Партнер Кокса по Too Pure, Ричард Робертс, был также подключен к раскрутке, и, зная, что группа отчаянно пыталась начинать играть в Лондоне, Кокс быстро вошел в контакт и зарегистрировал их как часть Moonshake-выступления в Moonlight Club в Западном Хэмпстеде. Группа имела огромный успех, хотя Кокс был в отпуске ту неделю и пропустил выступление, но он незамедлительно вписал их снова на август, в поддержку Midway Still и друзей Харви The Becketts в клубе Sausage Machine в Белой Лошади.

Лаура Ли Дэвис из *Time Out* наблюдала концерт тем вечером. Она была так впечатлена еще неосознанной мощью группы, что решила отдать для них их первую главную СМИ колонку в сентябрьском номере журнала. «Голос Харви ухмыляющийся и сердитый; ее гитарные аккорды сплетаются с басом и ударными на полной скорости в течение всего пути. Неизбежно сворачивая с

курса и ломаясь, присоединяясь к сладкому хаосу, и оставляя аудиторию воодушевленной, нежели помутневшей». Статья также включала несколько слов самой Харви, что могло быть свидетельством ее раннего интервью. Разговаривая о своей музыке, она разъяснила так: «Я хотела экспериментировать с клише времени, создать комплекс ритмов взятых вместе в сплетении. Другие люди создают на самом деле интересные вещи, но, когда собирают их вместе, они не трогают меня, не проникают в меня». Она также рассказала относительно своей позиции в отношении между лирикой и выступлением, прокомментировав так: «Я люблю наблюдать за людьми во время пения. Я вся в этом, потому что я пою о том, чем я являюсь. Слова обо мне, что я пережила. Поскольку они правдивы, я надеюсь, что другие люди вникнут в них. Я ненавижу, когда я прихожу на группу, а она смотрит в пол. Они должны знать, что я здесь». Она также воспользовалась удобным случаем, чтобы рассказать о людях, повлиявших на нее, таких как Tom Waits, Nick Cave, Rolling Stones, хотя она быстро сделала акцент, - «под влиянием этих людей мне хотелось бы попробовать что-нибудь другое». В глазах Дэвис, Харви была преуспевающей в своих намерениях, заканчивая словами: «Это - начало интеллектуальной музыки, которая говорит с теми, кому не нравится, когда им говорят, о чем следует думать».

Хотя каждый, кто видел их выступления, был взволнован их очевидным потенциалом. Трио, казалось, не замечали своей собственной мощи. Почти скромно – они, конечно, не проявили высокомерие, излюбленное многими андеграундными группами. «Я думаю, не было ничего поразительного в их ранних концертах, потому что она была невероятно скромной, пугливой и робкой», - вспоминает Кокс, «просто была рада играть в Лондоне. Не было ничего такого в выступлениях, или в том, как они приблизились к контакту с людьми, как бы ни были уверены в себе. Была некая самоуверенность в своем выступлении, это было похоже на поведение любой другой группы в действительности» Очевидно, одно из главных очарований покоилось в маленькой женщине, такой изящной и замкнутой, но громкой и агрессивной одновременно, - то противоречие, которое придавало существенное «что-то еще» их выступлению.

«Когда ты разговаривал с Полли в тот период, она была чарующей, остроумной и забавной в разговоре, например, когда ты сидел с ней в баре. Но она не была болтливым артистом, она лишь поддерживала разговор. Группа делала потрясающий саунд, играя великолепно и везде восхитительно звуча, но не было никакой реальной показухи. Не было огромной значимости звезды-персоны, которая стоит над всеми. Она не читала мораль со сцены, не пленяла публику сниманием штанов. Она скорее завораживала при диалоге в баре тет-а-тет, чем на выступлении, она была в действительности тихим пугливым фронтмэном и просто позволяла вести разговор музыке. Настоящий рёв выступления».

Роль Полли в группе как лидера очевидна даже в те времена, как вспоминает Кокс: «Я думаю, что ребята из группы отчасти соглашались с этим, это воздействовало и на них тоже. Может быть, если они играли бы в другой группе, он звучали бы более рок-н-рольно, но тут фронтмэном с самого начала была именно Полли. Я всегда думал, было ясно - они не находились в ее тени, но осознавали, что вела их именно она. Это было незадолго до того, когда мы встретились с ней, с ней и Марком Верноном, ее менеджером. Они никогда не были с другими двумя парнями, хотя это никогда не казалось странным, откровенно говоря, у нас были более простые отношения с ними. И так с самого начала это было ее детище». Несмотря на это, вклад ее музыкантов был, безусловно, очевиден. «Я верю, что те двое парней потрясающие, особенно Роб. Стив был любопытным басистом, действительно неортодоксальным, и имел собственный стиль, но я думаю, что Роб имел сильное влияние на то, как это звучало тогда. Ведь ПЖ Харви звучала

совершенно по-разному с разными музыкантами. В начале ее карьеры концерт основывался в основном на группе, а потом все изменилось, я думаю, и группа изменилась».

Некоторая музыкальная пресса уже обратила пристальное внимание на это явление, и сентябрьский концерт группы в Белой Лошади получил восторженный отзыв от *Melody Maker*, в котором говорилось: «В следующем году вы будете удивлены – как же вы жили все время без ПЖ Харви. Это звучит избито, я знаю, но даже самые стойкие парни из Мэйкер падут на колени от союза музыки и харизмы <...> Есть песни с таким настроением, что на какое-то время кажется, он сжимает в своей руке чашу с самим адом. Боже, это было бы новый вид кантри-музыки, если она не была бы столь альтернативной». Кокс и Робертс были достаточно расчетливыми, чтобы осознать - они держали в руках то, что заключало в себе огромный потенциал, чтобы взорваться. Они быстро согласились выпустить сингл на Too Pure. Именно то, что Полли так ожидала. Три года опеки под крылом Automatic Dlamini принесли свои плоды. Теперь она только должна была надеяться, что остальная часть мира будет столь же впечатлена как Кокс и его когорты. И ей не пришлось долго ждать, чтобы это узнать.

DRY [Сухой, сдержанный, жаждущий]

«Она начинает выступать так, как будто росла в трясущейся повозке, оставляя след дыма и резины на всех сторонах трассы М1» [прим. М1 между севером и югом автострада в Англии]

The Guardian, февраль 1992

Первый сингл на Too Pure, 'Dress' [Платье] был выпущен в октябре 1991го. Мощный поп-гимн, который описывает процесс облачения для того, чтобы выйти на улицу. Вещь была взята непосредственно с исходной демо-кассеты и получила незамедлительную похвалу СМИ, будучи обозначенная как Сингл Недели от приглашенного рецензента *Melody Maker*, Джона Пила, который пришел в восторг: «Кажется, что ПЖ сокрушается под тяжестью своих собственных песен и аранжировок, как если бы воздух буквально был высосан из них... восхитительно, а то и предельно приятно». Песни утопали в искрометном черном юморе, с образами застенчивой героини, одевающейся, чтобы обольстить: «должно быть что-то, что я могу надеть, чтобы понравиться ему, тяжело идти – ведь платье это не так просто, Я шатаюсь, будто тяжело нагруженное фруктовое дерево». Заканчивается всё унижительной записью в дневнике ужасно неблагодарного вечера: «Платье мерзкое, Я падаю плашмя и мои руки пусты... упавшая женщина в вечернем костюме». Чувство дискомфорта проходит всюду – через требовательный настойчивый бит и грубо скрипящий аккомпанемент скрипки - особенности, которые добавили интенсивность назойливости.

Сингл сопровождался странным видео, на котором мерцали изображения Харви и ее вырезанным силуэтом на полу, с вырезанной одеждой, расположенной вокруг нее, словно одна из тех комичных старых куколок с разнообразием одежды. По иронии судьбы, это был тот Би-сайд, который требовал более пристальное внимание, благодаря его более спорному содержанию. Гимн сексуальной неудовлетворенности, 'Dry' показывал Полли, мстящей мужчинам, со своим припевом «ты оставил меня сухой», но, смягчая прямое подозрение из-за заявления типа «поймала это в лицо»; хотя только особо стыдливые могли бы игнорировать факт того, что столь высокая мелодрама имела более чем прикосновение языка в щеку. Джон Пил остался настолько впечатленным релизом, что пригласил трио на запись Peel session для радиопередачи в ноябре. Значительное достижение для недавно заключившей контракт инди группы с только одним синглом на своем счету, и для которой они сделали предполож своего следующего сингла 'Sheela-Na-Gig', в одном ряду с 'Victory', 'Oh my lover' и 'Water'.

Отклик последовал незамедлительно. Как вспоминает Кокс: «С октября и далее все выступления были распроданы. В The Falcon и Bull & Gate - билеты на маленькие концерты, вмещающие 100-250 человек, были раскуплены, и все время рос спрос. Старый Powerhaus в Ислингтоне был немного больше и вмещал 350 человек. Все распродалось, ты не успеваешь за всем этим. Это было нелепо, и мы сделали помещение для организации продаж из моей гостиной. У нас не было офиса или чего-то такого, был настоящий хаос». Неудивительно, внезапный успех группы создал суету в индустрии A&R, и к тому времени вещание на радио Peel session стало тем, за что бились главные лейблы. Но это им не помогло, неофициальный контракт был заключен с Too Pure, даже на этом этапе. «Когда вышел 'Dress', они его не подписали» – говорит Пол Кокс. «Что я имею в

виду – не было клочка бумаги, где бы что-то фиксировалось. У нас было несколько встреч в Camden баре с Марком и Полли, и одна именно в World's End, где мы и разговаривали об их желаниях, и мы их спросили – Вы заинтересованы в выпуске альбома?»

«Они ответили – да. Поли нравились Th'Faith Healers, которые выпустили, безусловно, успешный релиз, и забавно было то, что Марк, по моему мнению, недооценил немного ситуацию. На этом этапе мы не собирались выпускать альбом на лейбле, мы просто сказали: «Хотите сделать запись?», имея в виду сингл, а он ответил: «Да». Он играл в менеджера, имея немного тяжелую руку уже на начальном этапе, но в двух словах он сказал: «Мы хотели бы, и мы готовы сделать альбом». И так, я и Ричард переглянулись друг с другом, думая, «Что за черт! Мы еще не делали ни с кем альбом!» Но мы сказали: «Хорошо, если вы готовы сделать альбом, мы сделаем альбом». Потом мы с Ричардом ушли, «Каким хером мы собираемся за это платить? Нужно ли нам это на самом деле? Ладно, уже все решено». Хотя они и не знали ответов на эти вопросы в то время, но они только что скрепили соглашение, которое было сродни для Too Pure выигрышу в лотерею.

Взбудораженная интересом и с неожиданно загруженным концертным графиком, оптимистичная Полли перебазировалась в Лондон, с сожителями из дома и группой. Ее комната, в Тоттенхэме, была оборудована только газовым нагревателем, софой, односпальной кроватью и стерео. В этот момент в группе произошли первые изменения, когда Ян Оливер покинул группу, чтобы присоединиться к возродившемуся Automatic Dlamini, но он вскоре был заменен Стивом Воэном и его пяти струнным безладовым басом. Несмотря на свалившийся успех, 21 летняя Полли, казалось, плотно стояла на земле, отказавшись переезжать, пока она не гарантирует себе место в Лондонской престижной Художественной Школе Святого Мартина, которую она в последствие отложила на год из-за взлета музыкальной карьеры. Благодаря внезапному перенасыщенному графику, она так никогда не сходила на курс. В итоге официально отклонив ее предложение, как позже она заявляла журналу Billboard: «Причина, почему я стала заниматься музыкой, вместо того, что я делала раньше - скульптура, находилась в том, что я чувствовала, что музыка лучше - более доступный путь, чтобы достучаться до людей. Живопись может заставить тебя задуматься, но она не схватит тебя за живот, потрясет тебя минуты три, и затем оставит чувства истощенности и пустоты».

Однако Полли осталась вдохновленной из-за избытка возможностей, которые внезапно открылись для нее, восклицая интервьюеру: «Я готова нести этот груз. Парки, театры, изобилие групп. Множество работ по совместительству. Стучать, петь, рисовать, плавать. Я хочу играть в нетбол» [*прим.* традиционно женский вид спорта, разновидность баскетбола]. Оглядываясь на прошлое, кажется естественным, что Полли Джин была полностью не подготовлена к этому уровню успеха, который она достигла, успеху, который оставил немного времени для столь широкого ассортимента хобби. Но светская сцена вокруг группы предоставила свои удобные преимущества, не в последнюю очередь, из которых стал ее первый бойфренд, 30 летний камрад по музыке и ударник Th'Faith Healers', Джо Дилворф, теперь уже фотограф.

«Мы поддерживали общение между группами, с которыми вели дела», - вспоминает Пол Кокс. «Stereolab, Th'Faith Healers и другие. И вот так Полли встретила Джо. Мы провели Рождественские концерты и провели один концерт в начале декабря прямо на железнодорожной арке на Лондонском мосту. Где-то 300-400 людей. Там были Stereolab, ПЖ Харви и Th'Faith Healers - полулегендарный состав, играющий вместе. Они играли несколько раз вместе. Очень скоро, группы, с которыми мы работали, делали успехи, а мы советовали им посмотреть на ПЖ Харви и

дать нам свое мнение насколько возможно. Не помню, сколько продолжался их роман – может шесть месяцев, что по рок-н-рольным меркам достаточно долго».

Группа продолжила выступать в течение Рождества и Нового года, заручившись поддержкой Robyn Hitchcock в ULU. Журнал *Melody Maker* типично пришел в восторг от ее декабрьского выступления в Camden Falcon, заявив, что «К этому времени в следующем году, Полли Харви увидит себя на обложке нашего издания как минимум раз. Она изумительна, радостна, столь же важная как любой существующий акт». Их пророчество сбылось.

Новый год застал Полли в хорошем расположении духа. Она приняла участие в довольно нетипичном предприятии: бэк-вокал и гитара для выступления FABBA в Gillingham's EBC. FABBA была однодневным трибьютом группе АББА, состоящего из певицы группы Grape и гитариста Марка Бэрбера, Bastie на басу, Джона Пэриша на ударных и Полли собственной персоной на вокале - жаль, что нет записи этого мероприятия. Сет-лист содержал кавер-версии на песни группы АББА, неудивительно, что это было далеко от того, чем она обычно занималась. Марк Бэрбер воспользовался удобным случаем, чтобы пригласить Полли на главный вокал в припеве следующего сингла Grape, забавно названного 'Baby In A Plastic Bag' [Ребенок в пластиковом кулке], который был выпущен в начале 92го. Однако, за улыбками и простотой, у Полли были тяжелые времена: адаптация к давлению неожиданного успеха, плюс к этому усилия Марка Вернона заключить сделку с мэйджор лэйблом. Хотя группа заключила неофициальный договор с Too Pure на два сингла и альбом, не было подписано ни одного легального документа. А это значило, что Полли находилась в положении «свинка посередине» между Too Pure и Марком Верноном. [прим. свинка посередине – человек, находящийся между двумя людьми или группами, ведущими переговоры между собой, но несогласный ни с одной из сторон]

'Sheela-Na-Gig' - второй и последний хит-сингл на Too Pure, выпущенный в феврале 1992 и быстро поднявшийся в цене. Со своей психодрамой: возлюбленный, испытывающий неприязнь к «грязным подушкам» своей партнерши - термин для груди, возможно, наиболее известный по мучительному фильму «Кэрри», используемый религиозной матерью героини с распятым в руках. Но более интересной историей было то, что стояло за названием заголовка сингла, который мгновенно сделал песню популярной среди язычников: «Sheela-Na-Gig» - высеченный из камня кельтский, изначально ирландский, образ женской фигуры, согнувшейся книзу, выставившей свое влагалище и безумно смеющейся», - так Полли объясняла журналу *Puncture*. «Что мне нравится – что она смеется и 'дерет себя в клочья'. Юмор и страх».

Она, возможно, также невольно показала удивительный интерес к колдовству, поскольку строчка "помещала деньги в твоём праздном отверстии", ссылается на смутное предположение, что речь средневекового культа ведьмы была баскской, и что термин «Sheela-Na-Gig» на самом деле произошел от баскского Chilo-nagi – «Незанятая дырка». Как комментирует это Майкл Харрисон в *The Root of Witchcraft*: «Мы должны помнить, что в именных списках языческих нормандских захватчиков, женщины завоеванных племен были перечислены как «дырки». ПЖ была очевидно девочкой, кто не намеревался церемониться подобным содержанием. Сопровождающее видео было смесью кино и снимков женских аксессуаров - пара серебряных высоких каблучков, сумочка и губная помада, все изображения, что были в доме и на сингле 'Dress'. Релиз также обеспечивал коллекционеров первой главной раритетной вещью ПЖ Харви – 400 копий 7 дюймовых винилов отпечатанных благодаря задержке на производстве Too Pure из-за отмены остающегося заказа. Поклонники теперь расстанутся с абсурдными суммами наличных, чтобы иметь оригинал, который таким образом, кажется к счастью, избежал лап «фальшивомонетчиков». Обложка была очень

волнующая: пародия на обложки гламурных журналов, со странно искаженным лицом, безумно усмехающимся через туман помады.

Неудивительно, публика была удивлена и отреагировала, отправив сингл на позицию номер один в инди-чартах, а 'Dress' впервые в Топ-10. Сочетание синглов имела дело с явно выраженными женскими символами «неудовлетворения и зуда», получив похвалу от феминистов, которые быстро предположили, что Полли утвердила свою лояльность к проституции. Однако Полли никогда не была подобной знаменитостью или той, кто принимает такие проблемы легкостью, и она отказалась от титула «феминистки», утратив вкус к постоянным издевательствам. «Я не провожу время, думая о феминизме», - конкретизировала Полли в *Puncture*. «Для меня это деградация. Ты можешь говорить о вещах слишком много и ничего не сделать. Я предпочитаю идти вперед и делать вещи, не думая о них».

Эта склонность к действию объясняет Полли собственные нравственные устои, касающиеся ее отношения к записи, как вспоминает Пол Кокс: «Одной из причин, почему я всегда буду уважать Полли - это то, что очевидно вещи пошли душевно сразу же после вышедшего сингла, а затем очевидно начался безумный концерт. Она была подвергнута такому большому давлению, чтобы подписать контракт с Island из тех лейблов – контракт с любым, но, в конце концов, это стал Island. Понимаете, она была соблазнена каждым лейблом в городе, но в конце, ее менеджер Марк, оказывал на нее давление - подмахнуть бумаги с теми лейблами, и возвратиться к тому, что мы огласили в баре. Вот так вкратце.

«Она сказала 'Нет, нет, нет, мы усядемся с этими парнями в баре и скажем, мы желаем выпустить альбом, вот, что мы собираемся сделать'. Она не собиралась этого делать, ведь контракта не существовало. И, фактически, она подписала контракт с желанием Марка Вернона по пути к BBC Radio в Portland Place в тихое воскресное утро. Мы хотели сделать встречу конфиденциальной с ней, чтобы Марк об этом не знал. Очевидно, это было коварно. И это было после второго выпущенного сингла, и, вероятно, до выхода альбома».

Дебютный альбом *Dry* был выпущен в марте 1992, и сопровождался секретным шоу-сюрпризом в магазине пластинок Нила Yard Rough Trade в Лондоне. Это было более чем оправданное выступление в виде песен 'Dress' и 'Sheela-Na-Gig'. Записанный и со-продюсированный в йеовильской студии Icehouse корешем Роба Эллиса - Хэдом в течение рождественского периода, альбом был создан за счет скудного бюджета в 5 000 фунтов. Имея за спиной уже подписанный контракт с Island на следующий альбом, группе предоставили возможность использовать студию Island в Хаммерсмите, но сессия сорвалась, т.к. они не были удовлетворены результатом. По словам Пола Кокса, разные записи с альбома все еще в хранилищах. К сессии группы присоединились гостевые музыканты, включая Бена Гронвелта из Automatic Dlamini, который добавил контрабас в 'Dress'. Майк Пэйн и Час Дики внесли гитарный перебор и виолончель на 'Plant and Rags', а бывший участник Ян Оливер сыграл бас-партию на 'Dress' и 'Happy and Bleeding'. Песни 'Plant and Rags' и 'Joe' написаны в соавторстве с Робом, который аранжировал струнные и со-продюсировал альбом. Марк Вернон тоже принял участие в со-продюсировании 'Dress' и 'Happy And Bleeding'.

В результате была необычная нарезка стандартов инди поп-рока на одном уровне с классическими и библейскими аллюзиями и, заканчивая представление невероятной готической 'Oh My Lover' - медлительным стенанием, где героиня молится за неверного потерянного возлюбленного оставившего ее на стороне: «Ты можешь любить ее, можешь любить меня в то же

время». Столь же правдиво, как любая попытка изложения в данной ситуации могла бы быть. 'Happy And Bleeding' – как подчеркивала Харви, песне не о менструации – повторяя тему о Падении Человечества изначально бывшего в Раю: «сорви фрукт, смекни – я обнажена», в то время как Самсон и Далила стали возлюбленными в 'Hair'. Ангелы – не меньше, чем сам Господь Бог – явились в 'Victory' и 'O Stella', в то время как Икар и его восковые крылья разрушились в 'Water'. Тем временем в 'Joe', Полли обещала «омыть твои стопы – своими волосами, я вытрус и высохну». Хотя многие ссылки Харви были недоступными для несанкционированного доступа, очевидно проходящие темы в альбоме были страстью в самом широком смысле: религия и секс, боль и преображение, но всегда пылкие независимо от того, какие враждующие эмоции вплетаются в игре. На вопрос насчет библейской тематики, Полли ответила *Alternative Press*: «Я не хожу в церковь или еще куда-нибудь, я даже некрещеная. Но я желаю понять в религии себя, поэтому я посветила год или около того изучению этих тем. Каждый день много ссылок на Библию, что я чувствовала, словно я упускаю что-то, а чтение улучшает мои знания и английский язык».

Несмотря на присутствующий юмор в эмоциональном спектакле 'Oh My Lover', 'Dress' и 'Sheela-Na-Gig', было заметное чувство тревоги, которое постоянно подчеркивало легкомыслие, особенно ясно в 'Plants And Rags' – песня, вдохновленная книгой с фотографиями: «Каждый разворот имел картинки-крайности, как свет и тьма. Одна показывала обратную сторону домов, простыни, висящие на веревках для белья, подсолнечники. Очень обычно. Я выбрала это для звучания слов вместе». Звучание слов как – «опусти меня в похоронный мешок» было конечно захватывающим, но оно также передавало темноту души артиста, от чего в последствие было трудно отказаться. Юмор и «ужас», действительно.

Крайности были чем-то, чем она зачастую восхищалась в ранние годы. «Я всегда хотела писать что-то, что интересовало и волновало меня. Я нуждалась в волнении, и это означало, что мне нужны крайности. Мне нужны происшествия, когда ты не ожидаешь их, мне нужен звук, что сотрясет меня и пройдет через тело, а не только через голову. Я люблю стоять перед басовым усилителем». В этот редкий момент откровения, когда она разговаривала в *Puncture*, Харви объясняла: «Множество песен о неудовлетворенности и разочаровании. Все чувствуют это. Я назвала альбом Dry, потому что это просто: минимум слов, но много мощи из-за этого. Это слово говорит о необходимости в чем-то, и множество песен об этом. Мне кажется, это забавно петь о сухих влагищах».

По вопросу о взаимоотношениях, центре многих ее песен, Харви позже констатировала репортеру *LA Times*: «Я всегда находила странным, что люди, кажется, просекают факт, что все мои песни представляют собой взаимоотношения, несмотря на то, что об этом и были эти песни в течение многих лет и лет и лет. Это наиболее интересная тема, о которой стоит писать». Когда ее спросили, почему все отношения у вас настолько бурные, она согласилась скорее показательно: «Так, разве так быть не должно? Я не знаю, у меня не было небурных отношений». Очевидно, ее отношения с Дилвортом быстро сошли на «нет», положив конец роману через 6 месяцев. Это было как удар молнии для Харви, у которой не имела опыта рвать отношения, и которая воспитывалась наивно в идеалистических взглядах, словно их отношения будут всё время прогрессировать. «Я чувствовала, 'Да, вот так. Я выйду замуж и мы будем жить вместе'», – рассказывала она *The Observer* в 1995. «А все пошло совершенно не так. Моя мама вышла за отца, когда ей было 19. Я была очень близка с моей бабушкой и дедушкой, и я росла, думая, что должна сохранить себя для мужа. Все было очень важно, я смотрела на мир через розовые очки. Поняв, что это не так, что это может быть грубо и болезненно, открыло мне глаза».

Разрыв стал все более и более болезненным из-за факта, что Джо был первым мужчиной, с которым она переспала. С этим трудно было сжиться такой хорошей старомодной простоватой девочке как Полли. «Это был серьезный шаг для меня. Я чувствовала, будто впервые я влюбилась, хотя сейчас, оглядываясь назад, не могу сказать точно – было ли так или нет. Это был, конечно, большой переворот для меня. Я была запоздалым исследователем. У меня никогда не было парня». Их различия, очевидно, дополнились неожиданным успехом Харви, хотя большая разница в их складе также сыграла свою роль. Менталитет городских людей отличается от деревенских. Позже в эмоциях Полли рассказывала журналу *Spin*: «У меня был один городской бойфренд, и я чувствовала, что мы такие разные в подходе к жизни. Они стойкие, стойкие люди. Я не слишком сильный человек по любому».

Начальные продажи *Dry* способствовали росту из-за лимитированного выпуска альбома, который продан в предзаказах за одну неделю до выпуска. 5 000 копий винила и 1 000 CD сопровождалось дополнительным альбомом *Demonstration*, который являлся демо-формой *Dry*. Теперь вы можете рассчитывать на этот CD не менее чем за 100 фунтов стерлингов. «Мои 4х дорожечные демо были первыми из моего творчества, что прослушали Ричард и Пол из Too Pure, поэтому мы подумали – а будет неплохо выпустить их вместе с дебютом. Это было их советом и для меня тоже. Мне всегда хочется видеть, как все начиналось, если я действительно увлечена артистом», - объясняла Полли.

«Это то, над чем я работаю сейчас. Когда я пишу песню, записываю ее, просто, чтобы задокументировать это. Демо это совершенно другие песни – когда я записываю их, они совершенно новые, и все так ясно в моей голове. Позже, когда процесс пошел, детали разбавляются. Ты теряешь интенсивность. В конце концов, ты просто говоришь слова вместо слов, которые идут из твоей души». И хотя большинство песен в основном изменяли форму в поздних версиях, 'Oh My Lover' особенно удивительна в демо записи со своим оптимистическим темпом и небрежными певучими словами, подчеркивая тревожные эмоции и дикое расположение духа, отвергнутой с презрением все еще потерявшей голову возлюбленной.

Мнения критиков разделились – одни были в восторге, другие в негодовании, а альбом достиг 11 места позиции чарта Соединенного Королевства. *NME* назвал альбом «квинтэссенция смеси настоящего сонграйтерства и обжигающего гитарного нойза», в то время как *Select* был необычно краток, дав альбому высокую оценку более чем мелодраматично: «освобождение, преданность, вожделение, первичный хаос, нежность, восторг, эмоциональная травма». *Q*, в то время, оценил наиболее привлекательные черты певицы: «поочередно воинственная и ранимая». Трио также неожиданно стало любимцами интеллектуалов британского культурного шоу *The Late Show*, для которого они записали два выступления – 'Dress' и 'Dry', через день после релиза альбом, и были представлены как «одна из наиболее очаровательных и беспокойных голосов на Британской независимой сцене в этом году». На следующий день, они отправились в тур в защиту земли, приняв участие в лондонском *ULU [University of London Union]*, где они играли 25 марта при поддержке верных Moonshake и The Becketts. Automatic Dlamini, тем временем, основательно подготовившись, на случай «усталости», поддержав группу 28 мая в бристольском *Bierkeller*.

Обложка была задумана Полли и Марией Мокнакс, художником и фотографом, надежным товарищем, ответственным за фотографии Automatic Dlamini периода конца 80х, а также за иллюстрацию и видео для двух первых синглов ПЖ Харви, оба из которых были первым видео, которое она когда-либо снимала, спасибо Полли за стимулирование. Впервые Харви встретилась с Мокнакс вскоре после ухода из школы искусства, и была поражена коллажной работой, которую

она создала. «Это всегда было предельно забавно», - говорила Харви *Spin* в 96ом, - «но с глубоким подтекстом – расстановка каждого элемента просто блестяща. Я думаю, что мои музыкальные работы такие же по содержанию, как и ее работы».

Конечно, обложка отражала странный конфликт, начинающийся в музыке. Она показывала таинственный запачканный кадр рта Харви, прижавшийся к стеклу. Внутри, губная помада была похожа на фаллический символ, в то время как на обратной стороне обложки была изображена тощая Харви топлес, поднимающаяся из воды, словно современная Офелия. Картинки символизировали ключ к разгадке альбомного содержания. Хотя тонкости нюансов были проигнорированы музыкальной прессой, когда она позировала топлес – вид со спины – для апрельской обложки *NME*, отсылая к такой же позе, использованной годом раньше Сьюки Сью.

Мини-фурор получился в результате конкурента *Melody Maker*, утверждающего, что у обладательницы самый пуританский вокал, и Харви была произведена в титул «инди Мадонна» недоумевающими писателями, чтобы объяснить ее склонность к обнажению. Хотя фотограф Кэвин Камминс объяснял, что идея с обнажением Харви на обложке – уязвимость, в то время как она могла бы присутствовать более сильной и агрессивной на изображении внутри. Харви позже говорила *Vox*, что она хотела делать сессию с «Мария Мокнакс и ни с кем другим», оправдываясь тем, что нуждалась в контроле, который позже окутал ее художественную и публичную персону. «Для меня, это естественно сделать подобную обложку», - говорила она *Puncture* годом позже, когда ее спросили – необходимо ли женщинам раздеваться, чтобы преуспеть в роке. «Я думаю, это скучно, но люди активно реагируют. В моей голове, я представляла, что фото сопровождает музыку. Взамен фото отделили от музыки как готовый продукт. Это было моей ошибкой. Я была разочарована той фотографией, что они выбрали. Там была, по крайней мере, точно одна, которая была лучше. Но она была похожа на заднюю с пластинки. Если бы люди слушали музыку, образ бы имел смысл».

Нащупывая почву для сравнения, писатели всюду извергали тривиальный, почти печально предсказуемый список соперников: жрица панк-рока Patti Smith и Mary Margaret O'Hara чаще всего встречались среди упоминаний, в то время как другие ссылались на The Pixies и Kristin Hersh из Throwing Muses. Из этих списков, Харви особенно признавала The Pixies, говоря о Чарли Фрэнсисе, что он «мог принести юмор в серьезную песню. Я видела его сольный концерт в прошлом году. Его песни такие сильные – даже просто под гитару. Я впитала его сольное творчество даже больше, чем The Pixies, которых я также люблю. Но не значит, что я звучу как они, всего лишь он повлиял на меня. Я восхищаюсь им».

Она также быстро призналась в уважении к Нику Кейву и драматическим способностям Патти Смит в журнале *Spin*. «Я думаю, что его мощь исходит от их слов, подачи. То же самое с Патти Смит. В свое время я послушала *Horses* – это было чудесно – не столько ее музыка, как подача, слова, артикуляция. Ее честность. Когда я впервые услышала Ника Кейва, поющего 'From Her To Eternity', меня это физически вымотало. Я нашла это пугающим, действительно яростным». Несмотря на такую страсть, больше всего в интервью Харви ссылалась на свою мать. Чарт *Ten For Day* опубликовал в музыкальной прессе выбор записей Полли в то время: Tom Waits - *Frank's Wild Years*, Peggy Lee - *Black Coffee*, Captain Beefheart - *Clear Spot*, Th'Faith Healers – *In Love*, Slint – *Spiderland*, Ensenada Joyride – *Hey Lady*, The Rolling Stones – *Satisfaction*, Led Zeppelin – *When The Levee Breaks*, Muddy Waters – *Hard Again* и Lightnin' Hopkins – *Live At The Bird Lounge*.

В литературе Харви отмечала, что вдохновлялась страницами французского писателя Ролана Барта – *A lover's Discourse* 77го года. Она наслаждалась этим – «каждый разный взгляд на влюбленность и страдание, сопровождающееся ею. Я немного пристрастилась к этому». Легко понять, почему эта выбранная лирика, музыкальный и визуальный спектр был пропущен через несомненно маленькую 22 летнюю фронвумэн, вызвал бы обсуждение среди более аналитически склонных авторов, но Харви быстро установила, что она чувствует отвращение к такому анализу и чувствует, что обсуждение ее работ в значительной степени бессмысленно. Эта нелюбовь к рекламной обязанности становилась все больше и больше очевидна, найдя выход на радиопередаче во время интервью на британском музыкальном шоу *Rapido!*, которое доказывало, что скрытность Харви простирается к ее товарищам по группе.

Музыкальная пресса, попросив Роба Эллиса дать сравнительную характеристику, получила ответ: «Если бы Полли была мужчиной, то мы бы стали мужской группой, они только думают о Полли, как о женщине, и не думают о музыке. Они просто приняли факт, что она женщина, играющая на гитаре в так называемом «мужском стиле», вот так. Все, что мы делаем – просто играем музыку людям так, как мы только можем выражать свои чувства в песнях». Полли казалась утомленной, отвечая на все больше и больше вопросов о предполагаемом «спорном» содержании. «Я просто пишу так честно, как только могу», - вздыхала она. «Я не пытаюсь быть кем-то и чем-нибудь еще, я не пытаюсь звучать подобно чему-то в особенности. Я просто хочу создавать саунд, который удовлетворит мои уши, и который будет правдивым. Так что я не лгу самой себе».

Вопреки ледяной внешности, которая, конечно, не располагала любовь прессы, Полли была на самом деле более ранима, чем она показывала, и бурно проводимый психологический анализ начал забираться ей под кожу. Лондон был миром далеким от мирного Корскомба, и хотя она не беспокоилась насчет своей квартиры в Тоттенхэме, она поняла, какой разной жизнь в городах может быть. Давая интервью *Rolling Stone* годом позже, она описала Тоттенхэм как «милое суровое место. Он очень беден, в основном бедные районы, и несколько раз действительно становилось жутко. Несколько раз я ходила ночью. Однажды я совершила ошибку по пути домой, возвращаясь с другом – мы не были уверены, какой путь верный, которым можно спокойно пройти после определенного времени. Я оказалась идущей по улицам, которых совершенно не знаю, и в итоге находятся люди, которые подходят к тебе и врезаются в тебя нарочно, а потом преследуют тебя». Но не только Тоттенхэм беспокоил ее, и как она говорила в *LA Times* тремя годами позже, выражая свое недовольство Лондоном – «огромная скорость и агрессия. Когда ты идешь по улице, люди пытаются уклониться от встречного взгляда, будто боятся, что тебя ограбят. Или кто-то говорит – «Чего ты тарацишься?» Мне не нравится такое отношение – слишком сильная оборона. В деревне так не было, там ты говоришь каждому встречному – «Привет».

Она также вскоре стала получать угрожающие письма от фэнов, включая незабываемое письмо от одного фаната, который прочитал судьбу по ладони на обложке 'Sheela-Na-Gig' и очевидно увидел в знаках успех. Якобы там говорилось про шикарный особняк, небывалую кучу детишек и элитный бассейн. По иронии, ладонь была даже не Харви, но это не походило на хорошее начало общения с фанатами, и Харви, как это неудивительно, покончила с чтением писем. Однако она не перестала принимать участие в маленьком фан-журнале, уклончиво названном *Daphne's Dog*. В Оксфордшире журнал начал выпускаться летом, начав с истории Automatic Dlamini, беря информацию из газет и обзоры, связанные с релизами, а также главным образом наполненный истерической поэзией и картинками фанатов. Авторское право запрещало продукцию любых цитирований, но *Victoria* Пола Вульфа была скорее занимательным чтивом и удивительно, что Харви не остановила производство журнала после того, как они запостили особенно нелестное ее

изображение на обложке второго номера. Портрет, который походил на странный гибрид героини Лизи Бёрдсворт из сериала *Prisoner Cell Block H* и существа из Планеты обезьян.

Другими воздействиями были перестановки, не последними из которых уход к Island Records. «Я разговаривала с Island и чувствовала себя плохо из-за Too Pure, которая стала хорошими друзьями для нас», - рассказывала Харви Vox. «Появилось напряжение, даже, если они всегда говорили – ‘Не бери в голову, переходи, если считаешь нужным’». А это было необходимо, по мнению Роба Эллиса: «У нас не было никакого выбора, это правда. Со всеми этими концертами, Стив и я забивали на свою обычную работу, в итоге у нас не оказалось денег». Раскол с Too Pure стал сюрпризом непосредственно для Пола Кокса. Из воспоминаний: «Концом всему, как я помню, стало окончание турне в поддержку альбома, вероятно, май 1992. Я был ошеломлен, что ее агент зарегистрировал Town & Country Club. И это было в течение года игры в The White Horse. Там был тот парень, заносивший Town & Country Club – он не сомневался, в отличие от нас, что альбом станет ударным, и они хотели распродать все места в Town & Country Club. Я не поверил в это, но, тем не менее, это было правильным решением, и они продали всё в Town & Country Club в течение тура.

«Это была последняя ночь турне, маленький скромный кускус-бар в Kentish Town, прямо по дороге, где мы постоянно зависали, и мы наметили вечеринку после концерта. Мы рассказали ей об этом, и она сказала – «Я буду там, думаю, Island оплатят выпивку в баре Town & Country Club, поэтому я выпью там, а затем приду и присоединюсь к вечеринке». И так Island – они даже не выпустили запись, они даже не были вовлечены – знали, что собираются начать работать с ней, а мы все отступали и отступали. И я думаю, что той ночью или в тот период, мы могли сказать – она была огорчена. Это было странным, она была так расстроена уходом от нас, или тем, что подвела нас. Те скромные отношения, что мы выстроили, были уже разрушены».

«Это было странным, во-первых для нее, зная, что: ‘Я сделаю это, у меня предчувствие – я должна заполучить большую студию, это то, о чем я всегда мечтала. Все мои любимые артисты, все они это сделали, от Роллинг Стоунз до Тома Уэйтса, это хорошая сделка’. А мы были всего домашней студией на самом-то деле. Но я думаю, что это было тяжело для нее, и она была огорчена. Конечно, Джо был в группе тем, кого это не коснулось, и наши отношения продолжились, но всё же с напряжением».

«Но Господи, я не удивлен, что у нее были проблемы, потому что всё произошло не так быстро. Боже, ты мог получить удовольствие, это она думала, что делает полностью все верно, в конечном счете. Она казалась обеспокоенной, вот почему создавалось напряжение. Потому что она беспокоилась о том, что сделала, и кого она затоптала. Но как по мне – она выдержала все, у нее всегда было храброе лицо для таких вещей, сдается мне. Но порой это повреждает тебя изнутри. Я не знаю, когда, в конечном счете, это переполнилось для нее, точно после нашей связи».

Сделка с Island подписана и закреплена печатью, ПЖ Харви провела разминку для интенсивного вихря рекламы, приняв участие в *The Late Show* и MTV. Полли выступила тайно сольно в The White Horse в Хэмпстиде 1го мая, поддержав хедлайнеров Gallon Drunk в сете названном как *One Gallon One Dress*. Одна с гитарой и педалью-примочкой, она отыграла 9 песен в оживленном пабе, включая 3 новых трека, ‘Rid of me’, ‘Missed’ и ‘Man-size’, а также кавер на дилановскую ‘Highway 61 Revisited’ и стоунозовский ‘Satisfaction’. Месяц спустя она также преподнесла сюрприз на радио шоу John Peel, сыграв ‘Rid Of Me’ - конечно, содействующий однообразный механический рекламный труд не показал признаков замедления.

Если группа и не ожидала такого успеха в Британии, они и вовсе не рассчитывали на приглашение в рекламный тур по Штатам, намеченного на апрель. Этого никто не ожидал, благодаря печально известным трудностям, стоящих перед большинством исполнителей, пытающихся взломать огромный американский рынок. СМИ их чествовали как «наиболее будоражащее прибытие с той стороны океана со времен Sinead O'Connor четырьмя годами ранее». Полли приблизилась к таким именам как U2, The Cure и David Byrne, все из которых соперничали, чтобы заказать ПЖ Харви как поддержку для своих концертов – и всем из которых пришел отказ. Lori Somes, американский публицист, кто была инициатором пресс-кампаний Харви с 1991 по 1994, позже говорила, что, когда она прилетела в Британию, чтобы встретиться со звездой, и внедрить план по завоеванию США, Харви «была очень спокойна и грациозна, и все еще холодна и очень насторожена, что необычно для артиста ее возраста. Обычно, артисты, в начале своей карьеры по-детски желают делать все, что угодно – интервью где угодно, болтать о чем угодно. У них нет чувства предусмотрительности. Но с Полли было все не так с самого начала. Я чувствовала, что это шло от ее деревенской натуры, откуда она и была. Это был английская оборона, и она более явно выражена, если ты из английской деревни. Глубинку не так легко заполнить».

Dry был выпущен в США на дочерней компании Island *US Indigo* в начале лета, и колонка Rolling Stone «Выбор критиков» вскоре зарезервировало за ним место альбома года, назвав Полли «Лучшим Сонграйтером» и «Новой Лучшей Вокалисткой», такие же похвалы последовали от *NY Times* и *Village Voice*. Бедная измученная девочка Дорсета завоевывала обе стороны Атлантики только одним альбомом и двумя синглами - невиданный подвиг, который, во всей красе, оставил значительный след на ней, добившись такого успеха. Летние месяцы, таким образом, оказались заняты изнурительным туром, который прошел в Штатах и Европе, и включал несколько фестивалей с ее участием. Для зрителей группа была все еще расцветающей. Их приняли отлично на таких площадках как Glastonbury, Finsbury Park и Reading, а они в свою очередь преподнесли новый материал из следующего альбома. Ее выступление в легендарном клубе CBGB в Нью-Йорке состоялось 12 августа, подтолкнув Rolling Stone на простой обзор – «ПЖ Харви не такая как все», краткое утверждение, которое сделало ее особенной, и могло бы хорошо способствовать ее карьере в то время.

Втихую ото всех, группа уже завершила ряд записей для своего второго альбома в оксфордской Major Studios в начале июня, но отвергли результат как неудовлетворительный. Альбом, запланированный на октябрь, перенес дату выхода. И хотя Island определенно были расстроены из-за отсутствия готового продукта на своей полке, воспользовавшись ее внезапным успехом, они все-таки пообещали Полли артистическую свободу и, в конечном счете, склонились к ее требованиям, просто были счастливы иметь в своем списке восходящую звезду.

Столь же банально, как это звучит, молниеносный успех определенно послужил шоком для Полли. Факт в том, что пристальное внимание, бурный анализ и абсолютная упорная работа - испытывали двадцати двух летнюю Харви на прочность. А она чувствовала, что мир забыл, какой молодой она была, и настали перемены в жизни, к которым она должна приспособиться. Это давление в итоге вылилось в почти неминуемый стресс, в течение которого певица достигла такого паршивого состояния, что она отклонила собственную гигиену и такие обыденные вещи как закупка едой. В итоге пришло к тому, что юная звезда страдала от анорексии или кинорекии (повышенное чувство голода) благодаря ее болезненной тонкой психике. Правда несколько была иная.

Стресс развивался медленно. Харви поймала себя смотрящей в витрину магазина и, думая, что она была «слишком маленькой или слишком большой» и определенно «слишком уродливой». Внимание СМИ привлекло внимание Полли к собственной персоне, то, что 22 летние могли бы найти чрезвычайно трудным. Но у нее были проблемы и с самим Лондоном, как позже она объясняла *NME*. «Многие вещи располагают к стрессу. Я была впервые далеко от дома, и все внимание к музыке. И мои первые серьезные отношения кончились крахом,... и просто поняла, что больше не могу встать самостоятельно».

«Мне было тяжело с этим справиться. У меня было несколько стрессов ... я могла ничего не делать для себя неделями напролет – на самом деле, такие обычные вещи как принять ванну и почистить зубы. Я просто не знала, как это сделать. Это на самом деле противно, и я никогда не хочу возвращаться в это состояние». У нее были также приступы паники, в течение которых она чувствовала приступы удушья. В один раз она убеждала себя, что умирает. К счастью, как далеко она бы ни была, семья присматривала за Полли Жин, и когда поступала весточка, что Полли на неправильном пути, ее мать приезжала в Лондон и забирала ее домой.

Это была совсем другая Полли Жин, прибывшая домой в конце августа 1992, не похожая на оптимистичную молодую особу, покинувшую Корскомб предыдущей осенью, чтобы стать рок-звездой. Хотя она достигла признания, она тосковала, ее уверенность внезапно разбилась вдребезги, и она страдала от галлюцинаций и чувства уродства. Чтобы быть уверенным в своем поправке, и для постоянного покоя, Полли арендовала квартиру у моря в Дорсете, где она пополнила свою батарейку психики, рисуя вдохновенное море и занимаясь верховой ездой на местных площадках. Она также стала посещать терапевта из Лондона, как она до сих пор утверждает: "не могла обойтись без нее". На протяжении всего периода она сидела и писала, обрабатывая эмоциональную мучительную лирику отчаяния и тревоги, что послужило материалом к ее второму альбому, *Rid Of Me*. Ее пресс-служба, тем временем, просто сообщила СМИ, что она была 'на отдыхе'.

«Я сняла дом на берегу», - говорила она Стюарту Бэйли из *NME*. «Это была квартира, и она располагалась высоко над кафе, и единственный путь туда - через мост. Я засиживалась там весь день, смотря на людей из своего окна, людей, гуляющих по мосту, и думала о времени, проведенном в Лондоне и всякой всячине. И все было извращенно, смотря как люди возвращаются, и, оглядываясь в прошлое на себя непосредственно, какой я была тогда. Потому что я была больна, и я предполагаю, что за время, проведенное на берегу, я восстановилась, поэтому мне пришлось вернуться и смотреть через все произошедшее, смотреть на себя. Это было очень странное время, весь период».

Полли стала также брать уроки вокала у бывшего оперного исполнителя, который жил в ее деревне. «Он пытался вернуть мой голос в форму вновь», - объясняла она *Vox*. «я не нанесла ему непоправимый урон. Он сказал – я уже достаточно навредила ему, потому что слишком сильно орала, когда была на гастролях». Восстановительный период охватывал около двух месяцев, после которых она появилась демонстративно, хоть и не с легкостью из-за изменений, вызванных ее известностью. Она продемонстрировала кое-что из нового материала на другой BBC Peel сессии, прошедшей 23 октября, исполняя вдохновенно свое видение 'Highway 61 Revisited', 'Me Jane' и 'Ecstasy', все из которых прошли через летний тур группы.

Затем группа стартовала на European Festival Tour на Хэллоуин 1992 в Нидерландах – Futurama Festival, проведя ноябрь в гастролях по Франции и Германии. Первый пристойный американский

тур был запланирован на начало декабря, где она должна была играть в таких легендарных местах, как Лос-анджелесский Whiskey A Go Go. И хотя Полли было, очевидно, неудобно с душеоткрывающими интервью, она прошла через это с решительным лицом, определяя данный долг как необходимое зло. Беседуя с *LA Times* в начале того месяца, Полли казалась более уверенной в себе почему-то, и менее подверженной стрессу из-за известности: «Полагаю, в то время я думала, что это случилось слишком быстро, когда я была физически и мысленно утомлена, я находила все это слишком трудным, чтобы справляться с этим. Но сейчас я чувствую себя немного сильнее, и я счастлива, что все произошло так, как случилось».

Она также была не прочь поработать на стороне, записываясь со Стивом Альбини в его Миннеаполисской студии Pachyderm, начиная с 5го декабря. Напряжение прошедшего года должно было найти свой естественный выход в студии, создавая то, что должно было бы стать одним из наиболее страстных альбомов 90х – *Rid Of Me*. Харви была уже неудовлетворенна альбомом *Dry*, и имела свежие идеи насчет звучания новой пластинки. «Она будет такой противной, что никто не захочет ее покупать», - сказала она одному другу. Но никто не имел подсказок, каким мерзким он будет.

Rid Of Me [Избавься от меня]

«Если я играю Rid Of Me дома, я добираюсь до конца первой стороны и не могу дышать. Не могу обращаться с этим. Я все время разбираюсь в этом, анализирую. Я, конечно, не поставила бы его для приятного вечера. Он тревожный»

(ПЖ Харви – Q, 1993)

Стив Альбини был известен среди знатоков музыки ранних 90х как человек, вовлеченный в производство почти любого гитарного рока, имеющего значение. Планировав работать с Нирваной – затем в пик их коммерческого успеха, пока Кобейн был жив – на их ожидаемом альбоме *Nevermind* 1992го, он собственной персоной образовал две группы, Big Black и скандальную Rapeman, и продюсировал альбомы *Pod* группы Breeders, *Goat* группы Jesus Lizard и *Wedding Present*. Что и сделало Альбини лучшим из всех, при этом он записывал группы в студии по-своему. Полли сперва послушала Big Black после ее первой встречи с Альбини, а позже вспоминала, что от них было чувство словно «туго натянутый провод». Хотя она пришла в восторг особенно от его работы с Jesus Lizard и Breeders, рассказывая Vox, что «те альбомы звучали так полно и волнующе, и действительно сыро. Они не звучали, будто прошли через студийный процесс. Ощущение словно ты стоишь перед играющей группой живьем, вся атмосфера здесь, это тот звук, который я всегда хотела получить. После нескольких переговоров со Стивом Альбини по телефону, я поняла, что он был подходящим человеком».

Не смотря на то, что она была взволнована от того, что он мог бы дать ей ту сырость, которую она требовала, окружающим людям было не так благоприятно с этой идеей. «У всех было представление, на что он должен походить», - говорила она *NME* после, «и, когда я решила работать с ним, нашлось так много людей, звонящих мне и говорящих, 'Ты уверена, что это правильное решение? Ты знаешь, как он обходится с женщинами, не так ли?' Но все эти возмутительные догадки строились вокруг Rapeman, которые ничего общего не имели с тем, каким человеком он был в жизни. У него были две личности – ту, что видит пресса и та, кем он являлся на самом деле».

Таким образом, когда она впервые позвонила Альбини, она была испугана, как 2 года спустя она рассказывала журналу *Request*. «Я окаменела от звонка ему, и попросила продюсировать мой альбом, абсолютно остолбенев. Я думала, «О Боже! Я звоню этому сумасшедшему, размахивающему топором, смертоносному маньяку, который ненавидит женщин. Он, возможно, мне ответит – иди ты на хер, и будет груб со мной». Но он замечательный, отважный человек».

Далекий город Кэннон-Фолс, базирующаяся в Миннесоте студия Pachyderm, была оборудована маленькими комнатками, каждая из которых использовалась, чтобы придать музыке разное чувство собственной атмосферы. Сухие и отсыревшие комнаты использовались, чтобы обеспечить свежесть или приглушенный звук, в то время как окружающие микрофоны размещались в различных местах комнаты, в результате чего голос Харви подхватывался различными микрофонами в зависимости от громкости ее пения. Таким образом, спокойный вокал казался более централизованным, в то время как более громкий вокал обеспечивал более широкий звук.

Сессия была, согласно Полли «что-то вроде фильма 'Сияние'», атмосфера была обеспечена снегом, который изолировал студию.

И хотя позже Харви утверждала, что Альбини не поставил свой штамп на *Rid Of Me* в целом, она согласилась, что он получился в его стиле. «Альбини работал быстро, и мне нравилось работать так, потому что я нетерпелива, и я также думаю, что ты можешь что-то потерять, работая над чем-то слишком долго. Я могу слишком беспокоиться о нюансах, а Альбини не позволяет тебе этого делать». Сессия была завершена, несомненно, слишком быстро. Два дня на организацию, два других на запись инструментов, на вокал Харви последующие три дня, и оставшуюся неделю на сводку записи. Альбини развлекал своих гостей в течение сессий, поджигая свои ботинки, и настолько полюбил Харви, что назвал ее "гений".

Полли утверждала, что чувствовала себя предельно раскрепощено на записи в течение всего времени, рассказывая Vox: «Я обычно сильно волнуюсь, когда мы записываемся, потому что хочу сохранить идею предельно чистой. В то время, я позволяла людям вносить свои корректировки, вместо того, чтобы беспокоиться, что все ускользает из моих рук. Я не была помешана на тотальном контроле, полагаю, и я позволяла всему течь, как оно течет». Она также оценила работу с Альбини, которую она описала как «очень тихую». «Он буквально расставил микрофоны и позволил нам сыграть. Не было вмешательства, никакого ухищрения вовсе». Она также чувствовала, что была несколько расслаблена, подходя к песням. «В прошлом году я была строга к структуре песен, но 'Ecstasy' не имела начала или конца, всё делали так, как чувствовал каждый. Если будет такое ощущение, что нужно остановиться, то остановится. Если нет, будет идти вперед и вперед».

Запись была завершена 18 декабря, и для развлечения, Альбини взял Полли и Роба на знаменитую трассу 61, где они остановились и сделали снимки на память. Затем Полли вернулась в Дорсет, чтобы продолжить свое дело в продолжавшемся прошлогоднем проекте FABBA. На этот раз, приняв участие в маскараде как член Got Chocolate, которые играли в новый год в гиллингхэмском пабе Red Lion, распевая во все горло каверы на 'Brother Louie', 'You Sexy Thing', 'Everyone's A Winner', 'Emma', и 'Heaven's In The Back Seat Of Ma Cadillac'. Как и у ФАББА, не было сделано никаких записей для публичного доступа, очень жаль. Затем Харви вернулась на ферму своих родителей в Корскомбе, где она оставалась до тех пор, пока не вышел ее весьма ожидаемый второй альбом.

К тому времени Полли была захвачена в плен вниманием, как других артистов, так и СМИ, в частности Кортни Лав, которая стала большой неоспоримой фанаткой. В феврале 93го, она воспользовалась удачной возможностью, чтобы сообщить о своем восхищении скрытностью Полли через музыкальную прессу Соединенного Королевства в лице журнала *Indieicator*, говоря – «Я обращаю внимание на людей как ПЖ Харви, она на самом деле не продается задешево ни в чем. Я только думаю, Боже, она такая счастливая и сильная. Временами полезнее оставлять людей в догадках, не пытаться все прояснить потому, что все равно, в конце концов, тебя трахнет какой-нибудь редактор». Однако, она придиралась к позиции Харви по отношению к феминизму, заключая, что «ПЖ Харви не может использовать слово феминизм. Оно тупое. Разумеется, ты феминист, но это значит нечто другое для тебя, чем для меня. Для англичан, сдается мне, это те женщины, которые ночуют в палатках на ядерных объектах».

Полли не имела общего с этими примитивными бестолковыми взглядами, говоря Vox: «Я не могу назвать себя феминисткой, потому что я не понимаю самого термина или того, что с ним связано.

Я чувствую, что должна вернуться назад и подучить историю, чтобы ассоциировать себя с этим, но у меня нет нужды в этом. Я скорее пойду дальше, и сделаю то, что делала всегда». Она также проклинала возникшее феминистское движение Riot Grrrl, говоря: «Я нахожу это довольно чрезмерным и громким, чтобы зваться Riot Grrrl, если бы я была одной из них, но они очевидно так не думают». Она уточнила тему в апрельском номере *NME* – «Я думаю, это бессмыслица, противно. Я только не могу понять, почему они думают, что это хорошая штука. Я на самом деле не знаю, что с ними случилось. Как Hungry Bear в ULU – они призывали людей дискутировать насчет феминизма между каждой песней. Я просто думала: ‘О чем вся эта ерунда? Почему они пытаются разделить мужчин и женщин так сильно?’ Я чувствовала словно выхожу на сцену и говорю со смешным акцентом: ‘Мужчины и женьщины, мужчины и женьщины!’ Мы в значительной степени одинаковы». Без сомнения ее мальчишеское детство сыграло важную роль в формировании представлений насчет этого.

12 марта, Радио 1 транслировало другую эксклюзивную сессию Джона Пила, в этот раз, презентуя новые треки ‘Primed And Ticking’, ‘Naked Cousin’ и ‘Claudine The Inflatable One’, наряду с кавером на классический блюз Уилли Диксона ‘Wang Dang Doodle’, который был незамедлительно прославлен как «экстраординарный... первоклассный ... уникальный» архивоведом Радио 1 Кеном Гарнером. К группе присоединилась духовая секция на выступление, но ни одна из тех песен не была официально выпущена, кроме поздней версии ‘Naked Cousin’, которая в конечном счете стала саундтреком к фильму «Ворон 2: Город Ангелов», а ‘Wang Dang Doodle’ позже вышла как Бисайд. ‘Primed And Ticking’ стала еще одной невольной одой одержимостью любовью, в то время как ‘Claudine The Inflatable One’ была более юморной, рассказывая про любовь одного мужчины к надувной овечке.

Отвечая на вопрос *NME* по поводу влияния Вилли Диксона, Полли пояснила: «Некоторые из его песен на грани черты. Это словно... будете ли вы смеяться или корчиться, когда он поет про заглядывание на маленьких девочек? Кто-то сказал мне однажды, что ‘Backdoor Man’ про анальный секс, но я так не думаю. И это были 40 и 50е, не так ли? Я часто размышляю – почему люди думают, что они в данное время рискуют со своей лирикой, ведь ты возвращаешься к тем старым песням и понимаешь, что новые звучат уныло. Почему те песни не были подвергнуты цензуре в то время?» И отвечая открыто Q о ‘Wang Dang Doodle’, она сказала: «В этой песне идет вечеринка, но что это за веселье? Он перечисляет всех людей: Butcher Knife Totin’ Annie, Razor Totin’ Jim, Fast-Talkin’ Fanny. Затем эта строчка: ‘Теперь, когда почуяли запах рыбы в воздухе / Будут чувствовать запах сока везде’. Запах рыбы – должно быть женские гениталии, ‘моя маленькая устрица’ и все такое, но ‘запах сока’? Я не уверена. Но мне нравится играть эту песню. Это так просто, что обоссаться можно». Конечно, коллекция записей ее родителей захватывала ее все больше и больше, в отношении, открывших ей интерес к музыке как к сексуальному путеводителю. «Что я слушаю больше всего, так это Howlin’ Wolf», - рассказывала она Q позже тем годом, «каждая песня о сексе. Так, я думаю, что это наиболее воодушевляющая, будоражащая и тонкая тема, о которой я могу писать».

Вкус Полли к более мрачной стороне искусства был подтвержден, когда она рассказывала *NME* о своем восхищении Нью-Йоркским художником Андре Серрано, человеком, который сделал себе имя на работе, названной «Моча Христа» - гравюра из дерева и пластмассового распятия, подвешенного в бочке с его собственной мочой. А затем шокировал с серией работ, выполненных из собственной спермы. «Я приехала, чтобы увидеть выставку Серрано фотографий умерших», - говорила она про недавнее посещение Штатов. «Они заставляют тебя думать о многих вещах. На самом деле я не знаю, что думаю о них. Одну минуту я чувствую себя ужасно и в смятении, в

следующую минуту я думаю: 'что-то не так, выглядит слишком инсценировано', - смотря на изображение людей, и понимая, что не чувствую ничего. Всего лишь огромные фотографии трупов. Не целые полотна, а крохотную часть, лодыжка или что-то другое, или лицо, сожженное огнем. Там была одна, что называлась «Крысиный яд», изображавшая только руки в ооченевшем состоянии».

Rid Of Me появился на свет в апреле 1993 и незамедлительно вызвал смятение обложкой, которая изображала ужасающую тощую Харви в ванной комнате. Волосы взмывали вверх, словно змеи Медузы Горгоны, - отголоски ванной с альбома Dry. Комментируя это ванное очарование, Полли рассказывала *Melody Maker*: «Я провожу много времени в ваннах. Я вычитала где-то на днях, что это как подготовка к смерти... все заставляет тебя взглянуть на самого себя. Не только из-за зеркал, но и из-за того, что ванная – это то место, где ты находишься наедине с собой ... все связанное с подготовкой к выходу из своего собственного мира в публичный мир». Изображение на задней стороне, между тем, показывало лицо Полли, напополам разделенное на светлую и темную сторону. Светлая сторона казалась очищенной и ясной, в то время как темная половина изображала ее лицо, похожее на отпечаток вмятины. На самом деле они были сделаны не так зловеще - с помощью эластичной резинки. «Я не думаю, что это двуликое изображение вообще», - поясняла она *Vox*. «И не пыталось таким быть. Это изображение ради изображения, интересное и атмосферное. Не знаю, думают ли люди, что альбом с двойной сущностью, для меня он обычный. Не думаю, что там есть что-то шокирующее».

Ник Энджел, человек из A&R, отделения Island, ответственный за контракт Полли, дал комментарий насчет изображения: «Я не знаю, что по каким критериям она его делала, но я не беспокоюсь об этом. Думаю, что обложка альбома очень хорошая, но не знаю, что она пыталась сказать привлекающими знаками и остальным. Я не на том месте, чтобы говорить за нее. Если она чувствует себя с этим уютно и это что-то значит, то отлично». Он подтвердил, что «у Полли были ясные чувства того, что она хочет. И она хотела как можно больше вложить в работу и держать под контролем то, что будет использовано для представления ее, контролировать так, насколько это возможно. Я не думаю, что что-то пошло не так, это ее карьера, но есть некоторый шанс провала». Отдел по маркетингу был более оптимистичен, Джейми Спенсер описал позицию Полли как «мечты сбываются». «Она сильная личность – знает, что хочет делать, и куда хочет двигаться».

Конечно, была система в ее безумии, как позже она раскрывалась журналу *Q*. «В то время я купалась в лучах славы», - говорила она. «Я не хотела быть упакованной в какую-то категорию моей студией записи. Я хотела показать им, что у меня сильные намерения того, что я хочу делать это был путь, которым я собиралась идти. Я была уверена, что подписывая контракт, я имею абсолютный контроль над всем, и полагаю, в некотором роде пластинка Rid Of Me была демонстрацией моей силы». Она также попробовала свои силы, отказавшись от услуг Марка Вернона и заменив его Дэном Галлахером, ее бывшим бизнес руководителем. «Замечательно то, что ПЖ ничего не делает для разногласия», - говорил он *Vox*. «Она так делает, потому что чувствует, что это то, что она хочет сказать, и изображения делаются в этом же русле. Если люди хотят узнать мотив, почему она делает то, что делает, они почти неизменно понимают это превратно».

Возражения прочь, иллюстрации наглядно отражали содержание – медленно кипя и, порой, подобно бушующему морю эмоциональной истерии, которые побудили *NME* назвать это «мучительным нелегким прослушанием». *Melody Maker* прибывал в ступоре: «Никакой другой британский артист с таким напором не исследует темные стороны человеческой природы, или

иррациональный черный юмор; ни один британский артист владеющий энергией, не говоря уже о таланте, не заставляет вызвать в воображении эту музыку». Позже она подтверждала, что большая часть альбома обращена, открыто к ее порванным отношениям предыдущих лет, но лирика все чаще вызывает чувство самосовершенствования. А это радостно подхватили те же феминистки, которые с рвением хватались за 'Dress', 'Dry' и 'Sheela-Na-Gig' годом раньше.

В то время песни, вызывающие наибольшее преклонение феминисток: '50 Ft. Queenie' и 'Man-Size', обе из которых, казалось, протестовали против типичных мужских ценностей, оплакивая низкое почтение оказываемое женщинам. Удивительно, первая из них даже стала гомосексуальным гимном с футболками, на которых была изображена фраза из песни – «*Hey, I'm one big Queen*» по большей части на Фестивале Гордости того года. Типично, Полли быстро отделилась от этих феминистских шуток, особенно с '50 Ft Queenie', которая была вдохновлена классически фильмом категории «Б» 'Атака 50 футовой женщины'. «Это эгоизм. Никакого отношения ни к женщинам, ни к мужчинам», - говорила она *Alternative Press* в июле. «Люди упускают, что это забавно, просто хорошее развлечение», - утомленно объясняла она. «Они подхватывают всё, что я говорю с серьезным видом. Но я не серьезна в своих словах».

Со скоростью звука альбом завоевал слушателей сперва своей тяжестью - вокалом Полли и инструментами, будучи доведенными до своего предела звучания с помощью всевозможной записывающей техники. «Я пела через свой усилитель 'Yuri G' и 'Hook' - рассказывала она *NME*. «Когда я сделала демо песен, каждая из которых предполагала, каким способом должен быть обработан вокал, и на тех демо я перегрузила несколько входов. И Альбини сказал – «Это судьба», и в конце песни 'Reeling' всё идет через усилитель - ударные и все остальное». Хотя 'Reeling' не вошел в завершённый альбом, он позже появился на Би-сайте '50 Ft Queenie', и открыто демонстрировал чувство юмора Харви. «Я хочу купаться в молоке, есть грейпфруты, Роберт дэ Ниро сидит на моем лице...». Оказалось, что Полли не вдохновлялась личностью Дэ Ниро, его имя просто было на слуху.

Наибольшим сюрпризом для многих стало включение любимого кавера на Боба Дилана – 'Highway 61 Revisited'. Впервые она записала версию этого трека для *Imaginary Records* на альбоме-трибьют *Outlaw Blues Volume 2*, выпущенного за год до этого, и настояла на записи новой версии для *Rid Of Me*, так как она чувствовала огромное влияние его на свое развитие. Как она объясняла *NME* – «Я просто чувствовала, я училась многому у этой песни, мои писательские способности изменились под ее влиянием – я думала, что должна включить ее в альбом. Лирика просто изумительна, словно монтаж фильма. На каждом куплете он в каком-нибудь месте, и затем в каком-нибудь другом. Там много юмора, путь по которому идет разговор, словно Бог звонит Abraham 'Abe'».

Однако неудивительно, заглавный трек альбома привлек много внимание благодаря неотразимой любовно-ненавистной лирики и чувству назойливости, выдвинутому на первый план драматичным фальцетом Роба Эллиса, поющего: «Оближи мои ноги, я в огне, оближи мои ноги, я горю желанием». Как позже объясняла Полли – «Стиль пения Роба выделился, потому что, когда я записываю 4-дорожечное демо, то весь вокал мой. Я пою довольно высоко, но даже не представляла, что когда попрошу Роба спеть, он споет этим нелепым фальцетом. Но теперь это фишка. Я пишу специально для него, для его фальцета». А насчет песни Полли позже конкретизировала так: «Когда я впервые сделала ее, я была в очень странном расположении духа; я не была... хороша. Я помню запись песни - только бы разделаться с ней; и после завершения, сидя слушаю ее. И она тревожила мое психическое состояние. Я думала, «Что за исчадье Ада?»

Лирика мести и безысходности – «Я заставлю тебя лизать мои раны, смотри, я собираюсь скрутить твою голову» - была украшена старой лирикой Captain Beefheart, добиваясь желанного эффекта – «Разве не хотел ты никогда, никогда не встретить ее». Песня была столь драматична в своем неожиданном переключении из тишины на полную катушку крика, что журналист Sharon O'Connell из *Melody Maker* позже утверждала, что свернула на обочину свою машину в шоке из-за припадка, вызванного этим треком. И это тоже было не всё, в чем ей было трудно поверить.

'Legs' затрагивал так же тревожные территории - от любви к насилию и увечью а ля *Boxing Helena*. «В 'Legs' та же история – 'Я так тебя люблю, что отрежу твои ноги, чтобы ты меня не бросил'. У меня появилась эта идея так: когда ты молод и у тебя есть любимые игрушки, с которыми ты играешь, и ты их так любишь, что они начинают разваливаться на части». Да, это были те Экшн Мэн, которые вспомнились ей.

В другом месте, 'Yuri G' раскрывал очевидный интерес к черной магии, проявившейся уже в 'Sheela-Na-Gig'. Исследуя любовную магию, восковые фигурки и переселение душ - интерес, в котором она упрекала свою мать, рассказывая Vox: «Моя мама вся в мифологии и разных фольклорных традициях. У нее куча книг по этому предмету, которые я читала, и вот откуда все это вышло. Я просто нахожу это очаровательным, что некоторые люди используют заклинание под названием «Приворот луны», пытаясь приворожить своих возлюбленных». Колдовство – тема, что контролирует любовь, любовь объекта вожделения без силы к сопротивлению. Что беспокоило многих людей – неистовство сексуальности этих песен. «Секс и любовь, они не всегда идут бок о бок, не так ли? Мне нравится полумрак», - говорила она Q, и конкретизировала в *Melody Maker*, - «Порой (секс) физически причиняет боль, в зависимости от разных вещей, например, был ли у тебя только что месячные. Но с другой стороны, это тоже ощущение, даже если это болезненно. Мысленно, я нахожу это очень болезненным».

«Думаю, сложно говорить о создании песен», - рассказывала она Vox в мае, - «потому что это столь необъяснимая вещь. Чувствую, что неправильно для нас пытаться пояснять и превращать в слова, потому что я на самом деле верю, что всё находится за словами. Я всегда сознавала, что это звучит невнятно, но это то, что ты не можешь потрогать, то, что не можешь привязать». Однако она объяснила, что: «Временами я работаю над песней по 3 или 4 месяца, чтобы обратить ее в форму. Это довольно кропотливый процесс. Но порой, песни так и выходят из твоей головы и, без преувеличений, с твоих уст. Я имею в виду с 'Ecstasy' получилось так, а на первом альбоме 'Hair', в то время как над 'Rid Of Me' я работала месяцами».

Конечно, Полли узнавала все больше и больше о силе своей музыки, не только лирики, но о способе, которым они были спеты, который придавал песням такую мощь. «Я понимаю, как сильно ты можешь изменить слово, всего лишь спев его по-разному. Роб поет свои слова высоким смешным голосом, что лишает смысла всё, что он сказал – так складывается у него в голове, и мне это нравится». 'Man-Size Sextet' – лишь один трек, не продюсированный Альбини – виделся Полли смешной идеей Роба, поэтому она перевернула песню вверх тормашками, спев ее сквозь зубы, придав ей странный эффект, что напоминало чревоуещание, дурачество Полли, которое ей позволил Стив Альбини. «Я читала в последнее время много о чревоуещании», - говорила она *NME* в апреле. «Стив Альбини и я, посылаем друг другу разные вещи по почте. И он прислал эту книгу о чревоуещании – больше ничего, ни письма, просто книгу. Как высказывать различные звуки – t's и s's. Я практиковалась над этим. Это было очень полезным в будущем для пения, я так думаю. Фактически спроектировать свой голос на что-то еще...» Туго натянутые струны были

аранжировкой Роба, предоставили треку выразительную атмосферу, которая проходила через другие треки благодаря явной изобретательности.

День матери Полли провела, снимая клип к первому синглу с альбома '50 Ft Queenie'. Скача вокруг в леопардовом пальто, высоких каблуках и с золотой старой сумочкой, в которой лежал баллончиком аэрозоли - группа не смогла бы сделать невозмутимый юмор более очевидным, если бы они пытались. Сингл вошел в Топ 30 в Британии, заняв 27ую позицию, и пропустил альбом в Топ 10, где он потянул на серебро. Группа пустилась в истощающее мировое турне в мае, выступая в Британии, Европе и США, завершив свои гастроли в июле в Японии. Один только британский этап показал, что группа отыграла 13 раз в 12 разных городах, стартовав 1 мая и завершив двумя выступлениями на Лондонском Форуме 23го и 24го. Последние 2 шоу были сняты на любительское видео – документация тура и одно выступление послужило саундтреком к единственному бутлегу того тура, сделанного в Италии – *Europe 1993*. Счастливые спекулянты в последнюю ночь обогатились за счет единственного выступления 'Man-Size Sextet' дополненного струнным секстетом, и к концу которого, одетую в черное боа из перьев примадонну, одарили огромным букетом цветов. Триумф выступления исказился определенными изданиями музыкальной прессы, которые заявили на следующий день, что это была подставная утка.

Японцы в такой же степени были влюблены в британскую певицу, а в обзоре выступления от газеты *Japan Times* 16 июля в Нагое в клубе Quattro заключалось: «Рассчитывает ли она на это или нет, но Харви новая женщина-лидер в музыке, некоторые мальчики могут покурить в сторонке, а девочки могут стремиться к ее пьедесталу. Если и есть Королева британской музыки (при том 50 футовая), сдается, что это - PJ Harvey». *Tokyo Journal* сделал более традиционный внятный обзор: «Сильная, но ранимая ПЖ – лучшее, что произошло в роке за последние годы. Вы слышали альбом *Rid Of Me*? Он великолепен».

Сценический образ Полли развивался в течение тура, и, отдалившись от бывшего кислого студенческого вида, она украсила себя яркими пластиковыми атрибутами пятидесятых и примерила платья женщины свободной морали - легкие боа и шкура леопарда, рассуждая о том, как образ появляется прямо из ее гардероба. «Я всегда любила наряжаться, и в то время на гастролях, я надевала собственную одежду потому, что ее приятно носить. Я чувствую себя более уверенно и удобно себя, и не вижу ничего страшного в этом. В прошлом году, я никогда не сделала бы это из-за страха быть понятой неправильно. Теперь не беспокоюсь об этом больше». Она не считала эту трансформацию за маску, хотя рассказывала *Alternative Press*: «Я не чувствую раздвоения, когда я на сцене. Временами я даже себя ощущаю там более правдиво. Больше свободы быть самой собой».

В Атланте в Штатах, Майкл Стайп воздал должное, послав Полли сообщение на пластмассовой кружке, гласившей: «Спасибо за приезд». ПЖ комментировала в *Melody Maker*: «Я чувствую жалость к нему. Я не хотела бы быть Майклом Стайпом, не так ли? Хотя я хотела бы с ним увидеться. У меня был сон, где я видела, что он хирург. Его лицо подходит для этого как-никак лучше. Можно доверить жизнь такому человеку. Я думала: 'Я скажу ему это, я поддержу его'». Она была менее впечатлена некоторыми членами аудитории. «Кто-то кричал мне на следующий день во время игры: «Ты Сюзан Вега, но громче». Я думала: «Зачем ты платил деньги, чтобы посмотреть этот концерт?»

Ее чувства к обязанностям рекламы не были спокойны. Это было очевидно, когда она открыла интервью *Alternative Press*, начав с: «Я предпочла бы не находиться здесь. Предпочла бы почитать

книгу, я предпочла бы сон». Она продолжила эту тему в *Vox*: «Я не понимаю, как работает пресса в Америке. Не думаю, что могу понять те впечатление, которое я произвожу на людей там, да и не хочу понимать». В отличие от американской, Полли оценила немецкую публику более высоко. «В Германии», - говорила она *Melody Maker*, - «мы бы могли спокойно сыграть наши тяжелые для понимания номера, скучные номера. В Англии на них, могли бы заскучать и начать кричать 'Sheela-Na-Gig'! В Европе принимают каждую песню, которую ты играешь им, как и любую другую песню».

Харви также устала от неоднократной игры старого материала и, начав работу над новым, стала смотреть на 'Sheela-Na-Gig' как на «старый пирог». Говоря *Melody Maker* о *Rid Of Me* в середине турне, она утверждала: «нынче я на большой дистанции от этого альбома. Для меня, это только наследие – готово, пора двигаться вперед. Нет, я неудовлетворенна им, не удовлетворена ничем. Но он сделан с помощью моих лучших умений на тот период. Я люблю многие те песни, также ненавижу многие из них, но я не хочу играть их вновь после этого тура». В другом месте она утверждала: «Единственная цель, которую я добилась в музыке – это как удовлетворить собственные потребности, но это все еще далеко от результата. Недостаточно трудно, вполне удобно, но не удовлетворяет меня, и я не уверена, что будет. Фактически, я думаю, что это невозможно. Но может, я ошибаюсь. Мне только 23. Я имею в виду, выступая, можно иногда чувствовать толчки в животе и в голове, твои внутренности сжимаются – вот чем должна быть музыка».

Уже создавая планы к следующему альбому, она рассказывала *Vox*: «Вещь, которая интересует меня больше всего в настоящий момент – это пение, и то, что ты можешь сделать со своим голосом. Я хотела бы опробовать себя без гитары, но я только освободилась для пения. Я должна выучить все заново, потому что это означало бы находиться на сцене обнаженной. Затем снова, если я собираюсь петь без гитары, пожалуй, я должна петь обнаженной».

Другой причиной, почему Харви быстро потеряла интерес, было внимание фанатов к ее прошлому. Ситуация, которая появилась в результате выяснений отношений с журналом для фанатов *Daphne's Dog* под руководством Гэвина Шэррока, которого попросили остановить выпуск, т.к. группе не нравилось то, как их преподносят. Журнал выпустил только 4 номера, но Харви казалось, что они вторгаются в ее личное пространство, как и фанаты, и дармоеды, просачивающиеся за кулисы после шоу. Один инцидент особенно был похож на момент крещения, про него Харви рассказывала журналистам позже. «Мы играли в Йеовиле, первый концерт нашего последнего тура, и кто-то находился в гримерной, набивая свой свитер всеми моими записками. Он сказал: 'у меня ничего нет', и выбежал. Я была готова ударить его. Я никогда никого не била, но могла бы ударить его».

В следующем месяце они поддерживали U2 в их европейском туре *Zooropa* – стадионные шоу, закончившиеся двумя выступлениями в Лондоне на Уэмбли. Связь с U2 заслуживала внимания и в другом: менеджер U2 Пол МакГинесс и Шила Роуч отдела менеджмента в Дублине были столь впечатлены ею, что предложили пересмотреть ее менеджментский контракт, делая ее второй в своем списке после U2. Немало важно, U2 и Полли оба записывались на Island, таким образом, новый менеджер получал возможность управлять переговорами исходя из того расчета, что Полли не могла бы заключить дела с другой студией. «Он был очень заинтересован и восхищен моими выступлениями на тех шоу», - говорила Полли о МакГинессе, - «и он сделал акцент, сказав, что если я ищу менеджера, он заинтересован в этом. Это меняло все: легче становилось мне, потому что он знал свой бизнес досконально. И более того, он не зависит от меня, как от некого

денежного источника, горький опыт прошлого может воздействовать ужасно. Мне нравится способ, которым они ведут дела. Я люблю Дублин, и чувствую, что мне там рады, потому что я теперь часть семьи». МакГинесс был вдохновлен новым контрактом, рассказывая *LA Times*, что «она вызывала у него интерес. Очень интригующая аура, тайна вокруг нее. Она артист рок-н-ролла в лучших традициях – пазл». И добавив с большим чувством предвидения – «я думаю, что она выпустит много великих пластинок, и все они будут разными».

Несмотря на позитивные аспекты из-за нового менеджмента, у Харви были традиционные сложные времена, которые сопровождают артистов в дороге, особенно в Копенгагене, где ее положение усугубилось ее нервами. «Я выходила петь», - говорила она Джону Пилу, - «и ничего не происходило в первую половину первой песни, а мой голос был повсюду. Это была просто окаменелость, исходящая из той многочисленной толпы». Аудитория также была бессильна. «Они были противны нам, лишь кричали: 'убирайтесь' и швыряли предметы. Все только держали бы свои билеты в воздухе, даже не потрудились встать, просто лежали вокруг на площадке».

На вид, она, казалось, нашла силы в нынешней явно стабильной команде, говоря Q, что «Мы сладились на Peel sessions, которую мы недавно провели, и в турне. Теперь песни просто работают без нашего обсуждения. И, лично, от трудного познания друг друга два года назад, мы прошли через всё вместе - любя друг друга, ненавидя друг друга, и в итоге став хорошими друзьями. Это два человека, в которых я нуждаюсь, когда у меня тяжелые времена». Она также похвалила и других участников *Alternative Press*, подчеркнув, что «Группа не звучала бы так, как она звучит, если бы не было Роба и Стива. Они фантастические музыканты». К тому же она раскрыла *NME* тайную фразу группы, звучавшую как 'железные панталоны'. «У нас есть эта фраза внутри группы: 'Ты надел сегодня свои железные панталоны?' После концерта звучит так – 'Были ли железные панталоны сегодня?' И очень часто они бывают, и никто из нас их не упускал. Но никто не надевает свои железные панталоны (для Пил) сессий».

За кулисами, однако, правда не была приятной и наполовину, в том смысле, что крылось за жалобами Харви на гастролях. Ведь другие участники не хотели бы уходить лишь потому, что они «просто заснули и состарились». К концу турне, внутреннее напряжение росло, и Полли приняла решение разбить оригинальное трио и сфокусироваться на других музыкантах. «Мой старый состав стал таким негибким», - позже она объясняла она французскому журналу *Les Inrockuptibles*. «Мне стала отвратна эта постоянность. ... стало невыносимой диктатурой». Напряжение возросло особенно между Роби Эллисом и Харви. Позже чувствуя, что он был не в силах сотрудничать, по причине того, что Харви с трудом шла на компромиссы со своими согруппниками. Согласно ей, вещи становились такими невыносимыми, что они не могли делить друг с другом общее комнатное пространство, замечая что: «Роб писал свою музыку, а это всегда тяжело, когда в группе два писателя». Однако, хотя Полли утверждала, что приняла решение «еще задолго до» этой казни, раскол группы был неминуемо болезненным, и, казалось, достиг своего апогея на полпути американского тура.

«Я была обеспокоена этим. Я не знала, как отреагируют люди, но интуитивно понимала – я должна сделать этот шаг», - позже рассказывала она Q. «Это словно эмоциональный разрыв отношений, нужно время, чтобы все вернулось в свое русло». Она также отрицала, что раскол являлся ее беспощадной затеей, указывая на то, что Элис стремился занять ее место. Посещая Reading Festival, чтобы посмотреть Gallon Drunk и Babes In Toyland 27 августа, она рассказала вкратце Джону Пилу – «Мой барабанщик и я решили, что будет лучше, если мы разойдемся», ссылаясь на его нелюбовь к гастролированию как на решающий фактор. На легкой ноте она

заявляла о том, что думает, что Babes In Toyland «замечательные». И несмотря на то, что она пропустила выступление Gallon Drunk по причине опоздания, она была «очень рада быть там и не играть».

Планы на сольный осенний тур отложились, но курс был направлен на создание саундтрека к фильму о воровстве в магазинах *Shoppers* Канал 4. Затем Полли начала сольную карьеру в октябре, выпустив *4-Track Demos* - коллекцию демо и не вошедших номеров в *Rid Of Me*, которые изначально предполагались как аккомпанемент к *Rid Of Me* в стиле связки *Dry* и *Demonstration*. Альбом состоял из демо записей с живых выступлений, что отделяло его от *Rid Of Me*. Он включал маниакальный номер под названием 'M-Bike', видимо про ее возмущения игрой на вторых ролях мотоцикла Joe Dilworth наряду с сопутствующим номером под названием 'Hardly Wait' со страшным припевом «В моем стеклянном гробу, я жду». Хотя Кортни Лав позже охотно отмечала, что «Юнг говорит: женщинам с расстройством пищеварения снятся сны о стеклянных гробах», - это единственная интерпретация этого символа, который также считали, представлял бездействующую сексуальность, привязанность к отцу и место между жизнью и смертью, позже наиболее драматично использованный в бесшумном шедевре Карла Дрейера *Vampyr*.

Melody Maker подтвердил, что это была «угрожающе агрессивная музыка без вызывающего оцепенения наркотика». Хотя внимание еще раз сконцентрировалось на обложке альбома, которая была создана Марией Мокнакс из фотографии обложки *Melody Maker* в американском отеле с последнего тура и изображала Полли в черном кружевном белье, полумраке и купальной шапочке, с фотоаппаратом, свисающим с ее шеи, а деньги выступали из-под ее бра. Задняя сторона обложки даже больше удивляла – черно-белое фото исхудалой обнаженной Полли, завёрнутой в прозрачный пластик. Изображение шокировало многим, не только наготой, но и тревожным качеством, которое, по меньшей мере, беспокоило. Как и в случае предыдущих обложек, концепция была задумана вместе с Марией Мокнакс, которая «была действительно непорочна в то время», согласно Полли. «Мы также сделали и другие фото с тем странным платьем, наполнено кусочками апельсина, которое она сделала специально для меня. Там были эти апельсиновые кольца, а я была обнажена под платьем, мы сделали всего серию фотографий, т.к. апельсины гнили. Мы никогда не носили платье. Но то фото, которое мы использовали, было даже более чем расстраивающее. Оно почти смотрелось как похоронный мешок. Но я думала, это безусловно печально и горько».

Другую сессию с Марией Полли отвергла как потенциально нервной. Как она вспоминала в журнале *Spin* годом позже: «Мы снимали крупным планом мои руки. Это происходило в очень, очень жаркой комнате. Вены на моих руках стали как у наркомана. Я была одета в такой красивый с большим вырезом топик. Но Мария хотела использовать фото, потому что проходил контраст между красивым топом и ужасными руками, но я не согласилась бы на это. Я была обеспокоена тем, что люди станут говорить – «О нет, Полли Харви героинщица!»

Конец тура предвещал уединение для Полли, которая вернулась в свой дом в Дорсете, хотя она и промелькнула в феврале на The Brit Awards 1994, чтобы исполнить в незабываемом дуэте с исландской певицей Bjork песню 'Satisfaction' группы Rolling Stones. У них быстро скрепились дружеские отношения, хотя сперва выбор Bjork в предпочтении музыкального партнера пал на общеизвестную нерешительную к выступлениям певицу Kate Bush, которая была, очевидно, слишком занята в Германии продвижением своего последнего на тот момент альбома *The Red Shoes*. На церемонии награждения присутствовала и «странная женщина» Tori Amos пытающаяся найти дуэт за кулисами, и, предчувствуя, что они пошли бы далеко так быстро, как поговорка –

«словно дом в огне». Она была, пожалуй, не удивительно, права и трио неожиданно возникло двумя месяцами позже в официальном необычном трехстороннем интервью для журнала Q, под заголовком «Бёдра! Сиськи! Губы! Сила!»

Харви объяснила свою связь с другими, указав на то, что «это первый раз, когда у меня был удобный случай встретить другую женщину в моем положении. Очень полезно для меня, чтобы понять, что и другие люди занимаются точно такими же вещами, какими и я. Я испытала это на себе». Она также воспользовалась благоприятной возможностью, чтобы рассказать о восприятии сексуальных тем в ее работах, отвергая высказывание Элвиса Костелло насчет ее работы – «о крови и ебле», отвечая – «Музыка очень сексуальна. Она заводит. Она не заставляет думать, она заводит твоё тело – очень сексуальный инструмент. Внести сексуальные элементы в текст, чтобы сопутствовать музыке – некое совершенное чувство для меня. Так бывает». Говоря о своей собственной сексуальности, она указала, что она, скорее всего, привлекает «тех, кто работает в пабе», чем тех, кого она может встретить в музыкальной сфере. «Ты не по душе людям только потому, что они поп-звезды», - говорила она. «И не только мужчины, женщины могут привлекать тоже». Этот последний комментарий спровоцировал поток слухов об ориентации Харви, которые продолжаются и по сегодняшний день, до такой степени, что Харви сама попросила, чтобы комментарий, подтверждающий ее гетеросексуальность, был удален с официального веб-сайта из раздела FAQ. Скорее как позиция Мадонны, когда слухи приписывали ей отношения с Сандрой Бернхард. Полли ясно чувствовала, что такая дискуссия не относится к ее артистической карьере, грамотно позволив людям думать, что они хотят, нежели, чем черпать информацию из первых уст.

Она, казалось, имеет сходство с Тори Эмос, которая комментировала, что «людское восприятие Полли, кажется, полностью выключено. Когда я встретила Полли, простите меня, но она была подобна ангелу. Такая нежная. Поэтому я думаю – несправедливо поступил тот, кто сделал из нее безумную сучку». И как сама Харви прокомментировала: «Я незамедлительно решала – если я личность, если я ею являюсь, тогда я являюсь сама собой, а если нет, тогда и дать мне нечего. Что касается Тори, мне сразу же понравилась она, таким образом, она получила меня. Но у людей абсолютно ложные мысли обо мне, почти противоречащие действительности. Но я вполне счастлива тем, как оно есть. Нужно ли мне загружать людей тем, кем я являюсь? Я предпочту, чтобы у них скорее не было ключа к разгадке».

Конечно, те, кто рисовал Полли как некую кровавую и источающую зловоние, рвущую когтями внутренности мертвых любовников, гарпию были бы удивлены, узнав, что она на самом деле становилась столь же одомашненной как мифическая Полли, которая ставила чайник. Купив дом, она стала проводить свободное от работы время в саду и у водоема с золотыми рыбками, и, сажая семена, растя большой урожай овощей, которые обеспечили бы ее и друзей свежими продуктами: цветной и брюссельской капустой в следующем году. Ей также удалось самостоятельно остановить утечку в своем котле и, в слезах убрать сооружение для желобов. «Я люблю свой сад», - говорила она *Hot Press*, сравнивая садовничество с артистическим процессом. «Я получаю большую гордость от того, что выращиваю разные культуры и приобретаю должное от результата. Это просто восхитительно, слияние с природой. Чудно смотреть, как всё растёт. Это форма искусства. Все, что я делаю, все на что смотрю, я должна делать уверенно. Какой овощ я сниму первым? Где я посажу этот цветок? Все время, когда я не работаю, я провожу в саду. Или занимаюсь другими вещами, с которыми я духовно расту». Этими другими вещами являлись банки с джемом и соленьями, которые согласно Полли были подарены лучшим друзьям и были благоприятно приняты. «У меня было несколько хороших отзывов. Некоторые лучше, чем у других. Была хорошая свекла в прошлом году. Много комплиментов по поводу свеклы, но не так

много насчет моего ревенного мармелада. Я добавила грецкий орех в него и получила просьбу о таком же горшке, но без грецкого ореха». Эта просьба, кажется, шла от Стива Альбини, очевидно не слишком стойкого к орехам Харви.

Тем апрелем, шокирующая волна ударила по рок-индустрии, когда фронтмэн Нирваны Курт Кобейн, укрывшись ото всех на террасе своего имения, а незадолго до этого написав длинное письмо о своем разочаровании в музыкальной индустрии, укололся героином и затем выстрелил себе в голову. К слову, это было напоминанием, что не все знаменитости пупсики, и о том, что нытье по поводу своих желаний - это далеко не самое худшее у рок-звезд, явное преуменьшение. Конечно Полли, которая перенесла чрезвычайные потрясения благодаря своей работе, глубоко была затронута смертью Кобейна. «Много причин, почему я была крайне опечалена этим, ведь в то время я достигла своего самого паршивого состояния», - говорила она журналу *Option* в Штатах. - «и знаю, что борьба - это постоянно положение между музыкой и индустрией, бизнес-стороной, денежной стороной. Зная, как это для меня, а затем, представив, какого это для него, в 100 раз давление сильнее, я могу понять, почему он дошел до такого». Она также выразила потрясение своим образом, который рисуют СМИ, комментируя: «Все основывается на мифах. Люди делают из музыкантов мифологических существ. Но почему? Это за пределами моего понимания. Но я ответственна за это. Когда я была молодой, у меня были идолы, я думала это замечательно. Я хотела быть как они. Это случилось и это странно. Такое идолопоклонничество не происходит в мире изобразительного искусства. Ни в мире писателей, ни драматургов, ни поэтов».

Она сражалась с этим проецируемым изображением, выпустив тем летом лишь одно успешно-продаваемое видео на сегодняшний день *Reeling* - документальный тур, снятый Марией Мокчак в мае и июне предыдущего года. Ответ Харви фильму *In Bed With Madonna*, состоящий из лощеных клипов ее выступлений на площадке Forum, снятых Pinko. Шаткое закулисное кино, показывающее реалии тура, это не походило на мадонновский *Blond Ambition*. Фанаты сгорали от любопытства лицезреть, как героиня разминает голос в туалете, но фильм тяжел для просмотра даже любителям такого зрелища, и поднялся лишь за счет живых выступлений и промо клипов на '50 Ft Queennie' и 'Man Size'. Последний из двух показывает Полли, сидящую на стуле в мешковатых мужских трусах и футболке Мэрилин Монро, усмехающуюся, гримасничающую и трясущую свою голову от всей этой обстановки психиатрической больницы. Сама она точно не смотрела релиз, когда она объясняла Q: «Это потрясающе. Он показывает, какие усталые люди на гастролях - сидят вокруг, зевают, запрокидывают голову и надевают верхнюю одежду. Это великолепно, потому что порой к нам относятся так серьезно, с таким трепетом». Однако в сумме сказанное верно.

К счастью, Харви легко осела в Дорсете анонимно благодаря суровой местной природе. «Люди, которых я знаю, знают меня с 10-11 лет, и они опекают меня все также», - говорила она *Option*. «Я всего лишь Полли. И люди знают, что ты, скорее всего, не захочешь говорить о себе, так или иначе. Поэтому, когда я иду в бар, мы разговариваем о хозяйстве или о чем-то таком, или о том, чем они занимаются». Она полностью не затихла, намереваясь записывать версию 'Ballad Of The Soldier's Wife' Курта Вэйла для музыкального фильма под названием *September Songs*, в который также внес свой вклад Ник Кейв, один из идолов Харви и тот, кто сыграл значительную роль в ее жизни в грядущем году. Она также оказала большую помощь другу Moonshake на Too Pure, предоставив свой вокал для 5 треков на их альбоме *The Sound Your Eyes Can Follow*, который вышел в мае. Тем временем музыка Харви повернула в совершенно неожиданное русло. *Strange Days* - фильм режиссера Kathryn Bigelow включал Джульетт Льюис, подпевающую песням 'Rid Of Me' и 'Hardly Wait'. Выступление, которое вошло даже на саундтрек к фильму, и которым Харви была очень

довольна. «Я люблю версию 'Rid Of Me' от Джульетт Льюис», - говорила она *Spin*. «Мне кажется, что она спела очень хорошо, отлично смотрится, я ее поклонник по-любому. Если захочет, она может взять любую другую песню в любое время».

To Bring You My Love [Принести тебе мою любовь]

«Безумие может быть притягательно, потому что мы хотим немного больше знать людей, которые страдают от этого. Мы можем учиться от ненормальных вещей, и получать глубокое понимание от них»

(ПЖ Харви, I-D, 1995)

В начале июня, Полли уединилась в своем доме в Дорсете, чтобы начать собирать материал, который мог бы послужить ее третьему студийному альбому, предоставив себе трех месячных срок, чтобы закончить работу – по плану одна песня в день. В период изоляции, работа над альбомом была достаточно тяжелыми временами для Полли, как позже она вспоминала в *D&C*. «Это был уединенный дом, вдали от сельской местности Юго-Запада. Все, что он имел – это виды, ничего больше. Было очень холодно, и пахло плесенью. Я чувствовала запахи всех людей, которые жили здесь когда-то. Я всегда чувствую это в строениях, но этот дом был настолько стар, что запахи были особенно заметны». Неизбежно, эти атрибуты затронули атмосферу и лирическое содержание пластинки. «Я полагаю, мой новый альбом о внешнем мире, пространстве деревни. Я написала весь альбом в спальне своего дома - окно выходило на огромное поле и огромный холм. Мои соседи жили в целой мили от меня. Вот на это всё я и смотрела целый день, когда писала». Отдаленность дома скоро отразилась на психике Харви, что нельзя назвать положительным эффектом, хотя она целенаправленно отвергала любые контакты с другими людьми на период своей творческой работы просто для того, чтобы не отвлекаться. «Я была совсем одна. Наихудшее времена в моей жизни. Я никого не видела, вообще. Я ушла в себя, честное слово».

Открытый пейзаж не был единственным источником вдохновения Харви. Она продолжала интенсивно читать – запоем романы, в том числе Брета Истона Эллиса – *American Psycho* - позже адаптированного для средне успешного фильма - влияние которого хорошо прослеживается в ее интервью. «Когда ты читаешь на самом деле сильную сцену насилия, ты чувствуешь себя возбужденно, мне тяжело это дается, но в тоже время очень интригует». Другой источник вдохновения исходил из ее художественных склонностей - исследуя предметы, которые она находила на берегу во время прогулки, рисуя рыб на камнях и делая «маленьких деревянных куколок с кусочками волос». Она также продолжила собирать свою коллекцию марионеток - увлечение, которое осталось с ней от тех давних кукольных представлений, что проводили в семье. Не удивительно (и правильно), Харви также позволила себе кое-какие электрические развлечения – легкую музыку по ТВ, открыто признаваясь в любви к *EastEnders*, *NYPD Blue* и *Top of Pops*. Хотя она находила глубокое влияние в программе *The Secret Life of Plants* Дэвида Аттенборо, серии, которые она нашла очень «спиритическими».

Поразительно, Харви открыто признавалась в любви к легкой музыке журналу *Select*, когда говорила о своих последних музыкальных вдохновениях. «Мне действительно нравится *Take That*», - говорила она. «Я вся в них. Смотрю концерты по телеку. Они очень хороши в том, чем занимаются. Есть много плохих групп в их направлении, а ими я люблю. У них есть хорошие поп песни. А кругом так много плохой музыки. Нет новой почвы. *Take That* делают то, что делали все время, но они делают это очень хорошо. Приятно смотреть. У меня много времени для них». В

отношении плохой музыки, она не была чрезмерно лестной в отношении группы *Oasis*. «Ненавижу их до тошноты! Есть всего несколько групп полной хрени, которым хочется заткнуть рот, и боюсь, что Оазис одна из них. Она также выразила отвращение к техно-музыке, заявляя, что «она не воздействует на меня никак, кроме как причиняет головную боль. Это не моя кормушка».

Она собрала вместе все заметки, которые она скопила за предыдущие годы. «Большинство слов, образов я запечатлела в своей голове, как снимок места, даже скорее как запах или некое чувство, которое я испытывала когда-то. Обо всех этих вещах я набросала небольшие заметки. Я просто пыталась вспомнить вещи, а затем я воплощала их в музыке. Таким образом, я записала все эти мысли, а затем работала над ними. Такие песни как 'I Think I'm a Mother' были просто лирикой, слова каждой написаны приблизительно за 5 минут. Я сидела без дела с этим около года, и думала, - «Что же с этим делать? Имеет ли это какую-то ценность?» Но что-то удерживало меня от того, чтобы выкинуть ее. А другая песня была только музыкой долгое-предолгое время: вначале было просто слово или ритмический паттерн, но не было настоящего текста. 'Meet Ze Monsta' такова. Все те, в которых заложен некий ритм. 'Send His Love To Me' - одна из тех. У меня был бит – ла-ди-да-ди-да, и мне нужно было найти несколько слов для этого».

Харви рассматривала процесс писания песен в более возвышенном русле, сравнивая его в некотором отношении со сновидениями. А снов Харви имела вдоволь, вероятно, из-за своей бессонницы, которую даже чай с ромашкой, очевидно, не смог побороть. И как она заявляла – спала только по три часа сна каждую ночь. Люди нуждаются во сне особенно, иначе бы просто они могли бы сойти с ума. Как Полли объясняла *Hot Press*: «У меня масштабные сны, сны фантазмагорические каждую ночь, это очень приятно. Порой они выглядят так реально, что я не уверена – что из них есть моя настоящая жизнь. Дневная жизнь или ночная? Я не всегда точно знаю». Она стала вести «сонник», не специально для писания песен, а просто для записей видений. «Я люблю сновидения, потому что это моя детская сторона бушует каждую ночь. Может быть, мое подсознание пытается что-то сказать мне о самой себе или о других людях. Я думаю о наиболее невероятных вещах в моих снах, и это очень полезные вещи для тебя, если ты находишься в творческом поиске, как я. Это все заводит твоё воображение». В ее снах доминировала вода, символ сексуальности и эмоциональности, у нее также были и традиционные сексуальные сны, связанные с гниением или выпадением зубов [прим. по Фрейдю].

Процесс написания песен также стал более внимательным, не смотря на свое признание в чувстве, что: «Это конечно немного грубо в бодром сознании исследовать зону снов. В идеальном мире тебе нужно быть просто на связи с ним, как ты связан со своей холодной, рациональной, каждодневной личностью. Затем я должна двигаться. Я знаю, всё это здесь, но многое время я сосредотачиваюсь на других вещах. Мои прошлые работы созданы более наивным способом. Когда ты набираешься опыта, ты больше думаешь о том, что ты делаешь и почему». Хотя, обратной стороной этому было: «ужасно сомневаться, что возможно, я никогда не смогу снова писать. Это играет на моих нервах, держит меня ночью в бессоннице». К счастью, у Харви нашлась сильная поддержка в ее родителях - маленькая группа людей, которым она позволяла слушать ее музыку на стадии разработки. «Ограниченный круг людей, которые должны услышать мои песни до того, как я позволю себе думать, что песни стоящие» – говорила она Q. «Всегда есть огромное сомнение в себе. Я никогда не бываю уверенной в своих способностях. Мои периоды написания наполняют меня огромными сомнениями насчет себя, - особенно во время *Rid Of Me*. Думаю, моим родителям нравятся песни, хотя им не нравится саунд, который я использую. Но они знают - это то, чем я собираюсь заниматься еще долгое время, создавать музыку, и я должна пройти через этот этап».

Альбом был записан за 6 недель в лондонской студии *Townhouse Three*, базирующейся на Беттерси, с сентября по октябрь 1994го. А затем месяц финального микширования в дублинской *Windmill Lane*. Хотя она первоначально намеревалась работать над этим альбомом с Альбини вновь, она осознала, что «рассматривала эту возможность, потому что он близкий друг, и я знаю, что мне приятно работать с ним, даже если на альбоме был его звук. Но, в конечном счете, я допустила, что это не обязательно. Песням нужно разнообразие, нужно больше свободы». Следовательно, за альбом взялся Флуд, выбранный Полли из-за восторга его работой с U2, Nine Inch Nails и Nick Cave. Она выражала свое восхищение «звуком на тех альбомах и действительно потрясающей атмосферой на альбомах Bad Seeds. Они, казалось, балансировали на лезвии ножа полного краха, но все держали под контролем; такое большое количество пространства в них. Я понимала, мне нравится то, что он делает, это был повод для встречи с ним. А затем, после первой встречи, поняв, каким замечательным человеком он был в своем деле звукозаписи, и каким истощающим этот процесс может стать, я осознала – он тот человек, с которым я хочу работать».

Сессия была столь же нагружена, как и период написания, и Харви еще раз окружило чувство незащищенности и собственной неуверенности, которую Флуд, по-видимому, и вселил. «У меня был эмоциональный срыв», - говорила она, - «Что я делала в студии, тратя все деньги на эти жалкие тупые песни? Флуд знает, когда тебе нужно остановиться, и попытается возобновить дело позже, знает, когда на тебя нужно наорать или когда тебя нужно утешить, успокоить. Он хороший психолог». Ведь его великим атрибутом было понимание артистического процесса и темперамента. Это знание предоставило ему гибкость, которая означала, что он мог работать до пяти утра, если это было необходимо или взять день перерыва. Однако Харви позже нарекла работу как - «наитяжелейшая вещь, которую я делала в своей жизни».

Запись альбома была разделена в основном между Полли и Пэришем, ее старым наставником по Automatic Dlamini, который присоединился к ней для нескольких треков на альбоме. Хотя Мик Харви также внес свой вклад, также как и приятель Тома Уэйтса Джо Гор, который принял участие в 6 из 10 треков. Харви впервые повстречалась с Гором, работавшим по совместительству журналистом, когда он интервьюировал ее для журнала *Guitar*, и они нашли общий язык. Затем она узнала, что он играл на некоторых ее любимых альбомах. Она с радостью захотела поработать с ним, а он с радостью согласился. Но сюрпризом стало то, что среди приглашенных музыкантов был бывший бойфренд - Джо Дилворт, который возглавил перкуссию на 'Working For The Man'. Видимо, парочке удалось спасти свою дружбу после крушения их романа до такой степени, что Джо был теперь, согласно Полли, в состоянии смеяться над песней типа 'M-Bike'. «Он шутит со мной – 'И так, тебе не нравился мой мопед?' Мотоцикл хороший, теперь всё хорошо. Некоторое время мне было больно и трудно разговаривать с ним». К ним также присоединился струнный квартет в 'C'mon Billy', 'Down By The Water' и 'Send His Love To Me', при участии таких знаменитых талантов как классические музыканты Jocelyn Pook и Sian Bell.

Полли также вполне контролировала процесс записи на этот раз, рассказывая *Request*, что «Я была в этот раз в роли руководящей женщины. Не было сомнений на этот счет, потому что, после всего произошедшего, я находилась в этом положении. Намного легче получать от людей то, что хочешь». Она также узнала, как почувствовать себя более комфортно в студии, рассказывая *i-D*: «Я психологически не выношу студии звукозаписи. Когда я получаю студию, я немедленно пытаюсь сделать ее лучше в плане освещения и разных запахов, наполняя ее личными вещами и принадлежностями... студии звукозаписи такие безличностные, столько музыки записано в них, разной музыки, а я не хочу, чтобы ее аура присутствовала там, когда я работаю. Комнаты и старые

дома - они хранят некую вибрацию. То же самое в студиях. Музыка, которая была написана в них в течение последних 10 или 20 лет всё еще находится там. Хочется очистить помещение, если действительно нужно создать свою собственную музыку».

Ее метод очищения сводился к использованию разных масел и ароматических свечек, чтобы создать важную подходящую обстановку. Особенность, которая была даже более важна, чем когда-либо. Как говорила она: «Мой путь записи песен основывается на атмосфере и чувствах даже более чем то, что я когда-либо делала, чем любые песни, которые я писала до этого. Завязкой ко многим песням было чувство, которое я хотела бы попытаться пронести через музыку. Эта завязка пришла еще до всего остального: до структуры песни или до лирического содержания. Это больше чем музыка, те чувства, которые я хотела получить, а затем приняться за работу». Ее подход к музыке также развивался. «Музыкально, я дошла до точки, когда, как мне кажется, уже разучиваешься », - рассказывала она *Select*, - «возврат к детскому простодушию. Чем дольше я нахожусь в музыке, тем больше я понимаю, что она об избавлении от того, в чем ты не нуждаешься, и никакой попытки стать умнее. У меня есть перспектива – разобраться во всем. Всё кажется таким огромным, очень-очень важным. Теперь я немного лучше лажу с разными вещами».

Но работа все же не закончилась по окончании записи. Рабочее состояние песен оказалось чрезвычайно важным, требовалось решение, какой же из треков поставить на конец альбома. «Я провела много времени, упорядочивая альбом, чтобы всё вышло правильно», - позже она объясняла. «Много моих любимых песен не вошли в альбом просто потому, что они не подходили по формату, поэтому и были выкинуты. Думаю, я написала 20 песен, из которых я хотела получить десяти песенный альбом, для грамотного выбора времени. Думаю, что в те дни альбомы делали слишком длинными, а я хотела сделать один короткий». Многие из этих не вошедших песен, вошли в Би-сайд - коллекционное издание, которое было выпущено лимитированной партией по почтовому заказу, и другой вариант издания – двойной CD.

Первые предпосылки нового альбома Полли появились 6го февраля 1995. Выход сингла 'Down By The Water', гипнотической песни с органным драйвом, ритуальным припевом, взятого из одного поллиного песенника Ледбелла. Он сопровождался видео, которое изображало обольстительную певицу Полли, одетую в алую шелковую сорочку, плывущую в воде и поглаживающую свой живот. Менее романтическая реальность – холодный день для прыгания и выныривания из бассейна полностью одетой, опыт, которым она делилась с MTV, был пугающим благодаря весу ее парика, шпилькам и платью. Образ, затеянный Полли и Марией, нежно дублировал «Джон Кроуфорд под кислотой». Отвечая на вопрос по поводу песни и клипа, Полли была типично уклончива, прокомментировав только, что – «это песня, на которую я не хочу навешивать ярлык, в таком виде, что это не песня о некоторой женщине, топящей свое дитя. Будучи довольно честной, я действительно не знаю, что она значит для меня до сих пор – я не беспокоюсь об этом, скорее предоставлю возможность для других людей, думать то, что они хотят». Сингл сопровождался двумя треками с сессии – идущие следом 'Somebody's down', 'Somebody's Name' и 'Lying in the Sun'.

Сингл Харви был одобрен множеством похвал, постоянная трансляция на программе MTV. Руководитель Льюис Ларгент, вице президент MTV, объяснял Split, что «Вопреки популярным убеждениям, мы музыкальные фанаты. И временами появляется видео, где ты только должен посмотреть в сторону и сказать - "это важное". Может быть, это и не принесет много успеха, но действительно подействует на некоторых людей, и нам нужно иметь место для таких вещей, как

эта песня. ПЖ Харви – просто одна из самых талантливых артистов декады, и ты не можешь просто спросить – ‘Ох, она собирается стать еще одной Лайзой Лозб?’»

Island также обнадружили, выпустив альбом с интернациональными афишами и всесторонней рекламной компанией, вторя лейблу MD комментария Марка Маро в Billboard: «Как мы чувствуем, с этим альбомом она предоставит запись, которая позволит нам повысить цену». Но, не смотря на похвалу и внимание притянутую синглом, Харви была недовольна работой пуще прежнего. «Когда Джон Пил проигрывал ‘Down By The Water’, я подумала, что она звучит подобно всему другому, что он проигрывал. Я подумала, ‘я не знаю, почему я полагаю, что я что-то особенное, в конце концов. Почему я прохожу через эту головную боль и через все эти проблемы толкования, когда в итоге это звучит так же, как всё остальное?’»

To Bring You My Love последовал 27 числа того месяца, готический и насквозь пропитанный блюзом шедевр, на котором помимо вокала, Полли играла на гитаре, вибратоне, перкуссии и всех клавишах. Если предыдущие альбомы ударяли по тебе, пронзали и кричали на тебя, этот альбом заставлял вас напиться абсента, а затем подкрадывался и душил тебя – и, наконец, топил тебя для ровного счета. Этот альбом качался на волнах бушующего моря и умывал сексуально-религиозной страстью. Воздействие было более тяжелым, более темным и исходило из удивительно широкого культурного пласта, хотя однажды Харви была поражена, к слову, что люди видимо, просекли сексуальную и религиозную страсть, которую она справедливо сочла «продолжающуюся многие и многие годы. Она в раннем блюзе, в госпеле. Не обязательно в словах, но в звуке музыки, она говорит с тобой сексуально. Ничего нового, абсолютно ничего. Я использовала предельно старую почву».

‘C’mon Billy’ и ‘Send His Love To Me’ обозначили отход Харви от традиционного рока и блюза в сторону испанских музыкальных красок. «Меня всегда привлекало что-то испанское. Климат, люди, танцы фламенко, наряды. Я всегда испытывала любовь к Испании и ее музыке, я слушаю много испанской музыки, и было бы сложно не впустить то, что я впитала, в мою музыку. Я нашла столько страсти в их музыке, в их танцах, очень сильную страсть, не смотря на то, что она может быть также меланхоличной, но такая сила вызывает ко мне».

А скорбная ‘Teclo’ пропитана влиянием Captain Beefheart. Критики убежденно подчеркивали сходство между строчками “let me ride on his grace for a while” и Clear Spot'-овской “his face is a blue million miles”, хотя Харви заявляла, что главным источником вдохновения служил саундтрек к фильму *Оружие Святого Себастьяна*: «У меня дома есть пластинка Энио Мориконе, и на ней песня называется «Смерть Текло». И я подумала: ‘Звучит интересно’, а там просто перкуссия, больше ничего. Никаких других инструментов, и я нашла это очень интригующим, как и сам заголовок, а после я прослушала весь альбом – он вызвал столько много идей вокруг этой песни, что это послужило поводом для написания музыки». В песне также присутствовал настоящий каубелл, умело звучащий в руках Харви.

‘I Think I’m A Mother’ была одним из тех странных треков, которые трудно переводить из демо в студийный трек. «Не знаю, сколько раз мы пытались записать его. Я была так довольна демо, что не беспокоилась насчет перезаписи. Я думала – ‘хорошо, мы впихнем туда демо’ потому, что множество песен на альбоме построено из демо записей. Большинство из них. Мне не хотелось терять атмосферу демо записей, которые я сделала, поэтому мы просто перенесли четырехдорожечные вещи в мультидорожечные и поработали над ними. На ‘I Think I’m A Mother’ мы пытались сделать это, но не сработало. Но я действительно люблю эту песню, и мне не

хотелось терять ее. Я имею в виду, изначально, я играла на ударных на ней, и они получилось хорошо, тяжелый бит, звучало очень притягательно, но сыграно достаточно сумбурно, потому что я не великий барабанщик. И до сих пор не удается добиться в студии результата. Сущность ложная. Подача этой песни очень важна, подача вокала, но также и музыкальная сторона. Для меня, в работе, важно сделать так, чтобы не было слишком напыщенно, слишком серьезно. Для работы тут нужен четкий, правильный баланс, иначе она может превратиться в Искусство своей-собственной-задницы с большой буквы И. А это не так, в этом много курьеза. Просто рифы, простые рифы, очень сексуально и очень притягательно, и вот почему слова работают для меня, из-за того, что музыка идет за ними. И в итоге – все так просто, всего три или четыре аккорда. Это захватывает меня и приковывает внимание на протяжении всего времени».

Блюз в вудуистском ритуале разрушительной ‘Long Snake Moan’ отзывает к Лидбелли – ‘New Black Snake Moan’, в то время как ‘Working For The Man’ пугает благодаря своему содержанию, в котором речь идет о киллере, подстреливающего проститутку. Наиболее похоронный эпический трек, однако, заглавный открывающий трек альбома, в котором она пела о скитании по пустыне и через потоп, спала с Сатаной и проклинала Бога, влача себя к краю смерти и проклятию и все из-за того, чтобы «принести тебе мою любовь». Страсть Харви прошла через весь альбом, ясно перемещаясь от земных до интеллектуальных и духовных начал, донося отголоски творческого процесса, через который она прошла, чтобы выковать ледяные пустыни альбома.

Приём критиков был восхитительным, *Select* заявил, что «Третий альбом ПЖ – надлежащая сделка хаотичной шероховатости голоса мегеры с заикающимися блюзовыми рифами и атмосферой, которая мерцает как электрический шторм на краю твоего слуха. ... Это всё немного смахивает на то, как если узнаешь, что женщина, которая всегда сбивает сливки у молочника, превратилась в какого-нибудь нахального автора черной библии». *Musician* Билла Флэнэгена сравнил ее подвиг со стилем фильмов Квентина Тарантино, заявляя, что «В Криминальном Чтиве использовано новаторское монтирование... чтобы заставить вас чувствовать, словно вы никогда не смотрели гангстерских фильмов раньше... Вот, что Харви использовала в своей работе. Если вы росли на традиционном рваном блюзе и кантри песнях про смерть, то вы уже не услышите их в первородном виде, эта пластинка прочистит ваши уши».

Несмотря на эмоциональную турбулентность, которую Харви испытывала, проходя через запись альбома, она сделала более позитивное лицо, когда давала интервью и склонилась к решению, что чувствует «в некоторой степени в альбоме намного больше надежды. Не смотря на то, что всё прошло через огромное количество эмоций и чувства отчужденности, и чувства потребности в чем-то большем ... эта надежда все еще там. Намного более позитивный, наиболее позитивное расположение духа, думаю так». Эта позитивность, которую она чувствовала, отражала ее состояние – «кто я такая сейчас - более счастливая и контролируемая Полли Харви». Это ощущение контроля было тем, что она искала так усердно, чтобы огласить ситуацию в интервью. «Я застенчивый человек, интервью мне трудно даётся», - говорила она *Select*. «Мы не так много говорили в семье, поэтому говорить внезапно о чем-то становилось сложно. Я чувствовала себя неадекватной и глупой. Интервью подобно игре. Люди говорят: ‘почему ты не изменишь русло, не направишь свои путём?’ - но я недостаточно умна. Моя мама заставляла меня слушать интервью Дилана. Он был очень смекалист в том, что говорит. Когда я пыталась сделать так, то проваливалась с треском!»

Лично, она продолжала увивать насчет своих отношений, говоря только, что у нее «очень высокие запросы. У меня было не так много отношений, очень-очень мало, и все они стояли

особняком друг от друга». Она также объяснила свой недостаток в романтических интересах, говоря – «Я не хотела бы проводить время и тратить энергию на того, кто точно не для меня. Или тратить их время и энергию также. Я вся в работе на этом этапе моей жизни. Но это не говорит о том, что я не приберу комнату для кого-то, кто может появиться в моей жизни». Она также воспользовалась удобным случаем, чтобы отметить, что люди не должны воспринимать лирику на альбоме чересчур буквально. «Люди говорят, скорее насчет последнего альбома, - 'ты странствовала по пустыне в течение 40 лет?' Ну, вы понимаете. 'Нет же! Это творчество: что я чувствовала или желание перенести чувство, которое я видела в других людях или в том, что толкало меня - картина или фотография. На более реальном уровне - приносит чувство усталости петь о себе самой всё время». В такой же степени утомительными были фото сессии, на которых она в основном не казалась счастливой. До тех пор, пока они не создали тандем с Марией. «Ты заканчиваешь тем, что смотришься так, как хотят они», - выражала недовольство она журналу *Select*, - «позировать так, как хотят они. Я не узнаю себя на фото. Мой отец говорил мне, что я выглядела как Глория Эстэфан на одной из фотографий прошлой недели! Боже мой! Должно быть ужасно, сдаётся ... я была в глубоком шоке».

Харви продемонстрировала альбом, сопровождая его туром по Британии при поддержке группы Tricky, стартовав 4го марта и закончив семью днями позже. Она созвала группу музыкантов, включая Ерика Дрю Фелдмана на клавишах, Джо Гора на гитаре, Ника Бэгнела, Жана Марка Батти и Джона Пэриша, заботясь о том, что люди будут делать все так, как пожелает она (после разногласий с предыдущим составом). «Это все мои друзья, которых я знаю лично», - рассказывала она *Request*. «Если ты не в настроении, если умом не на том же самолете, если есть эмоциональные трения - ничего не пойдёт. Я хочу делать музыку с людьми, которых люблю и о которых забочусь, а они в свою очередь обо мне, и о музыке как о чем-то хорошем и движущем – как только оно может быть. Поэтому отправная точка – действующие лица».

Фелдман ранее работал с идиолом Харви Captain Beefheart в далеких шестидесятых, а также с Pixies и Frank Black. Он был другом Джо Гора, который работал над альбомом. В свою очередь Фелдман получил работу, когда услышал, что Харви ищет клавишника. Бэгнел ранее работал с Fatima Mansions, а Батти, как выражалась Харви, был «другом». Полли доверяла группе полностью в течение всего турне, в первый раз без гитары на сцене она чувствовала освобождение, возможность сконцентрироваться на своем пении. «Я чувствую стесненность», - объясняла она, - «не только физически, ведь ты стоишь всего в одной позиции у микрофона. Но это такая тяжесть, что ты не можешь дышать, как полагается. Я учила многое о дыхании и как использовать его для поддержки голоса, я хотела поэкспериментировать с этим, но нашла только то, что могу петь намного лучше без всех этих наставлений».

Творчество Полли совершало удивительный поворот на каждом этапе, и если обратить внимание на этот факт, тур открыл театральную сторону Харви доведенную до максимума. Исчез китч глэма 50х последних лет и его место заняла готическая героиня, роковая женщина с гипсовым гримом. Ее черные вороны волосы локонами свисали на ее шелковые вечерние платья, многие из которых были дизайнерской работой Лизы Брюс. Небольшое чудо – то, как она дерзко и грациозно ходила по сцене, вопя песни о любви и библейских героях. Она все более и более тянула на Ника Кейва. Она даже использовала стиль *Ziggy Stardust* с прожектором, что немедленно стало сравниваться с выступлениями Боуи. Интересно, она использовала два разных сета в турне. Один начинался со старых классических 'Dress' и 'Legs', а другой с новых вещей, - 'To Bring You My Love' и 'Send His Love To Me'. Например, в одном выступлении она носила

изумрудное платье с опущенными волосами, а для другого выступления использовала алую сорочку с поднятыми волосами.

Конечно, визуальные аспекты ее представления сильно удивляли и привлекали скорее нелесные сопоставления, хотя Полли сознавала, что ее новый образ имеет что-то общее с тревожной разновидностью переодевания в одежду другого пола. «Я смотрела фильм *Приключения Присциллы, Королева Пустыни*, которые мне нравятся скорее не как истории, а из-за своих великолепных одежд с диковинными цветными кадрами при заднем плане пустыни. Эта комбинация вполне элегантна и забавна и вызывает чувство отталкивания - все в одно время, это и привлекает меня».

«Я фактически считаю, что тот макияж, способ нанесения грима, это экстремальная красота. Может быть, это только моё исказившееся чувство красоты. Я всегда равнодушна к вещам, которые немного преувеличены, такие, какие можешь услышать и в музыке. Некоторые места в музыке, которые могут казаться непривлекательными или сложными для некоторых людей, я нахожу очень успокаивающими». Она также смотрела на всю эту сценическую разработку как на эксперимент, вдохновлённый многими ее любимыми артистами, которые давали более театральную презентацию своей музыки. «Принц, например», - говорила она Q, - «постоянно пробовал вещи, которые граничили с музыкой. И те, кто как Боуи, всегда двигался вперёд, я очень уважаю их позицию. Я не бываю счастливой до тех пор, пока не пытаюсь двигаться вперёд, и может быть, я потеряю много людей по пути, но это то, что я должна сделать, чтобы остаться самой собой». Чтобы найти вдохновение к ее новому драматическому видению, по ее признанию она просмотрела большое количество музыкальных программ за неделю до турне, - «даже, если это было что-то типа Mariah Carey. Я также училась у людей, чья позиция на сцене, сдаётся мне, классная - Дилан, Тина Тёрнер, Дебби Харри. Я не сужу насчет танцев или хореографии, так как ничего в этом не смыслю, поэтому взгляды, должно быть, больше в отношении их подхода».

Критики приняли трансформацию с удовольствием. Тур был встречен бурными аплодисментами критиков интернациональных СМИ. *Melody Maker* заканчивали свое интервью обзором шоу Paris Bataclan, отмечая что: «Иронию можно позволить себе лишь держа дистанцию от поп-музыки, только если эта практика как подарок, тонкая и между строчек как у ПЖ Харви». Критик Райан Гилбей считал, что «Если Синди Шерману потребуется даже день отдыха, Полли могла бы превосходно стать дублёром: мастер преображения, безупречная в выступлении, ее образы передают то же самое - немного гнилое дуновение действительности, как фотография Шермана. Она создаёт иллюзию обнаженности, хотя фактически раскрывается совсем немного». Эверетт Тру, тем временем, писал для *NME*, несмотря на то, что это не было «большим открытием как полностью уносящее хореографическое обновление. Правдивость. Здесь формирование нового имиджа столь хладнокровна, что вы уже ожидаете - костюмы группы будут забрызганы в стиле "Бешеных псов" из-за обильного количества красного материала».

В течение тура, Полли установила что-то типа доброжелательного диктаторского режима в группе, как она объясняла *Spin*: «в течение репетиций, я была очень педантичной насчет их игры, получая в точности то, что я хотела. Но в турне, партии стали их собственными, что звучало отлично от записи. Шесть различных характеров, вместо одного. Но все пошло так, как надо. Мне не нравится, когда люди вставляют бит, который не должен там звучать. И я говорю им об этом». Несмотря на причуды с контролем, Полли заявляла, что чувствовала более свободно, чем когда-либо, и была необычайно открыта насчет распуска предыдущей группы, когда разговаривала с французским журналом *Les Inrockuptibles* в апреле: «Начиная с Day One (с самого первого дня) всё

прозрачно между моими музыкантами мной: я пишу песни и все аранжировки, они готовы играть их. PJ Harvey – это моя группа, не их. Вот почему наши отношения благозвучны, нет никаких эгоистических проблем среди нас. Под конец, мои отношения с Робом и Стивом стали очень сложными, они хотели всё взять на себя. Поэтому единственным решением было положить конец нашим отношениям. Я абсолютно ценю их упорную работу – без них *Dry* и *Rid Of Me* звучали бы иначе, возможно менее энергично, менее ритмично. Но даже без них альбомы бы состоялись. Будем честны: я всегда была капитаном у штурвала группы. И даже больше сейчас, чем когда-либо». Однако она, кажется, сожалела насчет другой стороны – о позиции в которой она находилась относительно Роба Эллиса, объясняя *i-D*: «В конечном счете, когда твой мир разваливается на куски, твои друзья и люди, которых ты любишь – самые важные вещи. Больше всего расстраивает, что вероятно случилось со мной из-за всего этого – потеря друзей, или, когда друзья думают, что я изменилась. Это не так. Я не изменилась будучи некой большой поп-звездой, и не собираюсь меняться».

Пока шел тур, у нее была удобная возможность почитать, поглощая запоем работы У.Б. Йейтса, «Дублинцев» Джеймса Джойса и романы Кормака МакКарти, Майкла Ондатье, Владимира Набокова и Мервин Пик. Она также взяла в тур альбомы групп, такие как Shellac Стива Альбини и Artist Formerly Known As Prince в Уэмбли, и была влюблена в альбом Portishead *Dummy*. Она пребывала в воодушевленном состоянии насчет современной художественной сцены пуще прежнего, выражая восхищение работам Брюса Наумана. «Я нахожу его очень забавным», - рассказывала она *Interview*, - «и всегда меня привлекает – какое-то равновесие тяжелых сюжетов. Одна из его любимых работ – всего лишь две строчки. Верхняя гласит – Беги от страха (RUN FROM FEAR), а нижняя говорит – Забава от страха (FUN FROM FEAR). Такой юмор по мне».

И, конечно же, тур снова поставил Харви лицом к лицу с ее фанатами. Толпа, которую она любила столько же, сколько она ее и беспокоила. «У меня множество странных писем и встречаются множество странных людей», - рассказывала она *i-D*. «Take That получают тоже кучу извращений. Не важно, какую музыку ты играешь, ты притягиваешь людей к себе, потому что люди привязываются к тому, что ты говоришь. В ситуации как с Take That, когда молоденькие девочки чувствуют, что влюблены в них, парни, сообщают им об этом в некотором роде. Насчет меня - это люди, которые желают знать, что я попыталась выразить в песнях, те, кто чувствует, будто я единственный человек в мире, который понимает их. Они чувствуют всё это, но не могут выразить их кому-то другому. Они чувствуют специальную связь только со мной». Неудивительно, члены группы Харви подсели на расхваленный ею Take That в том же году. Они нашли их развлекательными. «Даже мой барабанщик купил мне фан-книгу Take That на днях. И так, теперь у меня огромная куча их фотографий!»

12 апреля, Харви ответила на давление, дав больше интервью празднующей прессе сразу для 50 европейских журналистов, где она выглядела разговорчивой и в хорошем расположении духа. Она ответила на несколько вопросов в стиле журнала *Smash Hits*, заявляя, что любит желтые растения и «цыпят с их оперением, но мне действительно нравится также их кушать», и описав *To Bring You My Love* как «коллекцию любовных песен». Она также искусно уклонилась на нетипичные вопросы от французского журналиста о разнице между правдой и красотой. Она продолжила активную рекламную деятельность драматическим выступлением 'Working For The Man' и 'Goodnight' в Британии на музыкальном шоу *The White Room* 15 апреля, затем отдохнула от всего этого в течение месяца до майского турне по Европе, Штатам и Японии. Несмотря на всё это явное единство душ и хороший юмор, она еще раз ощутила быстро истощающее давление, идущее от музыкальной индустрии, особенно со стороны турне.

«Я действительно категорично тихий человек», - говорила она *Alternative Press* в июне, - «кто не слишком сильно разгуливается, не болтает с людьми. Таким образом, это немедленно противоречит всему, что я делаю. Я окружена людьми, должна говорить много. Мне нравится быть лишь в одном месте, здесь, дома, но я нечасто тут, ведь путешествую всюду. Я скучаю по животным, я люблю их, но не могу завести хоть одного, т.к. меня вечно нет на месте». Финансовая сторона индустрии была тем, что она нашла весьма трудным, чтобы справиться с этим, говоря *i-D*: «Мое непонимание и представление о деньгах не слишком сильно. Мне сложно постичь то, что это значит, когда кто-то говорит – арифметика во мне. Я понимаю, что я имею возможность купить себе дом и машину, и конечно, я оцениваю стоимость. Но только то, что касается этого. Я не расточительна. У меня нет отпуска по 2 года, и может быть не будет многие годы. Деньги – это не то, о чем я думаю».

Она также не участвовала в грядущем живом выступлении, заявив, что «В прошлом турне мы это делали, они заставили нас делать это в течение 4х месяцев без перерыва, самое длительное, чем мы занимались, а я так скучала по дому. И я осознала, почему это называется «ломка». Ломка по дому. Физически. Действительно было так дурно, что я не могла ничего делать. В этот раз первый квартал – четыре месяца снова. Потом у нас две недели отдыха – кровавая роскошь – затем другие четыре месяца, в итоге это займет почти целый год. Затем мы закончим тур в Австралии следующим январём. Хороший финиш гастролей и хороший финиш для Полли Харви также, я надеюсь». Тревожно, но в этих обстоятельствах она не шутила.

Новый энтузиазм к домашней жизни, она полагала, шел от нового дома. Необходимость заняться с ответственностью спокойным управлением своего собственного домашнего хозяйства. Она заявила о разочаровании в интервью, исчерпав полностью запасы цветной капусты за предыдущие годы, не имея времени позаботиться о новом урожае 1995го, и это чувство домашнего уюта было дополнено женитьбой ее брата Сола и его ребенком, открыв новонайденное чувство опеки. «Видя их суету, и видя, какие они счастливые», - признавалась она, - «во мне просыпаются эти чувства. Но это то, что я не рассмотрела бы, пока не вышла бы замуж, и не сошла с гастролей». Она была аналогично несдержанна на предмет детей, когда разговаривала с *Hot Press*, радостно восклицая – «Я хочу 20 деток, сейчас, честно. Мне бы хотелось иметь детей, но не рассматриваю такую возможность, пока не выйду замуж. Я должна встретить кого-то, с кем мне захотелось бы провести остаток своей жизни. Это единственный человек, кого я хотела бы видеть отцом моих детей. Может быть, это никогда не произойдет. Может быть, я мыслю рационально, но я хотела бы иметь детей». Однако, она удивила даже саму себя подобным оборотом мировосприятия, позже рассказывая *Spin*: «Я всегда думала, что это миф, врожденные биологические часы, которые заставляют женщину думать о рождении ребенка и о материнском инстинкте в какой-то predetermined момент. Что за ерунда. Но затем, это коснулось и меня, это старое-старое чувство из прошлого. Я почти приняла это чувство как обязанность. Мне будет скоро 26, и мысли проникли в мою голову, совершенно внезапно, может быть, это хорошая идея обзавестись детьми до 30ти ... ты начинаешь думать, что быть родителем – это очень и очень важная часть человеческого существования».

Весь этот разговор о тоске по дому разжёл слух, что Харви немедленно и окончательно подаёт в музыкальную отставку. Слухи, которые она отрицала, хотя она сказала, что хотела свести на нет интервью и туры в своей карьере. Ее приоритеты, несомненно, поменялись. «Вплоть до сих пор», - говорила она *Option*, - «музыка была для меня наиболее важной вещью. Но мне хочется, чтобы была возможность проводить больше времени дома, на что у меня действительно нет времени. Мне хочется осесть и обзавестись семьей. Я хочу печь печенье и торты, стирать, гладить и

рисовать, и украшать». Несмотря на эти внезапные побуждения к тихой жизни, Полли нашла время, чтобы стать хедлайнером на фестивале Glastonbury, который стал легендарным, покориw сцену неоновым латексным розовым костюмом женщины-кошки и крайне соблазнительным макияжем, а затем продолжила оглушать толпу набором того, что она называла своими «наиболее говорливыми» песнями. Мрачные танцы в стиле 'Down By The Water', топающие длинные худые ноги по сцене для создания напряжения в 'Goodnight', она, казалось, оказалась в полном господстве своего собственного образа, и покинула толпу, ждущую продолжения. Это было выступление, которое осело в истории Glastonbury как одно из важнейших выступлений за все время и стало главным для бутлегов Харви, включая *My Life*, *C'mon Polly*, *Pretty in Pink*, *Live Goes The Night* и многие другие.

Второй сингл, 'C'mon Billy', вышел в июле и включал одно из наиболее достопримечательных видео Харви на сегодняшний день, и снова под режиссурой Марии Мокнакс. В нем Харви расхаживает с важным видом в салуне Дикого Запада, одетая так, чтобы мозолить глаз - как развратная проститутка, сверкая игрокам своими сетчатыми чулками на тоненьких ножках, которые, кажется, равнодушны к этому. Она лежит в слезах, размывающими ее макияж, на кровати в темной комнате, смотря домашнее видео о счастливом прошлом, нося рубашку своего ушедшего возлюбленного и падая на пол. К концу видео кажется, что она вернула своего возлюбленного - в то время как камера едет назад, чтобы показать - она привязала его к себе веревкой. Как описание отчаяния, опасной навязчивой идеи, фильм удивительно мучительный, хотя он не теряет свою сильную полосу черного юмора, особенно в финальном кадре. Сингл на обратной стороне содержал два трека аут-тэйка: впечатляющий юморной 'Maniac' - почти 'Down By The Water Part 2', с ведущей органной мелодией, и блюзовая 'Darling Be There'. Затем она нашла время, чтобы продвигать релиз с сессией Radio 1, записанной на студии Maida Vale, выступление включает 'C'mon Billy', 'Harder', 'The Dancer' и 'Long Time Coming'.

В августе, сопровождаясь радио релизом 'Long Snake Moan' в Штатах, ПЖ Харви провела семи недельный ограниченный тур с американскими рок-гигантами Live и Veruca Salt. Это невероятное сотрудничество, которое Полли объяснила как шанс «показать себя на передовой множеству людей, которые иначе никогда бы не услышали мою музыку». Программа стартовала на Phoenix Desert Sky Pavilion 8 августа и прошла по 21 штату, после чего завершилась на Philadelphia Spectrum 20 сентября. «Я приняла вызов», - говорила она. «Я беспокоилась - если это шло против моих принципов в поддержку группы, к которой я не имею огромного уважения музыкально. Но это была вполне хорошая дисциплина. Ты должен был усердно работать и помнить - ты всего лишь маленькая часть одного большого целого. Это словно - 'нет, не каждый пришел, чтобы посмотреть на тебя, и большинство людей могут не дать отдачу'».

У некоторых тех людей был обезоруживающий вокал, из тех, кто был там, чтобы лицезреть шоу, как Харви рассказывала журналу Q двумя месяцами позже. «В некоторых местах на Midwest были неотесанные люди, которые были там лишь для того, чтобы создавать шум и беспокоить людей. Конечно, они выкрикивали в мой адрес оскорбления, но частенько я чувствовала, что аудитория переменялась в течение концерта; они начали, будучи очень враждебными и в действительности не уделяли много внимания, но к концу выступления они реально аплодировали, и это было лучшей наградой. Я чувствовала, что каждый отдельный штат - своя страна, и эти среднезападные концерты, которые я нашла наиболее воодушевляющими и вызывающими потому, что ты не мог просто взять их без боя. Даже в таких местах как Канзас Сити и Сант Луис: они очень бедные, очень изолированные и вполне похожи на города-призраки».

Лично, Полли стала относиться намного более жестко к своему режиму в течение тура. «Многие люди, даже некоторые из моих друзей, думают, что я словно в отпуске», - делилась она с Томом Дойлом в ноябре, - «но это чересчур трудно – быть в форме, чтобы выступать каждую ночь, есть и вещи, которые я делаю и каждый день. Даже такие обычные вещи, как то, что я ношу высокие каблуки на сцене – я стираю ноги и изничтожаю мышцы каждое выступление». Следовательно, она предприняла ежедневные физические упражнения и упражнения для вокала, которые начинались каждое утро – час растяжки сменялся другим часом работы над дыханием и голосом. Затем шел час медитации, сопровождающийся потоками вдыхания и выдыхания, и полоскание горла. День приносил больше вокальных упражнений и гамм. «Я привыкла смеяться над тем, что все рок-звезды занимаются йогой, или Элвис каратэ перед выходом на сцену, но тебе необходимо это», - говорила она *i-D*. «Я определенно похожу больше на хиппи, чем старше я становлюсь. Я больше концентрируюсь на самой себе. Это очень мне помогает, это приносит конкретно целый ряд дел, вот почему я принимаю себя».

Медитация была временем, во время которого Полли искала спокойствие от стресса, на который она жаловалась. «Проявляется в различных ситуациях – все, что угодно от невозможности заснуть до странной боли в челюсти, которая у меня была в прошлом и иногда в настоящее время. У меня часто бывает чувство тревоги и сердцебиение, затем становится хуже, когда я не работаю. Вот почему мне нужен распорядок дня. Я привыкла к полной суете, но теперь я очень собрана».

По окончании тура с Live, Харви вновь вернулась на дорогу в ноябре, следом за октябрьским релизом 'Send His Love To Me', - последний сингл с *To Bring You My Love*, который сопровождался на обратной стороне аут-тэйком 'Harder', радио версией 'Long Time Coming' и несколькими концертными треками с Glastonbury. Она отыграла цепочку концертов, возглавив Европейские выступления, а также способствовала живой записи '50 Ft Queenie' с Glastonbury, пожертвовав ее мини-альбому *HELP*. Несмотря на ее торжественное заявление о единстве души, уровень стресса Харви снова достиг точки кипения. Более того она стала на вид болезненно тощей, но наиболее утомляла видом зрителей. Некоторые говорили, что у нее неправильный рацион питания, что Харви официально отклонила с очевидной искренностью, когда говорила *Spin* тем годом позже. «Все, что я могу действительно сказать – 'нет, я не больна' и 'да, я всегда была миниатюрной по телосложению'. У меня нет проблем с трапезой, я не анорексичка, и для людей, которые так думают, что я могла быть при этом делать работу, которую я проделываю, это сумасшествие. У меня только что закончился тур предельно тяжелой работы, и если бы я была больна, я бы свалилась четыре месяца назад. Я очень здоровый человек, я совершаю много упражнений и чувствую себя крайне хорошо. Сказала она неистово с кружкой Эдвила возле нее. Я абсолютно в превосходном состоянии! Вы должны верить мне!»

Однако ходили упорные слухи о болезни и другие предположения, что Харви шизофреничка, и другое обвинение она нашла в свой адрес, когда разговаривала с *Q*. «Предполагают, что я склонна к шизофрении, но я думаю, что каждый склонен. На все мои позитивные, мягкие стороны, есть своя темная и негативная сторона. Я склонна к тяге к темным сторонам жизни и хочу понять их и исследовать, не смотря на то, что я вероятно счастливее, чем когда-либо, будучи на этом этапе своей жизни».

«Я была сильно поглощена исследованием темных сторон вещей – элементы, которые пугают или ужасают, я находила очень будоражащими, и я хочу быть взволнованной музыкой. Песни, забавные и беспечные, не шевелят моё нутро». Она также нашла некую составляющую сексуального наслаждения в музыке, заявив, что «музыка для меня очень сексуальная вещь, даже

физически. Она действует на все твоё тело, не только на уши и голову, она действует на твои внутренности, ноги, на всё. И это другая составляющая волнения, которая нужна мне в музыке... одна из наиболее сексуальных групп, я думаю, это Morphine, потому что там слайд басс-гитара, низкий баритон саксофон и ударные. Они очень сексуальны, особенно, когда сидишь на колонках, что я делала на недавнем фестивале. Это было чудесно».

Однако она позже допустила в D&C, что сценический путь, который она использовала в том году, вызвал ряд проблем, которые были усугублены истощением от тура и обильной рекламой. «Это вид маски», - считала она. «Наиболее скрывающая маска, которую я носила. Я была потеряна как личность. Но у меня нет чувства потери себя полностью». Это продолжалось до последних дней ее тура, не более того. Конечно, это новое визуальное представление было верным средством выражения ее работы. «На меня набросилась паника за три недели до моего последнего шоу в Нью-Йорке», - рассказывала она *Rolling Stone*. «Я волновалась так сильно, что стала настолько требовательной к шоу: насчет света, нарядов, что я совсем забыла о музыке. Я действительно хотела всё это снять и вернуться снова к музыке. Я осознанно пыталась сделать это на шоу, и я действительно не знаю, было ли это передано. Этот тур был таким долгим, я прошла через разные сцены, желая попробовать разные вещи, желая экспериментировать со светом, дизайном сцены и разными песнями, что я чувствую, мы теперь готовы вернуться к тому, с чего начинали – простоты и минимализма».

И так, это было тем, что она делала – сценическая Полли Джин Харви отправилась в ссылку столь же быстро, как и появилась, без шансов на возвращение.

Потерявшись в моменте вши (Lost At Louse Point)

«Начиная с 1996, 1997, кончая четырьмя месяцами назад, у меня было невероятно низкое состояние - долгий промежуток времени. Когда мне нравится это, я делаю целый ряд странных вещей. Я уединяюсь наедине с собой, или наоборот – выхожу в свет всё время, много выпиваю. Иду к тому, что теряю саму себя целенаправленно. В такие периоды я не смотрю во что это всё выльется в конечном счете».

PJ Harvey, D&C, Август 1998

Похвалы критиков сыпались на *To Bring You My Love* постоянно после выхода альбома. И к концу года Харви была номинирована на награду Mercury Music Prize, для которой она сделала живое выступление 'The Dancer' в сентябре, и на две Грэмми, получив при этом премию "Артиста Года" от Rolling Stone и Spin. А также собрала ряд наград "Альбома Года" – признание от *USA Today*, *New York Times* и *People*, располагаясь на вершине *LA Times* по голосам критиков, что было названо самой крупной блестящей победой за 15 лет. Но истощенная Харви сдулась в финальные дни выступлений и вернулась для отдыха в Англию, и тогда получила звонок от Ника Кейва. Харви считала его своим другом уже некоторое время, повстречавшись с ним через коллег - Мика Харви и Флуда. Она восхищалась им вот уже несколько лет, и казалось, незамедлительно уловила сходство с ним, что было дополнено публичным осознанием обоих героев как готических личностей. Она рассказывала *Observer Life*, что «Ник Кейв часто говорит, что люди характеризуют его как темного меланхоличного человека. Но он один из самых забавных, счастливейших людей, которых я знаю», - та самая ситуация, в которой по ее ощущениям, находилась и она сама.

Кейв усердно брыкался против обвинений в тотальной меланхоличности, работая над альбомом весело названным «Баллады про убийство» - сборник традиционных и новых песен, в центре которых стоит убийство, как и говорится в названии. Полли была естественным выбором для такой работы с Кейвом над проектом, благодаря частным беспокоящим темам ее собственных свежих работ, хотя австралийский певец также сделал удивительный выбор партнерши в лице Кайли Миноуг, которая спела дуэтом на главном сингле 'Where The Wild Roses Grow', и сопровождала бэк-вокал для 'Death Is Not The End' бок о бок с Харви и с другими приглашенными участниками альбома, включая беззубого фронтмена группы Pogues Шэйна МакГована и Аниту Лэйн. Однако, несмотря на то, что Кайли играла жертву на этом сотрудничестве, Харви выбрала роль убийцу, нежели роль жертвы в 'Henry Lee', традиционной балладе, рассказывающей про отвергнутую любовницу, которая решила отомстить своему блуждающему кавалеру, вонзив в него перочинный ножик прежде, чем отвергнуть его. То, что много людей испытало желание сделать за эти годы - заключил автор.

Игнорируя освещенный веками афоризм - никогда не смешивать работу с удовольствием, Кейв и Харви скоро обнаружили, что их рабочие отношения переросли в роман до такой степени, что общеизвестно уединенная Харви даже переехала в дом в Челси к Кейву во время ее пребывания в Британии. Это вынудило ее столкнуться с двумя проблемами - и с Лондоном и с личным пространством. Маловероятно, что их общие интересы не перетекли бы в роман. По мнению Харви, Ник был заинтересован в углубление в схожие области, которые она исследовала: явление,

в которое не всматривались критики за последние пять лет сравнений этих двух артистов. «Я думаю, что мы оба заинтересованы в исследовании схожих вещей», - говорила она в 1998Ю - «те же проблемы, радости, что-то другое, и я имею в виду, это также отражается на наших личностях. Мы очень схожи, и он теперь один из моих самых близких друзей, тот, кто понимает меня, сдается мне. И надеюсь, что я, то же самое для него. Поэтому работа вместе естественная вещь для нас». Она нашла его «невероятно интеллигентным, восхитительным, чудесным человеком», позже описывая свои отношения как обучение и роман одновременно и утверждая, что он открыл ее глаза на «эмоциональную часть себя, которую я раньше не знала».

‘Henry Lee’ стал следующим синглом с *Murder Ballads* и был выпущен в феврале 1996. Следовательно, парочка провела первые два месяца года, рекламируя песню, записывая видео и приняв выступление на коротком музыкальном шоу в Британии *The White Room* и в более удивительном выступлении на *Top Of The Pops*. Они, казалось, получали удовольствие из-за тайной оболочки своего сотрудничества, обернув сингл в обложку, на которой были изображены любовники – целующиеся и нежно держащие друг друга за щеки. Поразительное изображение, которое было использовано для национального постера, что покрыл Британию в месяц выпуска релиза. Однако, впрочем, на тот момент они отрицали все отношение за исключением музыкального восхищения, разделяя схожее чувство насчет частной сферы, и разделяя личную и публичную жизнь. Пока они были вместе, Кейв дал Харви истинную биографию, написанную о нем - то, что она нашла «забавным» и «удивительно видеть, как кто-то еще развивается». Но, не смотря на ее благодарность насчет совместной работы, это подвигло ее на переоценку мнения, базирующуюся на приватности и святине личной жизни. «Я никогда так сама с собой не поступала», - говорила она Нилу Штрауссу в январском номере *Rolling Stone*. «Я знаю, Ник и другие парни в его группе довольно долго, и еще я читала о вещах, которые они никогда не сказали бы мне лично. Я думала: ‘я никогда не хотела бы, чтобы кто-то прочитал о вещах, которые я не сказала бы им в лицо’. Таким образом, мне не нравится это, я не хотела бы, чтобы так происходило».

Перерыв после турне дал Полли время поразмыслить над постановкой ее карьеры. Она была скорее готова отойти от простого рок-н-ролла, как она чувствовала из-за нехватки времени для работы над другими проектами. Проектами, которые не истощали бы ее энергию также как и кропотливое времяпровождение рок-звезды. Теперь она исследовала новые горизонты и осознанно решила, что визуальная часть ее последнего тура была абсолютна «не тем, чем я хочу заниматься». И так, она искала вдохновения из своих собственных идолов, сделав огромный намёк нового направления во время разговора с *Rolling Stone* о своих музыкальных влияниях и ссылаясь на Тома Уэйтса, как на особого героя благодаря многообразию его творчества. «Он не заботится, и не заинтересован в работе ради денег», - говорила она, - «Он исследует всевозможные различные улицы: пишет музыку для фильма, делает музыку для театра. Вот, что мне интересно - проводить как можно больше времени на планете Земля, видя, как много путей для тебя открыты, в которых ты можешь себя попробовать. А такая группа как Oasis не может дать мне это. Они заиклены на одном уровне, который по-своему хорош, когда вы нуждаетесь только в таком виде музыки. Но это не долгосрочно для меня».

В то время, как Уэйтс не заботился о штамповании денег, индустрия звукозаписи, конечно же, наоборот, и в февральском номере *USA Today* пробежала заметка, в которой отмечалась коммерческая стезя Харви в США, и то что, несмотря на бурные аплодисменты критиков и тысячи одобрительных отзывов, *To Bring You My Love* распродался лишь 225 000 копиями в штатах после

выпуска альбома в прошлом году. Скотт Бэйкер из *Option* защищал Харви, комментируя, что «Критики не смотрят на коммерческую сторону, они хвалят артиста и его работу. Работа критиков заключается в том, чтобы двигать вкусы публики. Clash были одобрены критиками еще до того, как выпустили хит. Можно сказать это же о музыке Alanis Morissette, но ПЖ никоим образом не приукрашивают. Свежий – правильное слово для этого. Критики принимать музыку по своим собственным критериям, не важно – Beefheart это или джаз, которые не так хорошо продаются. Что продается, то броско и сладко».

Другой критик, Роберт Кристго, лирично отзывался о Харви, описывая ее как «рок-артист в поп-времена, по-старому мастерски сформированный гений». Он заключил, однако, что основная публика была почему-то отвергнута ее искренностью. «Не думаю, что она сексуально притягательна. Это отличает ее от Кортни Лав и Аланис, обе из которых необычайно сексуальны, но, все же, находятся в пределах тех параметров, с которыми Харви не имеет ничего общего». Однако сказали много всего, но ничего конкретного, а альбом уже зафиксировал цифру мировых продаж свыше миллиона – более чем уважаемая картина для разностороннего альбома независимого артиста. Но это было всем тем, что Харви нашла бессмысленным, по поводу этой индустрии и одержимостью деньгами вместо искусства.

Дуэт с Кейвом стал далеко не первым ее сотрудничеством, но определенно обозначенный как новая фаза исследований для Полли, которая продолжилась музыкальной авантюрой с многолетним товарищем по музыке и другом Джоном Пэришем. В конце 1995, она говорила Q, что «Я хочу попробовать себя в совершенно разных начинаниях вновь – может быть что-то распутить или упростить, может быть, детально обдумывать и создавать вещи более сложными. Я думаю, что продолжу идти вдоль тропы, пытаюсь создать атмосферу и эмоциональный заряд музыки, все еще стараясь совместить эти вещи с упорным написанием песен, хотя, может быть, и использовать странный сет инструментальных композиций. Мне нравится удаляться от клише стандартной рок-группы». Рассматриваемый проект скорее заложил критерий разных начал, несмотря на то, что в то время ее главным центром могло бы стать написание песен и пение, нежели композиция музыки.

За кулисами тура *To Bring You My Love*, Харви работала над лирикой к нескольким инструментальным вещам Джона Пэриша. Возникновение этого проекта покоится в 1994, когда Джон читал лекцию в Йеовиле и создал несколько оригинальных композиций к танцевальной постановке. Полли посмотрела шоу и была приведена в восторг музыкой Джона, что мгновенно породило возможность совместной работы, где он писал бы музыку, а она всю лирику и вокал. Хотя идея была взаимно одобрена, она приостановилась на время, пока Харви вела другие проекты, и, в конечном счете, возобновилась, когда Полли примкнула к Джону для четырехдорожечной записи. Затем он провел около шести недель, тщательно работая над композициями и редактируя пленку, которую он показал ей в начале тура 1995го.

«Люди говорят, что это тяжелый труд писать песни в турне», – рассказывал Пэриш *Allstar* в сентябрьском издании, – «но на самом деле это настолько очевидный способ творить. У меня были плёнки сырых идей, которые я дал Полли, а она установила маленькую звуковую аппаратуру в комнатах отелей, тем самым проиграв плёнки фоном, и выплеснув идеи в другой записи. Затем мы встречались где-нибудь в фойе или баре, чтобы обсудить немного то, что мы сделали». Совместный процесс не был столь же сложным, как можно себе представить из-за известных тенденций Харви – любителя командовать в студии, ситуация, которая облегчилась благодаря ее продолжительным дружеским отношениям с Джоном. «В самом начале карьеры она делала

вклад в мои работы и играла на моих песнях», - говорил Пэриш, - «помогала мне доводить их вместе. Затем, позже, она отделилась от меня, и лишь потом я отчасти возвратился благосклонно на *To Bring You My Love*. Но как бы мы не работали совместно над вещами друг друга, это было так – «Это твоя песня, я помогаю тебе добиться того, чего ты хочешь». Но с этим проектом мы всё время работали демократично, без застоев и натянутых отношений, вот так. Было очевидно, что мы были самоуверенны насчет каждой стадии процесса, от написания до аранжировки». Харви также нашла новые силы в союзе, рассказывая *Rolling Stone*, что «Я одиночка. Вероятно, я была в прошлом такая, и только сейчас я нашла некие силы, которые исходят из работы с другим человеком, и вникать в то, что товарищи говорят».

Так как это произошло, весь процесс совместного творчества с Пэришем шел замечательно и к концу турне они осознали, что у них есть альбом с ценным материалом, который пора бы выплеснуть в массы. И так, они отправились в студию Small World в Йеовиле 12 февраля, проведя лучшую часть последующих четырех недель, записывая свои композиции. Пэриш возглавил все инструменты, а Полли принялась за вокал. Дуэт вышел в свет 10 марта, работа завершилась. Во время студийной работы они воспользовались удобным случаем, чтобы сделать рекламные снимки на кожаной софе в пультавой. Харви получила звонок от юного хореографа по имени Марк Брюс, с которым у нее уже был разговор двумя годами ранее. Двадцати восьми летний танцор тренировался в престижном заведении Ballet Rambert School и работал без контракта в Европе до того как присоединился к знаменитой бельгийской компании Rosas, где он оставался до 1994го. Впервые он услышал музыку Харви в 1992, и она стала для него, по его собственным заявлениям, что-то типа катарсиса. «Я незамедлительно отреагировал на это и постепенно начал задумываться над работой с этим», - говорил он. «Люди думали, что идея немного претенциозна, и я знал, что это нелегко. Но спустя несколько лет, это стало моей мечтой – создать движение, которое бы устояло от напора ее музыки».

Он преследовал свою мечту и написал Харви летом 1994го, спрашивая разрешения использовать ее музыку на сцене, и был немного напуган, когда несколькими неделями спустя ему позвонила Полли, которая желала одобрить проект персонально. «Она отнеслась так понимающе и с энтузиазмом к тому, что я делаю», – позже заявлял он. «Я очень много работаю вдали ото всех, и когда кто-то, кого ты сильно уважаешь, понимает и симпатизирует тебе, это создает великолепный стимул и делает работу целесообразной. Я был очарован».

Телефонный звонок Харви был катарсисом для Брюса, утвердив его решение оставить свое надежное место у Roses и перебраться в Лондон, где он снова начал все заново, образовав компанию Mark Bruce Dance Company. Восемью месяцами позже, в мае 1995, он поставил на сцене *Lovesick*, видеозапись, которая, в конечном счете, нашла пристанище в руках Харви. Она была впечатлена результатом, как и South Bank в Лондоне, который также получил пленку с шоу. Они немедленно назначили Брюса на должность инициатора идеи тура с соглашением, что любая сопровождающая музыка шоу должна быть живой. То самое место, где согласно его надеждам, должна была подключиться Полли Харви.

Харви была рада слышать это от Марка и сделала необычный шаг, пригласив его в студию Small World послушать работу в процессе - редкую привилегию. На той стадии они решили насчет пяти песен, и Харви чувствовала, что план Марка мог бы стать идеальным средством выражения спокойного тура альбома, который она уже решила, не станет сольным релизом PJ Harvey. Неудивительно, Брюс был восхищен и приглашением и материалом, который он услышал, и трио

объединили планы на сцене – «экспериментальный музыкальный танцевальный проект» - в самом начале грядущего года.

Имея на руках законченный альбом с Пэришем – выпуск которого был приостановлен, чтобы наводнить магазины ближе к танцевальному проекту следующего года – Харви вышла из студии и продолжила работу над своими 4 трековыми демо для следующего альбома. Но личные проблемы могут, а зачастую так и бывает, ударить по творческому ключу. И мир Харви радикально раскачался к концу ее любовного романа с Ником Кейвом. Выдав горячую страсть их совместной работы, а так же их артистический подход, едва ли удивительно, что их отношения исчерпали себя. Харви позже утверждала, что никогда не чувствовала себя такой влюбленной, в то время как Кейв, убитый горем из-за ситуации, заперся на июнь и июль в известной студии Abbey Road с Полом Коркетом, монтируя песни, которые вошли в его альбом 1997 *The Boatman's Call*. Это было что-то вроде экзорцизма, и он позже согласился в венгерском журнале, что в его глазах отношения закончились «в горьком русле» Полли. «Всё было прекрасно», - говорил он, - «а потом всё кончилось. В определенном смысле *The Boatman's Call* это мучительный альбом. Некоторые песни могут обжигать тех, кто обжег меня». Чрезвычайно печальные треки говорят и о Харви – ‘West Country Girl’ наиболее очевидная из них. Кейв поёт нежно о ней: «Вдовы пик, ее губы я целовал / Ее перчатки костей на запястьях» и наиболее восстанавливающий в памяти смерть их цветущего романа – «ее нерожденный ребенок плачет «Мамочка» среди обломков ее тела». ‘Far From Me’ рассказана Кейвом самим об их чистых отношениях. И одна из самых мрачных изложений любви, которые можно только представить. «Нечему учиться от пустого голоса, что идёт под парусами через горизонт», - напевает вполголоса он, оплакивая, - «Ты была моей храброй возлюбленной. Первый вкус проблем вернулся назад к матери». Другие песни с альбома, выдающие чувства потери наглядно – ‘Green Eyes’, ‘Black Hair’, ‘Brompton Oratory’ и ‘Where Do We Go Now But Nowhere?’ - всё пропитано присутствием Харви. Или более корректно говоря - ее отсутствием. Это всё, несомненно, относится к ней. То, что могло быть вдохновлено ею, подобным монументальным публичным изложением потери.

Харви вернулась в Дорсет и уединилась со своей семьей, и подобная готическая страсть взяла в плен уже горящие представления фанатов и подобных ищеек, но все же оба художника открыто заявили о расколе, сказав только, что они остаются все еще хорошими друзьями. Харви была особенно благодарна их артистическому союзу, рассказывая *The Times* в 1999, что «Было чудесно иметь рядом того, кто понимает процесс написания песен и того, кто с тобой на одном уровне. Это великолепно иметь возможность выплёскивать идеи и учиться друг у друга. Мне действительно нравится то время, что я провела с Ником». В другом источнике она подтверждала это: «он научил меня многому по поводу написания песен». Говоря о Полли несколькими годами позже, Кейв заявил *Q*, что: «Думаю, ее лучшее качество - она знает, чего хочет и называет вещи своими именами».

Парочка остается и по сей день близкими друзьями, так или иначе умея справляться с очевидно трудным периодом своего разрыва, хотя Харви продолжила выражать нехватку понимания от обильного напора СМИ насчет их скоротечных, но бурных отношений, рассказывая австралийскому журналу *Blaze* в 2003, что всё это было «немного сюрреалистичным. Я никогда толком ничего не говорила многим журналистам насчет Ника. Не думаю, что им нужно знать каждую подробность о нашем разрыве. Люди хотят знать как можно больше - это брешь, которую я никогда не смогу забаррикадировать, и люди чувствуют, что они могут воспользоваться этой возможностью, чтобы узнать про твою личную жизнь, ведь знают, что ты артист. Это то, что я никогда не пойму, и единственный путь, который я могу избрать – это опустить занавес и сказать:

‘я не буду говорить об этом’ ... я держу разумную дистанцию от всего этого». Но всё высказанное в *The Boatman’s Call*, отбрасывает необходимость в дальнейших комментариях.

Зализывая свои раны в Дорсете, Харви зарыла себя в работе, используя благоприятную возможность для расширения артистических горизонтов, и заключив мир с прошлым, создав новый альянс и реконструировав мост, который она спалила тремя годами ранее с ударником Робом Эллисом. Теперь, работая над своим проектом *Spleen*, Эллис был более чем счастлив, принять сотрудничество от Полли над двумя проектами для их дебютного диска – *Soundtrack To Spleen*, песни, которые закрепили их возобновление отношений. Номера – готический карневалеск* переработанного ‘Man-Size’ Би-сайда ‘Daddy’ и новая, даже беспокоящая композиция, под названием ‘Rest Sextet’ - сообщали о вокальных театральных начинаниях Полли, которые незамедлительно стали сравниваться с Куртом Вэйлом и Лотте Лени и были бы едва уместными в заполненном дымом Берлинском кабаре тридцатых годов. Харви также создала планы - взять одну из трех главных ролей в театральном представлении о скоплении людей, укрывшихся в пещере на ночь, но по неизвестным причинам проект бесшумно сошел на «нет».

Харви, однако, всё еще намеревалась расширить свои музыкальные эксперименты, исследуя театральную и музыку к кино, и ее старый болонский приятель Эндрю Диксон познакомил ее со своим другом Ником Бикэтом, организовав встречу, т.к. он знал, что Бикэт работал над саундтреком и был заинтересован в Харви как певице. Эти двое немедленно склеились, и ее первым вкладом в работу с Бикэтом стало ведение вокала на ‘Who Will Love Me Now?’, песне, которая сочинена Бикэтом для конечных титров фильма Филипа Райдли «Темный полдень». Станный фильм, в котором Брэндан Фрэйзер играл роль религиозного фанатика, любившего обмотаться колючей проволокой, который развивал одержимость местной девушкой с репутацией ведьмы. Песня предоставила Харви удобный случай поэкспериментировать со своим вокалом, донося лирику неземным способом, почти хорально, и Бикэт остался настолько доволен результатом, что попросил Харви посотрудничать с ним в следующем проекте, записывая саундтрек к фильму Коки Гидройка о проститутке-тинейджере «Стелла и ее клиенты». Харви внесла даже больше в этот проект, «создав шум», а также написав слова для песни к фильму. Еще раз ее основным моментом было закрывающая песня, запоминающаяся и все еще невыпущенная баллада под названием ‘This is mine’. Фильм при участии звезд Келли Макдональда и Джеймса Болэма был предварительно просмотрен для критической заметки на Robert Redford’s Sundance Film Festival в том году. Независимо от этого, Харви также присоединилась к саундтреку фильма «Ворон 2 – Город Ангелов», с новой студийной версией излюбленной по живым выступлениям ‘Naked Cousin’ 1993, записанной с Джоном Пэришем, а также написав слова к заглавной песне, использованной в BBC TV программе *Holding On*.

Этот перерыв и намеренное участие в проектах обернулись вознаграждающее для Харви, и были как раз тем, что ей требовалось после всех несчастий предыдущего года, но она оставалась все еще неуверенной со своим будущим музыкальным началом. После освобождения от своих дел, она ушла с головой в собственную живопись и скульптуру вновь, используя свои связи с миром кино, чтобы показать свои работы на выставке *FreezeFrame*, которая открылась в мае в престижной галерее London Lamont Gallery, затем перебазировавшейся на Roman Road в Ист-Энде. Выставка объединяла работы художников, использовавшихся в фильме, и были вдохновлены совсем недавно прошедшей похожей выставкой в Hayward Gallery, которую возглавил – теперь возглавляют ICA – предложивший идею Эндрю Лэмонт, куратор Lamont Gallery. Работа Харви была выставлена бок о бок с холстами от режиссеров Питера Гринуэя, Ник Рога и ее близкого друга Филипа Райдли, а также с инсталляциями Брайана Ино и Super 8 «набросками» любезно

предоставленные Дерекотом Джарманом. Ее собственная работа содержала три безымянные части, собранные вручную из досок и камня, ни одна из которых не была для продажи.

Как Полли вспоминает это: «Я ничего никогда не делала специально для этого, просто использовала вещи, которые я уже когда-то смастерила из всякой всячины с берега. Я могу вспомнить – это была русалка, сделанная из обломков корабля и груза, который я нашла, другими работами являлись камни, которые я только разукрасила. Нарисовала рыб на камне. Просто веселые вещи. Ничего особенного. Вот, что я внесла в работу, сдается мне, потому что с моей музыкой, я могу тянуться к ценному и серьезному. Я серьезный писатель. Но с изобразительным искусством, я делаю это лишь для собственной релаксации, поэтому это весело, раскованно». Она предстала более загадочной в каталоге выставки, который прокомментировал ее работы как «созданные в ответ на ее опыт вытаскивания искусства из моря», и включавший ее сжатые объяснения о работах. «Я никогда не выставяла прежде свои работы», - писала она, - «потому что они являются просто другой формой выражения себя вне музыки. Радость создания как причина, стоящая за этим, и единственная важная вещь. Работа означает всё и ничего». Выставка стартовала 26 мая и получила лестные обзоры, хотя работы Харви не были выделены.

Совместная работа с Джоном Пэришем в конце концов вышла в 23 сентября 1996, сведенная Хэдом и названная *Dance Hall At Louse Point*. Название как дань уважения *Rosy-Fingered Dawn At Louse Point* Уильяма де Кунинга. «Мне нравится эта картина», - говорил Пэриш *Allstar*. «Название *Louse Point* звучит очень печально, противно, немного беспокоящее место». Подобное место соответствует чувствам альбома, который переполнен наиболее электрическими и экспериментальными работами Харви на сегодняшний день. Кроме Пэриша и Харви, альбом содержит кавер на стандарт Peggy Lee 'Is That All There Is?', более позднее добавление, для которого парочка обратилась к Мику Харви. Трек был написан для фильма «Баския», но как объясняет Пэриш – «Как только мы записали его, он ощущался как часть той пластинки».

Печально выброшенный из финального релиза трек под названием 'Why D'Ya Go To Cleveland', простая блюз-роковая песня и ответ на R.E.M. 'Don't Go Back To Rockville', которая открывается строкой: «Мой печальный роман повернулся ко мне алкоголем, довел меня до Big Nowhere, вывел из города». Она продолжила оплакивать предательство возлюбленного и свои юные годы, но с отменным издевательским чувством юмора, которое достигает своего кульминационного момента в пронзительном визге, «в один день он сказал, я стал бы чем-то». Трек имел вкус сессий *Louse Point*, но возможно, не встал бы удачно как закрывашка – поскольку всё еще не дошло до права всеобщего достояния бутлеггеров, возможно, пройдет какое-то время прежде, чем большинство фэнов подадут сами на себя в суд.

Релиз перекликался со своими туровыми оригиналами в виде соотнесения каждого трека с географическим местоположением, каждый из которых отображает свое физическое местоположение, в то время как песня заключается в вопросе. Движение альбома происходило, как и географически, так и эмоционально, стартовав в Бристолье с тоскливой 'Girl', затем переместилось в Дорсет с религиозной 'Rope Bridge Crossing'. В Токио, песня 'City Of No Sun', принеся шизофреническое беспокойство предела любви и эмоций, а затем Модена смягчила атмосферу с мягкими жалобными песнями 'That Was My Veil' и 'Urn With Dead Flowers In A Drained Pool'. Затем Стокгольм со слайдовой 'Civil War Correspondent' сопровождавшаяся безумным налётом в вдохновенную Вашингтоном библейскую исповедь 'Taut', свистя и бормоча с пугающей интенсивностью, и разбрасывая просьбами «Иисус сохрани». Созерцание зова после бури прошло в Стокгольме с блаженно спокойной 'Un Cercle Autour Du Soleil', а затем назад в

Дорсет с хэви-рок вибрацией 'Heela'. 'Is That All There Is?' обеспечивает ошеломляющее просвещение, а затем беззаботное любезное разрешение бристольской 'Dance Hall At Louse Point' - которая на самом деле цитирует музыкальный паттерн из невыпущенного альбома Automatic Dlamini Here Catch, *Shouted His Father*, и токийской 'Lost Fun Zone'.

Это мучительное путешествие во многих аспектах, и эмоционально вызывает, кажется, целый спектр ощущений - надежды, любви, разлуки, самоанализа, прозрения, печали и беспечности. На слух это уникально и считается многими лучшей работой Харви на сегодняшний день, свободной от коммерческого принуждения, что позволяет ей свободно сфокусироваться полностью на своей лирике и вокале. Студия Island, однако, была менее чем довольна альбомом и выручкой. Фолк на лейбле - верный коммерческий суицид. Конечно, факт, что релиз вышел как John Parish and PJ Harvey, означал, что множество фанатов, которые стремятся купить сольный альбом ПЖ Харви, пропустят этот релиз, и в дополнение тот факт, что многие магазины изначально прогорят - а некоторые все еще прогорают, от продажи альбома вместе с бэк-каталогом Полли. Пэриш оправдал это, сказав, что альбом «казался не таким как все для нас, в течение его создания. С самого начала до завершения, что почти никогда не случалось с нами. Все подумали бы, что это то же самое, что и альбом PJ Harvey». В другом источнике он заявлял, что «Очевидно это не альбом ПЖ Харви, поэтому в великой карьере ПЖ Харви - если есть один такой, или скорее как может представиться индустрии один такой - то люди могут воспринимать это как сайд-проект. Но для нас обоих, мы оба хотели создать запись, которая, по нашим ощущениям, была бы на шаг вдали от того, что мы делали ранее. И мы надеемся, что мы это сделали».

Выручка, однако, казалось, обеспечивала отличное оправдание для Харви, чтобы скрыться от обычных рекламных обязанностей, созвонившись с Пэришем для проведения совместных интервью сопутствующих альбому и туру. «Она так счастлива, что кто-то еще работает с прессой в этот раз», - сказал Пэриш, - «потому что на других записях она была одна. И она действительно намучалась в предыдущие годы». Однако даже если Island оставались недовольны ситуацией, то дуэт преподнес альбом за два дня до официального релиза на Peel session, для которой они сыграли впечатляющее сырое исполнение 'Losing Ground', 'Snake', 'Taut' и 'That Was My Veil', снабжая некоторыми необходимыми вставками, которыми Island, вероятно, остались очень и очень довольны. Тем временем, на заднем плане Island HQ, другая нежелательная битва интересов произошла, когда руководство решило, что хотят выпустить 'Is That All There Is?' как сингл. Несмотря на факт, что уже было снято видео для этого номера, и песня получила обильную раскрутку на MTV в Штатах, Харви решительно отказалась, выбрав вместо нее 'That Was My Veil', напомним тем самым битву EMI с Кейт Буш в 1977 за выбор главного сингла с альбома *The Kick Inside*. Ля Буш хотела 'Wuthering Heights', EMI - 'James And The Gold Gun'. Но несмотря на то, что выбор Кейт привёл к международной позиции «номер один», EP *That Was My Veil* тяжело чувствовал себя в чартах, взяв планку лишь под номером 75. Даже не спасло явно мрачное видео, которое было постоянно оккупировано нефотогеничным выражением лица Пэриша, к ужасу невинных зрителей. Причудливо, Island поддержали альбом с релизом 'Heela' - как рекламный CD трек для радио, хотя трек не получил обильной раскрутки, в конце концов.

Основная пресса, которая делала обзор на релиз, не исправила ситуацию, особенно в Штатах, где *Spin* посчитал эту смену взглядов «не похожей на коронный номер». Хотя рецензент не мог выправить ситуацию обзором, но впечатлился песней 'Urn With Dead Flowers In A Drained Pool', где он чувствовал ее «голос карабкается по лестнице в небо, достигая цели в припеве, который поражает как слепящий свет». *LA Times*, тем временем, оказались более несдержанными, открывая свой обзор констатацией: «Это чистая ПЖ Харви. Вместо того, чтобы выявлять

нераскрытые стороны ее макияжа в этом проекте вместе с ее согруппниками и со-продюсером, Полли Джин Харви развивает свои привычные темы – одержимость, обман, страх и эмоциональный предел – даже намного острее, чем она делала это под своим собственным именем». Проницательный рецензент особенно наслаждался кавером на Пегги Ли, которой он вынес приговор – «захват окончательной эмоциональной скованности, ситуация, в которой Смерть просто последнее упоминание в струнах разочарования». Interview чувствовал, что альбом был «откровением», подталкивая читателей «послушать ее тление на 'Rope Bridge Crossing', от которого бегут мурашки по спине».

Харви и Пэриш появились в октябре, чтобы преподнести релиз с секретным разогревом, выступая в винном баре Бридпота Cavity. Шоу, которое предшествовало четырем сдержанным концертам в бристольском Fleece & Firkin. По слухам, это были единственные живые выступления в том году. Харви собрала новую группу из пяти музыкантов, включая саму себя и Пэриша вместе со старыми товарищами по Automatic Dlamini - Джереми Хоггом, Эриком Фелдманом и Робом Эллисом. Первые два шоу шли при поддержке бельгийских dEUS, два последних - Эллиота Грина и Терри Эдвардса и The Scaregoats. Главному действию прямого прогона альбома предшествовал с неторопливым бренчанием Брайан Иновский 'Here Come The Warm Jets'. Студия Island так отчаянно стремились предать альбом гласности, что лично перевозили журналистов по Лондону на специально оборудованном экипаже, подготавливая аккредитации и завтраки помимо этого. Такой подход мог принести свои плоды, так как те журналисты, что согласились, казалось, имели кучу времени.

9го октября, который также стал для Полли 27 днем рождения, к ней присоединился на сцене в конце шоу Мик Харви, которого она рассматривала как «дальнего родственника», для одного единственного выступления двух классических вещей Сержа Гинзбурга – 'Bonnie & Clyde' и 'Harley Davidson' - и Хойта Экстона 'Double Dare'. Хотя это последний раздел был непредвиденным благодаря по всей видимости распаду на М4 – шоу получило хороший отзыв от NME, которые указывали, что «Преисподняя кажется на редкость прекрасным местом для жизни». Spin были несдержанны, написав: «скелетообразная, но жизнерадостная Харви покорила сцену кружевным саваном и в туфлях на высоких каблуках», а затем искусно разбив вдребезги представление о том, что этот альбом являлся «некоторым собственным снисхождением в сайд-проект». 14 октября группа выступала на Радио 1 для еще одной Peel session, в этот раз, представляя сжатые версии 'City Of No Sun', 'un Cercle Autour Du Soleil', 'Civil War' и 'Urn With Dead Flowers In A Drained pool'. Двумя неделями позже группа приняла участие на голландском радио для записи сета в студии Amstel, для которой они репетировали десять песен сопровождающихся интервью с Джоном. EP *That Was My Veil* окончательно выстрелил в магазинах 11 ноября, дополнившись неожиданным Global Communications Mix 'Civil War Correspondent', 'Who Will Love Me Now?' из фильма «Темный полдень» и беззаботным толкованием 'Losing Ground', записанной Полли и Джоном тем годом для включения на трибют альбоме Rainer Ptacek *Inner Flame*. В тот же день группа приняла участие в Лондонской Astoria LA2 - выступление, которое транслировалось на BBC Radio 1, чтобы познакомить с альбомом слушателей. Транслируя целый альбом и добавив к нему 'Losing Ground' для полного масштаба.

Следующие несколько месяцев группа провела в истощающих репетициях для четвертой совместной работы с Mark Bruce Dance Company. Затея, которая дебютировала в шикарном окружении лондонского зала Queen Elizabeth Hall 6 февраля как часть Spring Loaded Festival. А затем стартовал тур в остальные части Соединенного Королевства для 12 выступлений – Манчестер, Лондон, Шеффилд, Ньюкасл и Оксфорд. Выступая, в основном, в предельно

маленьких помещениях, интимная обстановка шоу создавала почти невыносимо напряженную атмосферу и запечатлела некоторые из наиболее поразительных живых вокальных выступлений Полли на сегодняшний день. Все в аудитории ожидали увидеть типичное шоу ПЖ Харви, которое определенно собиралось стать скрипучей смесью авангардистской музыки и, несмотря на то, что Харви включила в выступление также 'Hardly Wait' или 'Losing Ground' на протяжении тура. Танцоры заняли передний план сцены, в то время как Харви и группа находились на самом заднем плане, освещаясь резким верхним светом прожекторов, которые озаряли детали и передавали даже больше дикой экспрессии ее постоянного ледяного выражения лица. В то время как Харви визжала, вопила и зачаровывала, танцоры перемещались по сцене, изгибаясь все более изощренно, или всего лишь стояли, трясая своими пальцами под музыку. Сама Полли порой решалась отходить от своего места, быстро шагая среди участников и взаимодействуя с их выступлением, странно выделяясь со своим микрофоном, словно она таким способом управляла целым спектаклем. Некоторые люди никогда не ожидали увидеть такое представление. Обозреватель из *Sheffield Electronic Press* сильно удивился одной молодой леди выходящей наружу из *Crusible Theatre* после двух актов, громко выражая недовольство насчет восхищенной аудитории. По ее словам она «никогда не видела подобной кучи дерьма в своей жизни». Честно говоря, некоторые фанаты уже износили свои нервы той ночью из-за двух часовой задержки, вызванной отстройкой. Саундчек группы был слышен аудитории в прилегающем театре, спокойно смакующей классический концерт.

В течение турне, несмотря на ее тогдашнее хрупкое состояние духа, Харви все еще была слишком щедрой к тем немногим поклонникам, которые остались довольны шоу, возможно потому, что аудитория была совершенно разноплановой, нежели обычно. Постеры и программа рекламировали тур только маленькими буквами Полли Жин Харви, уделив больше внимания громадным «Mark Bruce Dance Company», вдобавок многие фанаты даже не знали, что она выпустила новый альбом. Таким образом, немного преданных отставших, которые собрались за кулисами в местах встречи, оказались вознаграждены краткой беседой и автографом от их героини, которая даже разрешила поцеловать себя одному из ряда вон выходящему наглому фанату в *Sheffield Crucible*, к очевидному ужасу ее вездесущему менеджеру тура. И так, тур подтвердил успех во многих вещах, доказывая Харви, что она успешно могла использовать свои артистические способности более чем в одном виде сразу для того, чтобы создать спектакль, который стал на самом деле оригинальным. Все, кто следил за ее карьерой, не были слишком удивлены этим. Хотя то, куда это могло бы завести ее - совсем другой вопрос.

Это желание? (Is This Desire?)

«Временами я желаю, чтобы я не относилась ко всему вокруг до глубины души. Временами кажется, что нет предела чувствам, неважно любовь ли это или чайный пакетик»

ПЖ Харви, D&C, 1998

Гастроли тура *Dance Hall At Louse Point* закончились, и Полли погрузилась в запись пятого сольного альбома, *Is This Desire?* Она отправилась в студию Small World в Йовиле в апреле, записывая некоторые песни, которые она сочинила в прошлые годы, достигнув камня преткновения в течение трех месяцев сессии во время прослушивания трека, который беспокоил ее. Этим треком был 'My Beautiful Leah', песня базировалась на простом треке, записанном на синтезаторе Cassio, охватывая наиболее неотразимую беспокоящую лирику, которая когда-либо присутствовала на любом альбоме любого жанра. «У нее одни лишь кошмары», - стонала Харви, - «и ее печаль никогда не проходила. И постепенно, через годы, ее милое лицо исказилось». Этот куплет был далек от самой Полли и, сказать, что у нее была автоматическая реакция на беспокоящий темный отпечаток ее собственного материала, было бы преуменьшением. «Я прослушала ту песню и подумала 'О нет! Хватит! Ничего более такого. Я не хочу быть такой'. Потому что все окрашено только черно-белым цветом, а жизнь не такая. Я знала, что мне нужна помощь. Я хотела помощи».

Устав видеть всё в черном цвете, отражающим ее искусство, Харви немедленно позвонила продюсеру Флуду и сказала ему, что собирается оставить музыку и стать медсестрой. В Африке. Внезапное решение на самом деле, но как она объясняла Q в 2001 - «Это было тем, что я чувствовала в то время. Я была так подавлена, что не хотела иметь дел больше ни с чем. Я хотела все бросить». Конечно, ситуация встревожила людей на лейбле звукозаписи и менеджмент, т.к. она была очень искренней, но воздействие разрыва с Кейвом было совмещено с другим рабочим стрессом, что в итоге создало ситуацию, в которой Полли чувствовала единственный выход – кардинально все изменить. «Я думаю, большинство людей прошли через сложный этап их жизни. Для меня этот период выпал на конец моих двадцатых годов. Время, когда задумываешься над всем, время острых сложных взаимоотношений, которые ломаются. И это ведет к постоянным вопросам насчет цели моей жизни, и мое поведение относительно других людей. А также мое отношение к самой себе. Я не беспокоилась о себе там, где следовало бы. Я не нравилась сама себе. Я даже не могла сказать, что нравлюсь, уже не говоря о том, что я не любила себя».

К счастью для записывающей компании и менеджмента, Харви исчерпала свои драматические планы с Джоном Пэришем и Марией Мокнакс, которые признавали, что Полли на самом деле нуждается в подобном перерыве, которого у нее не было долгое время, совмещая его с давней и проверенной временем хорошей дружботерапией. «Они по существу спасли меня», - говорила она позже. «Я нуждалась в спасении, и я была спасена». Первым шагом, впрочем, для Харви стал отпуск, поэтому после исполненных обязательств передачи *Dance Hall At Louse Point* шоу Зальцбургскому фестивалю на два выступления в июне, она отправилась с друзьями в Штаты. «Мы решили поколесить по стране, начав с Сан-Франциско и отправившись на север прямо по побережью», - вспоминала она позже, - «а затем пересекли страну на средний запад и вернулись обратно вниз. Мы путешествовали около трех месяцев летом,... у меня было нечто подобное

раньше, в Beyond и Nowheresville. Я помню то место, где мы остановились на неделю в Юте под названием Монро – это было просто фантастически». По ее возвращению, восстановив силы за счет отпуска, она переехала на квартиру к Джону и Марии в Бристоль, где провела дни, перерабатывая материал, который недавно отбросила и сыграла его для Джона и Марии. «Я попросила их сказать мне, какая хуже. Затем я снова спустилась и поработала над той, которая им понравилась».

Работая над миниатюрными клавишами в том, что она описала как «очень задумчивый путь», Полли находилась в компании рыжего кота весь тот период. Кот показывался часто в саду, прокладывая свой путь от подлеска, а затем садился рядом с ней и смотрел своими большими глубокими, как море, зелеными глазами за ее работой. Одним утром она проснулась, обнаружив своего кошачьего друга пробравшегося во вход и тихо шагающего размашистым шагом по ее квартире. Она назвала его Сад и взяла его с собой, когда уехала. «Я думаю, что кошки посылаются тебе, когда ты в них нуждаешься», - позже она рассказывала *Sunday Observe*. «Они всегда, кажется, являются». Роман стал тем, что по утверждению явилось для Харви в то время, когда она познакомилась с помощью общих друзей с местным ДиДжеем под прозвищем Бен Ти (Ben T), который играл в местных пабах. И кого нахваливала она, позже воспевая в интервью британскому некоммерческому журналу *The Big Issue* – «как *Bunty*, но написанный бродягами» как бы Паулина в «Лиге Джентельменов» позже описала это. Он, несомненно, проводил время, погружая ее в электронную музыку и техно музыку, то, что она находила раньше неприятным и скучным, несмотря на особое восхищение артистами типа Tricky и Portishead. Это оказалось откровением и влиянием, которое круто повлияло на финальную запись ее следующего студийного альбома.

Сентябрь, как нельзя лучше, представил долгожданный релиз вклада Полли на трибьют альбоме *September Songs* Кирту Вайлю, версия 'Ballad Of The Soldier's Wife', которую она записала еще в далеком 1994. Тем временем, она пополнила свой психический заряд, работая над другими проектами, включая сотрудничество с Эриком Дрю Фельдманом над кавером классического номера 'Zaz Turned Blue' Мела Торма для американской пластинки *Lounge-A-Palooza* – легкий альбом каверов. Ее новые музыкальные интересы были изменены сэмплами 'Glory Box' группы Portishead и 'Wandering Star' использованных в странной комбинации, что соответствовало ее новым музыкальным интересам. Она также приняла участие в короткометражном проекте британского андеграундного режиссера Сары Миллер, известной по своим причудливым короткометражкам, которые содержали западные съемки в Девоне с 16ти летними девочками, в сопровождении саундтрека, включающего современных артистов от Нирваны до ПЖ Харви. Названный «Amaeru Fallout 1972», десятиминутный фильм был описан как «сказочное повествование о быстротечности и разлуке, ода тоске по дому через места и время» на Фестивале программы время. С эпизодической ролью ПЖ Харви, а также специально сочиненной и все еще невыпущенной версией от Three Degrees 'When Will I See You Again?', записанной вместе с Джоном Пэришем. Ее единственная публичная вылазка той зимой произошла на церемонию Q Music Awards, где она отказалась от рок-н-ролл конференции из-за своей появившейся матери, которая была, по общему мнению, «удивительно расслабленной». На вопросы журналистов по поводу нового материала, она отвечала необычайно открыто, описав его как «просто депрессивная, режущая ваши запястья музыка, ну, как и обычно». Ее черный юмор.

Благодаря растущему театральному увлечению Харви, стало очевидным, что у нее сильное чувство драмы, поэтому это не стало большим сюрпризом, когда она взяла на себя роль Марии Магдалины в сюрреалистическом и необычном фильме Хэла Хартли «Книга Жизни» 1998го. Харви работала по заказу французской компании Latte, которая попросила 10 режиссеров сделать

одночасовой фильм каждый, используя тематику Миллениума как часть празднования прихода 21го века. Харви уже была знакома с Хартли, когда он просил разрешение использовать ее песню 'Water' в своем фильме 1995 года «Любители», обмениваясь письмами и, в конечном счете, став друзьями, встречаясь каждый раз, когда она посещала Нью-Йорк. Сначала ее ввел в курс дела Джон Пэриш, а позже она заявляла, что «Когда я впервые увидела работы Хэла, я была абсолютно ошеломлена увиденным. Будто в фильме было то, что я всегда пыталась поймать в музыке – что, я думаю, каждый пытается поймать – совершенно хрупкое и забавное качество для жизни: печаль, радость и все прерывисто в то же время, но действительно прекрасно». Как она вспоминала это: «Я всегда пыталась шутить с ним, 'У тебя есть роль для меня? Маленькая роль в твоём фильме, Хэл?' И в один день он мне ее дал. Он позвонил и сказал – И так, у меня есть для тебя роль. И тогда меня полностью парализовало на несколько месяцев, и он послал мне сценарий к его новому фильму «Книга жизни».

Фильм рассказывает историю о Христе, которого играет Мартин Доновон, возвращающегося на Землю в Новый год 1999го, в компании Марии Магдалины – Харви – в образе девушки крали-аудиторши-секретарши. Носа с собой Книгу Жизни, размещенную в ноутбуке вместе с оцифрованными смертными грехами, Иисус заключает сделку с Дьяволом на душу молодой девушки в обмен на Книгу Жизни и силу Апокалипсиса. Сюрреалистическая история в фолк традиции, Дьявол одурачен и ошеломлен, т.к. он не может открыть компьютер после того, как он окончательно завладел им. Христос, тем временем, изменил своему пророчеству покончить с человечеством через Апокалипсис, и заканчивается фильм вечеринкой в комнате отеля с главными героями фильма, от которых исходит настоящий шарм. Хотя роль Харви фактически мизерная, она удивительно отзывчиво подошла к такому дебюту.

Имея некоторую степень доверия из-за своего резюме: участие в *Amaeru Fallout 1972*, а также и опыт выступления на собственных видео, Полли взяла задание и рванула в Нью-Йорк в начале 98го, где она провела две недели на съемках. Фильм в итоге вышел в Европе на Эдинбургском Фестивале тем августом и заработал в основном хорошие отзывы, хотя один или два критика описали ее актерское мастерство как «бревно». Однако Харви наслаждалась этим опытом больше, чем она ожидала и казалась готовой развивать свои новые драматические способности. «Это был абсолютно потрясающий процесс - двигаться, пытаться играть», - говорила она, - «и я всегда удивлялась, каким вознаграждающим я находила это, и удовлетворяющим. Я всегда думала, что музыка единственный источник, где я могу удовлетворить ту часть себя, которая действительно желает достичь чего-то – не знаю чего - но я нашла, что игра также заряжает меня в какой-то степени». Хотя она боялась того, что будет пойманной как поп-звезда, которая решила стать актером. Она признавалась, что «Есть несколько музыкантов, которые построили такой мост, и которыми я восхищаюсь - Кортни Лав одна из них. Я думаю, что она потрясающая актриса, особенно в фильме «Баския».

Харви также предполагала, что ей повезло, что она работала с Хартли в первой своей роли, описывая его как «режиссер, который знает точно, что он хочет, вплоть до 'ты делаешь два шага сюда, ты смотришь с 90 градусного угла, говоришь свою реплику и затем смотришь сюда. Считаешь до двух, затем ты смотришь туда и делаешь три шага вперед'. Поэтому это походило больше на разучивание шагов в танце, что не очень у меня выходит». Харви продолжила свои исследования в области кино тем годом, приняв участие в другом фильме Сары Миллер, *A Bunnygirl's Tale*. В нём она участвовала в странной одежде как баннигёрл с обольстительными накладными ногтями, а потом, спев песню под названием 'Nina In Ecstasy 2', которая включала часть 'Chirpy Chirpy Cheer Cheer', ставшую в итоге Би-сайдом месяцем позже».

В марте 1998го Харви отправилась в студию вновь, чтобы продолжить работу над следующим альбомом, на этот раз в Townhouse Three Studios в Лондоне, где она работала над *To Bring You My Love*, и «полностью переписав многие песни, заменила вокал на других, переменяла всё и в целом создала все сначала». Еще раз, процесс начался с преобразования собственных демо-треков Полли в многодорожечную запись, которая была затем использована, чтобы наложить слои на эту основу. «Некоторые песни были перепеты», - позже объясняла она, - «опять-таки, я сейчас в положении, где как я знаю, преуспели Флуд и Хэд, поэтому я могу записать вокал с ними в комнате, и это на самом деле мне нисколько не мешает. И это так необычно. Я имею в виду, на последнем альбоме *To Bring You My Love*, я должна была послать Флуда из комнаты – ‘Иди прочь, я запишу вокал!’»

Она также нашла время, чтобы продолжить сотрудничество с другими артистами, в конечном итоге спев дуэтом с Tricky на долгожданном треке под названием ‘Broken Homes’, который также присутствует на его альбоме *Angels With Dirty Faces* и вышел как сингл в мае. Tricky уже прокомментировал в январе 1997, что у них намечались планы поработать вместе, говоря: «Мне просто нравится то, что она делает – я большой, большой, большой фанат. Я люблю тот факт, что она не идет на компромиссы, в конце концов, я думаю, что она Чудо-женщина, по правде». Она отплатила комплиментом в ответ, позже, заявив, что «Я думаю, что у него есть то, что восхищает меня в других артистах. Он не боится пробовать всё, что желает попробовать, не важно, как отталкивающе это будет звучать, каким некоммерческим будет звучание. Он следует своей дорогой, и для меня, как артиста, это наиболее важная вещь. И единственная вещь, которая удерживает вас на земле – сохранять свою цель. И он искренен, он не беспокоится о том, что подумают другие люди, он просто экспериментирует с тем, что он считает необходимым». Их техника записи, однако, разная. «Было странно, на протяжении записи всей песни», - вспоминала она, - «потому что он записывал свою часть в Нью-Йорке, я записывала свою в Бристоле. А видео было отснято в Нью-Йорке, а также в Лондоне, за Асторией с крысами, мусором и всем остальным. И когда мы собрались на репетицию для ТВ шоу, я явилась, а Трики – нет. Классический стиль Трики – он проспал. Но я была удивлена, когда он все же прибыл, было вполне приятно работать так, как всё вышло». Так приятно, кстати, что дуэт наметил планы поработать вместе в будущем, возможно даже над совместным альбомом. И хотя планы до сих пор еще не осуществились, оба из них сказали, что собираются писать материал для проекта в начале лета. Харви присоединилась к рекламной компании покорно, выступив с Трики на шоу *Later With Jools Holland* в Британии, а затем, отправившись в Нью-Йорк для участия в шоу *The Late Show With David Letterman*, для которого они присоединили к себе целый госпел-хор в типичном элегантном американском стиле.

Затем Полли нашла время, чтобы посотрудничать с французским музыкантом Паскалем Комеладом на нескольких песнях, которые были использованы в итоге для разных проектов. Харви впервые столкнулась с его работами в 1993, когда находилась в турне с Гэллоном Дранком, который по сложению обстоятельств играл его музыку как свое интро. Харви была очарована музыкой, – которую она описала как «очень странную, всегда напоминающую мне о ярмарочной музыке, но действительно очень печальную. Что-то очень западающее в память, очень забавное, очень хрупкое и красивое в то же время» - и она собралась использовать ее как свое интро к туру *To Bring You My Love*. В конце концов, она написала музыканту-отшельнику и встретила с ним на одном из своих парижских шоу. Он своевременно уделил внимание восхищением Полли, и они основали планы для совместного творчества. «Он удивительный персонаж, он не из серой толпы», - позже объясняла Харви. «Я думаю, что это агорофобия или что-то в этом роде. Он не может быть

в помещении с множеством людей, поэтому я встретила с ним в уединенном тихом кофе, и даже там он чувствовал себя некомфортно, потая и ерзая, но он был тем, с кем я знала, что хочу поработать. Он захотел работать со мной, потому что ему очень понравились мои работы. Поэтому он послал мне музыку, на которой я затем спела. Потому что, сдается мне снова, он не тот человек, который может работать в студии с кем-то еще, он чувствует дискомфорт с другими людьми, который меня устраивает». Комелад послал Харви три композиции, для которых она позже написала лирику и записала их в студии Sherbourne с Хэдом. Одна из них – ‘Love Too Soon’ – была использована в «Книге Жизни», а также всплывала на альбоме Комелада – *L’Argot Du Bruit*, выпущенном в 1998 вместе с другим треком – ‘Green Eyes’. А последний трек, ‘Featherhead’, вышел на лимитированном издании *Swing Slang Song EP*, выпущенном тем годом позже.

Другой сайд-проект был замешан с группой Роба Эллиса, Spleen, которые выпускали новый CD, *Little Scratches*, включая одну переработанную новую песню Харви, ‘Joy’, под названием ‘In A Silent Violent Way’, с вокалом и новой лирикой Пинки МакЛуа. Хотя ходили слухи, что на самом деле Пинки МакЛуа и являлась сама Полли, данное предположение рухнуло, когда Пинки приняла участие в концерте Spleen, хотя неистовый шепот на заднем плане трека – «не говори мне ничего» – мог исходить от неуказанной Харви. Харви, казалось, сфокусировалась и нашла силы в совместной работе. То, что она объяснила, говоря: «Я всегда чувствовала, что я училась огромным вещам у других людей. Это крайне расширило мои горизонты, я думаю; наблюдать, как работает другой человек, как работают его мысли. И также, с возрастом, я чувствую более и более открытость к различным путям сотрудничества. Я думаю, когда я была моложе, я была очень ... я думала, что иду по правильному пути – ‘это тот путь, они не знают, о чем говорят’ – но теперь я вижу, что есть много путей, бесчисленное множество, где ты можешь что-то создавать. Не только музыка, все что угодно. Нет правильного или ложного пути, нет ничего невозможного».

Съехавши со своей основной квартиры в Бристоле, Харви нашла себя в новом качестве в рыбацкой деревне Бридпорта Западного Дорсета. Квартира на 4ом этаже викторианской постройки, которую она описала как «похожую на гроб». У нее был вид на море, и Харви нашла маленький городок подходящим местом для ее жизненного стиля, довольствуясь тихой, но активной социальной жизнью, которую она описала в августовском *D&C* со своей точки зрения. «Это маленькое местечко, но каждые выходные тут танцы. Мой вечер начинается с хорошего ужина где-нибудь, с бокала отличного вина. А потом действительно хороший фильм. Я могу пойти и посмотреть хороший концерт, затем игру ДиДжея. Много танцев. Затем ванна, хорошая книга. Затем я отправляюсь в постель и сплю часами и часами». Конечно, в миллионах миль от той ПЖ Харви, которая оставалась дома и не могла спать более трех часов, перемена жизненного стиля и приоритетов, очевидно, пошли ей на пользу. Она также делала дневную прогулку по пляжу в поисках материалов, которыми она могла декорировать свою квартиру и пробуждать артистическое вдохновение. «Это зависит от приливов и отливов, и притока реки в море», – говорила она *Sunday Observer*. «В некоторые дни могут быть косяки бесцветных маленьких крабов или морские водоросли или веревки. В другие дни – галька, определенного веса, или крохотные фиолетовые двухстворчатые ракушки, размером с твой ноготок ... ты кладешь все на каминную доску и ставишь на полку важную гальку, пока они не прогнутся. Но затем, ты понимаешь, почему собираешь их. Ты понимаешь, что они значат для тебя, и тебе они не нужны больше. Просто не требуются больше».

В начале того лета, Харви также согласилась пожертвовать скульптуру для местной выставки, проходившей в центре Bridport Art Centre. Но нежели, чем придерживаться скульптуры, она применила разный подход, объясняя позже: «Я подумала, ‘хорошо, я могу внезапно стать

художником вновь, неожиданно', потому что я не закончила никакую из работ, начиная с начала года, ничего не сделала. Я подумала, 'так, вместо этого, я буду иллюстрировать песни', потому что я пишу уже долгое время. И так я действительно поженила картинки на песнях, и я также была вдохновлена иллюстрациями Марией Мокнакс для нового альбома. В том плане, как она соединяет картинки с песнями, и я знаю, что многие иллюстрации для моего нового альбома получились, потому что я дала Марии целую стопку картинок, которые шли к песням, когда я писала их. Потому что так часто получается – может фотография, которая вдохновила меня или Поларойд, который я взяла, просто то, что идет с песней как некий кусочек памяти, захваченный момент. И смотря на то, как она поженила картинки и мой текст, это вдохновило меня на выставку. Поэтому я взяла на заметку все ее идеи и объявила их моими собственными!»

Хотя ее работы были не для продажи, она чувствовала, что существовала веская причина пожертвовать их выставке, которая проходила вне понятий гласности. Конечно, выставка не поддавалась огласке фанатам или прессе, поэтому комментарии, которые она сделала о важности работ с выставки для нее, в прессе звучали правдоподобно. Она оказалась запечатлена в каталоге выставки со своим старым другом Сидом, и была процитирована – «Я потеряла его на некоторое время, не так ли?»

«Проходит много выставок, и я получаю вдохновение от многих из них», - объясняла она. «Я занималась скульптурой в колледже, но сейчас совсем редко. Сейчас я на стадии рисования в больших объемах. Я всегда собираю что-то с пляжа, нахожу предметы, делаю что-то из них, играю с ними. Но ничего действительно конкретного. Но множество песен идут от образов, или фотографий, которые я сделала. Я до сих пор много фотографирую. Это очень важно для меня, визуальная культура. Я восхищаюсь силой визуального образа. Я люблю моду, конечно. Она выделяет сильные образы. Я наслаждаюсь ношением одежды и играю с этим. Опять же, это еще один аспект искусства, ты можешь быть ходячим кусочком Искусства».

Другой певец, ставший художником, - кумир Полли Капитан Бычье сердце, известный под именем Дон Ван Вилт, теперь живущий тихой жизнью в пустыне Мохаве. И наверное, неудивительно, что в гуще ее застенчивости, она завязала телефонную дружбу с ним после того как узнала, что он являлся фанатом ее живописи. «Он стал хорошим другом», - говорила она *The Times* в том году, выдавая те чувства, которые испытывает каждый фанат, которому удалось завязать дружбу со своим кумиром. «Это странно, потому что он всегда был неприкосновенный для меня, что-то вроде бога. Я училась многому у него. Он все еще очень полон энергии и у него отличное чувство юмора». Он оказался полезен, когда Харви испытывала чувство упадка и неуверенность в собственных артистических достоинствах, терпеливо выслушивая ее заявления, что ее музыка хлам и опровергая эти заявления. «И я верю ему», - говорила она *Q*, - «даже, если я не верю самой себе». Она сказала *Time Out*, что «Он очень отчужденный, поэтому мы говорим по телефону. Мы говорим часами... для него, чтобы быть тем, кто приехал ко мне, было просто ... вау. Это просто так укрепляюще. Это значит все для меня, иметь одобрение от того, кого я считаю таким недостижимым. Словно ты внезапно нашел кого-то, кто говорит на твоём языке, кому не надо объяснять вещи. Когда бы я ни говорила с Доном, я просто чувствую растущее вдохновение и подъем. Он просто источник, который хочет дарить. Он посылает мне поэзию и музыку, или говорит мне о книгах, которые я должна прочесть».

3го августа Полли появилась после долгого молчания, показав свой новый материал на закрытом шоу, прошедшем в Bridport Arts Centre при поддержке White Hotel. *Western Gazette* написала, что она играла аудитории «которая содержала ребенка с заложенными ушами». Шоу кажется

«создано для друзей. Удобный случай для объединения с ее мирком, устраивая и налаживая личную жизнь с человеком, который разглядывает товары на рынке Бридпорт и ходит на йогу». Шоу также подавалось как разогрев для European Festival Tour, который стартовал 7го дня в Испании на Benicassim Festival, затем переместившись в Стокгольмский Water Festival, Немецкий Bizarre Festival, Бельгийский Pukkelpop Festival и Британский V98 – где она играла в погодных условиях, которые оставляли желать лучшего. Харви вышла на сцену, в то время как фанаты стали толпиться в мешках для мусора, пытаясь уклониться от траншейной стопы и переохлаждения, распевая песни такие как 'Taut', пока птицы кидались туда и обратно в сумасшедших небесах. Вскоре собравшаяся толпа забыла план местности – это была, как ни крути, совершенная погода для аккомпанемента эмоционального турбулентного материала Харви. Другое запоминающееся выступление прошло в Эдинбургском Jaffa Cake как часть Flux Festival, где ее бывший возлюбленный Ник Кейв издевался и буянил на сцене несколькими днями ранее. К счастью, Харви встретили с достойным почтением, слушая восторженные отзывы от главных листовок этого предприятия.

Фестиваль был событием, которым Харви даже наслаждалась, как она чувствовала, толпа подогрела ее до некоторой степени. «Играя свое шоу, где большое напряжение, это очевидно. Те люди просто пришли увидеть меня, даже если на фестиваль они бы не пришли, чтобы смотреть другую группу. Давление действительно снижается, затем ты просто делаешь свое дело и десяти людям это по вкусу, десяти тысячи может это понравиться, ты не знаешь, и это не играет значения. И это прекрасное чувство. Но твое собственное шоу, ты ведь знаешь, что множество людей слушали твои прошлые работы и ты знаешь, как оправдать их надежды. Это большое давление, но мне нравится такой вызов». Она также оценила товарищей по фестивалю, сказав одному журналисту, что «Такое очаровательное всеобщее чувство в этот день. Я всегда находила – и до сих пор нахожу некоторые – я всегда нахожу, что группы поддерживают друг друга. Словно все собираются вместе, чтобы создать атмосферу дня, ночи, настолько, насколько возможно. И никакой конкуренции на самом деле. Словно все тут, чтобы провести хорошо время, и мы пытаемся сделать так. И это самое лучшее на фестивале – к тому же это возможность увидеть множество своих любимых групп!»

Первая реальная публичная порция нового альбома сопровождалась главным синглом – 'A Perfect Day Elise', выпущенного 14 сентября в аккомпанементе странного видео, отснятого в тусклом отеле на пляжной линии. Песня кажется о курортном романе, заканчивающемся убийством и видео действительно темное, со странным набором сюрреалистических героев и блеклых красок. Музыка также удивительна - странный замес электроники и тревоги, которая незамедлительно приковывает внимание. Сингл поддерживался мрачным довеском, включая 'The Bay', который показывал возвращение умершего любовника для расправы со своей невестой, 'The Northwood', о разочарованной возлюбленной, исчезнувшей в лесу, и 'Sweeter Than Anything' вместе с акустическим инструментом. Сигналы говорили о том, что альбом будет типично удивительным, и даже мрачным, хотя обзоры были менее благоприятные. *Select* начинал свою статью с - «Это возвращение после трехлетнего перерыва должно было стать более вдохновляющим, чем то, что мы слышали. С постиндустриальными семплами, созданными Флудом и припевом близким к портиксэдовскому 'Roads', трек 'A Perfect Day Elise' подошел бы скорее к неопределенной альтернативной радио программе, но ПЖ привыкла к тому, чтобы не идти по легкой тропе. Би-сайды беспокоили южными смертельными медленными разборками, поэтому очевидно, что они не канут в лету».

Реклама релиз прошла с привычной очередной Peel сессией в лондонской студии Maida Vale 28го сентября, выступая с новым синглом 'Catherine', 'My Beautiful Leah' и 'Electric Light'. Фанаты, которые могли выразить недовольство из-за несколько внезапного изменения в саунде, должно быть были удивлены узнать, что это был результат роковой пытки микрофона от Харви.

Is This Desire? – так назван окончательно альбом, который вышел 28 сентября 1998. Записывался в Лондоне и Дорсете Харви, Флудом и Хэдом, и музыкантами давними компаньонами - Ерик Дрю Фельдман, Джон Пэриш, Джо Гор и Мик Харви из The Bad Seeds, а также возвратившийся стойкий Роб Эллис. Производство было возложено на Харви, Флуда и Хэда, как подмечает Полли: «Они помогали мне делать его на протяжении всего процесса. Я бы не создала его без них, поэтому это скорее тройная коллективная работа, думаю я. Мы были одним целым на всем протяжении, с самого начала до самого конца. Другие люди приходили и уходили, музыканты приходили в студии и потом уходили, а мы были тройной опорой на протяжении всего промежутка».

Альбом показал Полли в новых музыкальных начинаниях, исследуя электрический и жесткий индустриальный саунд, вместо типичного акустического. Дорога к завершению не была такой легкой, и преподносила разнообразные капризы. В результате получился самый странный и темный альбом на сегодняшний день, который она объявила предельно искренним документом, касаясь того состояния, в котором она пребывала, когда сочиняла песни. Лирика изменилась, также. И содержала изобилие повествований от третьего лица, все из которых казались, так или иначе, продолжением личности Харви: 'Joy' выражала «жизнь не замужней, в 30 лет, она никогда не танцевала степ», в то время как Кэтрин в 'The Wind' мечтала о высшем свете и «пытке на колесе». 'Angelene', тем временем, казалась почти ответом на кейвовскую 'West Country Girl' со своими словами «Розовый – мой цвет, и белый, милые губки и зеленые мои глаза».

Наиболее беспокоящими стали песни типа 'Electric Light' - о некой персоне, которая чувствовала себя красивой под вольфрамовой лампой, но испытывала небезопасность от падающего света, кажущегося хищником в некотором роде – и 'No Girl So Sweet': «Пришла девочка с печальными глазами и спросила его много раз, Была ли я нерешительной, была ли я ребенком? Можем ли мы жить здесь и начать все сначала?» Песня 'The River' возможно пережиток того времени, когда Харви играла у реки будучи ребенком, ставшая местом, где боль может быть смыта. А 'The Garden' - неземное место, где мужской герой – возможно кот Харви – мечтает о крыльях и находит мужскую компанию для поцелуев, а после восхода солнца и он остается один вновь. Главный трек 'Is This Desire?' заканчивает альбом с неясной тревожащей атмосферой в жажде чего-то большего. Конечно, песни соответствуют теме желания - физически, эмоционально и духовно, как говорится в заголовке.

Одна из тех песен, 'The Wind' - которая причудливо использовала сэмплы из саундтрека Джерри Голдмита фильма «Планета Обезьян», а также из постановки Мадонны с Мариусом ДеВрайсом – видимо была вдохновлена визитом в церковь St Catherine на вершине холма в Абботсбёри, Западный Дорсет, в течение которого Полли, по-видимому, не могла противиться удобному случаю протестировать знаменитую акустику пением. Часовня, расположенная между Бридпортом и Вэймауфом, предположительно была построена на одном из тех романских мест языческого вероисповедания, переделанного в церковь по приказу Святого Августина. И его покровительство, несомненно, вызывало связь с богослужением, особенно, если учесть вариант написания Катерины, который содержал такие варианты: Хаекатерина, Екатерина и Хекатерина – близкое к Хекэйт, Олимпийской греко-римской Богине Колдовства, чье богослужение, скорее всего, развернулось на этой основе. Легенда о Святой Катерине, однако, гласит, что она

приходилась дочерью аристократическим язычникам из Александрии в 4 веке от Рождества Христова. После принятия христианства от сподвижников, ей снился сон о том, что она была невестой Христа и проснулась с кольцом на своем пальце. Возражая против гонений христиан – или против жертвоприношений язычников богам по одной из версий – она перевела философов на свою сторону, посланных к ней Императором Максиминусом, одним из последних языческих императоров, чтобы указать на ошибки ее пути. Затем он послал Центуриона, который также принял христианство, а затем предложил ей брак, от которого она отказалась. В конце концов, она оказалась приговоренной к смерти через колесование – дав свое имя фейерверку – но колесо, сломалось, чудным образом, ловко убив кучу язычников на процессе. Но все же затем ее голова была отрублена, но из отрубленной конечности струилось молоко вместо крови. И после всего этого ее унесли ангелы прямо на небеса и в Монастырь Святой Катерины на Горе Синай – место беседы Моисея с Неопалимой Купиной – куда ее тело, предположительно вернулось в 800 году, и теперь предположительно покоится в мраморной могиле на главном престоле.

По иронии, должно быть еще раз это христианское придание – ловкий пересказ языческой истории, которая содержит явно языческий символ – колесо. А среди чудес Катерины, к слову, способность посылать женщинам мужей. Капелла на холме, вследствие этого, предоставляет молитву с подобной целью, которую Харви тонко обратила в песню, вместо того, чтобы просить мужа у одинокой Катерины. «Мужа, Святая Катерина», – начинается молитва, – «Красивого, Святая Катерина, Богатого, Святая Катерина, милого, Святая Катерина, и поскорей, Святая Катерина». Французское святилище Святой в Нормандии предоставляет молитву с последними двумя строками, которые гласят: «О, ты, наша мать, пошли нам мужа». И еще одна другая Катерина превратилась на альбоме в ‘Catherine’, притягательный перкуссионный трек, в котором опьяненный возлюбленный оплакивает свою тягу к вышеупомянутой Катерине ДеБарра, трек, который звучит больше как заклинание, нежели песня.

Другие литературные вдохновения для альбома – «A Good Man Is Hard To Find» Flannery O’Connor и «9 Рассказов» Джерома Дэвида Сэлинджера согласно Харви, хотя на вопрос об этом, она развенчала мнение о том, что повествование нуждается в большей универсальности её материала. «Это не подсчитать», – говорила она *The Times* в 1999. «Должно быть, в первом куплете мне нужно было то, что рифмуется с ‘дрим’, поэтому появилась ‘Анджелин’. Это наиболее подходящее для меня слово. Мне сложно сидеть и анализировать песню. Просто так вышло и всё».

Американские обзоры альбома были в основном положительными, *Rolling Stone* писал, что «Менее чувственная самоуверенная певица не имела бы успеха с такой мелодрамой. Но харизма Харви все еще дает о себе знать, она приняла позу бродячей кошки на протяжении всех 12ти темных бриллиантов». *Entertainment Weekly* схоже относился к альбому: «Харви – романтический нигилист, но она также прекрасный формалист, и это возможно ее наиболее музыкально отважное и в полной мере осознанное достижение. Колдуя сухо постиндустриальными звуковыми ландшафтами, которые звучат как общество рабочих, трудящихся в аду, ее голос плывет через все, подобно беспокойной соблазнительнице. Страсть бурлит с гипнотической мощью». Обзор *Spine*, который остался разочарованным *To Bring You My Love*, посчитал, что «*Is This Desire?* – отсутствие формы; скорее это плотность, уверенное высказывание, отстаивание нового звучания, бесстрашно современного в подаче смысла и твердым тоном в стиле готической Бронте (Бронте, Шарлотта). Это вполне просто – одна дюжина освежающего брифинга, свободного от бессмыслицы композиций, почти без исключения, двусмысленные сладострастные оды, жаждущие чувствовать во время прогулки по скалистым сельским улицам и протянутым через туман безымянных рощам

страны, по старому городу, заколдованному шабашем ведьм, призрачными красивыми женщинами с достойными именами муз – Элис, Джой и Катрин».

Английская пресса была более сдержанна, Guardian едко заметил, что «Ломоть этого альбома до умопомрачения затруднительный, как и вышеизложенный шепот, а лирика звучит как записи дневника эстетствующего 17 летнего подростка. Следы бывшего бойфренда Ника Кейва обнаруживается сразу, к тому же влияние на такие песни, как открывающая 'Angelene', которая рассказывает о редкой поэтической проститутке ... Утомляюще, она даже пытается вжиться в роль, напоминая сексуальную икону периода несколько летней давности, когда она носила вечерние платья и бюстгалтеры». Однако они сделали заключение, что поллины «много хваленые склонности к обнажению каждого эмоционального слоя были смодулированы на этот раз. Навязчивое принудительное окружение предыдущих альбомов, которое заставляет тебя побеспокоиться за ее уравновешенность, заметно снизившуюся в последнее время; на том месте, что-то подобное драгоценному камню и ярко светящемуся».

Это качество могло основываться на настоящих чувствах Харви во время написания альбома, чувствах уязвимости, от которых она, казалось, нашла силы в их выражении. «На альбоме есть песни, которые затрагивают мои нервы намного больше, чем другие песни», - позже признавала она. «Есть те, что очень, очень открыты, очень уязвимы. Но в некоторой степени я также выучила, что есть много отвратительного ограждения, которое идет рука об руку с этим. Будучи более всего уязвимым, ты столь защищен, как если бы ты мог быть в других случаях. Не та наружность, через которую могут прорваться, просто тут, такова я». Песни, в которых она находила больше всего волнения – 'Catherine', 'The Garden' и 'Electric Light', «в основном песни, которые очень, очень просты, ужасно просты, и в них нет ничего кроме моего голоса и моих эмоций».

Харви, казалось, в некоторой степени нашла способ выражения в своей лирике, впервые включив тексты песен в альбом, где они находились в окружении изображений и шрифтов, выставленных в Бридпортовском Art Centre. Говоря о своем прогрессе написания песен в *The Times* 1999, Харви назвала это «исследованием», нежели терапией. «Написание – это очень духовный процесс», - говорила она. «Сейчас я пишу с одним открытым ухом к миру, поэтому другие люди могут присоединяться. Я не хочу только о себе, себе, себе, всё время». Однако, несмотря что в интервью артист заявлял, что чувствует себя намного счастливее, *Is This Desire?* казался болезненно интровертным многим людям и некоторые фанаты чувствовали, что они больше не могли устанавливать связь с сюрреалистичным всё еще эмоционально заряженным миром, который предоставляла Харви. Это было очевидно результатом персональной терапии, через которую она прошла. Как она видела это: «Совершаю множество работы над собой лично, и думаю, что я в том возрасте, когда каждый начинает смотреть на это, начинает смотреть внутрь самого себя немного больше. Знаете, мне 28, совсем скоро 30, и затем начинаешь думать – 'О чем вообще жизнь?' И тогда начинаешь копать. Я сделала много всего дурного и выкопала множество нежелательных вещей, но много и хороших вещей. Я думаю, что все это прошло через мои новые песни». Результат? «Я думаю, в первый раз в моей жизни, я могу сказать, что пела своим собственным голосом, голосом Полли, никакой маски или игры в какую-то роль, это я, и это совершенно отличается от того, что я когда-либо делала».

Но, несмотря на абсолютную мрачность альбома, она отвечала яростно СМИ, описывающих ее как ужасную Цирцею. «Извращенный миф процветает», - говорила она *The Times*. «Люди изображают меня некой черной ведьмой, исчадьем ада, будто я должна быть скрюченной и темной, чтобы делать то, что я создаю. Все это ерунда. Я пытаюсь ужиться с реальной жизнью. Которая не

исходит от наркотиков или колдовства. Ты стоишь на земле — здесь и сейчас. Все другие вещи идут из твоей головы и вдали от правды, но это не тот путь, которым я иду». Она также открыто признавала свое восхищение темной стороной. «Я всегда рассматривала темную сторону души, но в разных аспектах. Мой последний альбом приглашает людей исследовать эту тему со мной вместе, но не злиться. Это все еще темнота, потому что я нахожу это чарующим. Это огромная часть моего характера, которую я не понимаю, поэтому, естественно, я хочу исследовать ее».

Часть этой темноты, казалось, содержала ее романтическую жизнь. Разговаривая с D&C в августе, Харви подтвердила, что «к несчастью, я, кажется, притягиваю людей с большими проблемами. Думаю, это потому что у меня есть своя добрая доля, и когда ты в затруднительном положении, когда что-то случилось, ты привлекаешь людей, у которых такие же проблемы. Ты притягиваешь людей к себе из-за энергии, которую ты выпускаешь наружу. И ты притягиваешь людей, потому что ты видишь часть себя там». Соглашаясь, что немного романа «не помешает», она также сочла, что «творчество и романтика идут рука об руку. Я верю в любовь. Я думаю, если ты познал себя достаточно хорошо, тогда любовь твоя настоящая, неважно для друга они или любимого. Но я думаю, до тех пор, пока ты любишь себя, нет места для любви искренней. У тебя должна быть уверенность, чтобы любить».

Хотя она отрицала какой-либо сильный интерес к колдовству, она согласилась насчет некоторой степени суеверия. «Я считаю сорок, которых вижу», - говорила она. «Я не хожу под лестницей. Я, возможно, не занялась бы черным колдовством, и я боялась бы практиковать Ouija Board». Она также говорила: «множество странных вещей случалось со мной. Странные совпадения, определенно взаимосвязанные. Три или четыре вещи случались на дню, все относились к одному полностью случайному событию». Она также погрузила свои пальцы ног в нетипичные неоднозначные минеральные воды, когда она высказывалась в поддержку охоты на лисиц, ссылаясь на свою собственную деревню и опыт вычищения куриных сараев после набегов лисиц. Этот поступок сподвиг РЕТА (Люди за этичное обращение с животными) занести ее в бойкот-лист, а также устроил яростные дебаты среди фанатов, но на самом деле это не обеспокоило Харви слишком сильно.

Тем не менее, цепочка оваций продолжилась, ведь она получила свою третью номинацию на Grammy и Brit Award, а также став первым артистом, который был трижды номинирован на Mercury Music Prize. В день после выпуска релиза, ПЖ Харви отыграла единственный магазинный концерт в Лондонском «Virgin Megastore». Выступление, которое передавалось на следующий вечер в сокращенной версии по лондонскому независимому радио Xfm. Ждущих журналистов и фотографов вывели из магазина до саундчека. Поступок, на который многие старые скряги жаловались, заявляя, что, «Можно было сидеть на сцене прямо во время саундчека Хендрикса и Дилана». Выступление как всегда прошло в экстазе, и фанаты были взволнованы тем, что их идол подписала сто копий CD буклетов для тех, кто был достаточно проворен. Подписание заранее, возможно, было ловким способом избежать тоски полноценной сессии по раздаче автографов — также как и потенциальная робость встречи с фанатами, но, по всей видимости, она осталась замученной этим сетом, т.к. она сократила шоу на одну песню.

Если кому-то было необходимо доказательство растущей важности и влияния Харви в музыкальной индустрии, то его в достатке обеспечила той осенью Мадонна, когда она уселась с Джонни Воганом для эксклюзивного одночасового интервью на BBC. На вопрос, каких артистов она больше всего уважает, женщина, которая появлялась чаще других в списках влияния иных артистов, заявила, что она любит Бьорк и ПЖ Харви, сказав напоследок: «Я думаю, что у нее

изумительная лирика. Она настоящая мученица, а я тянусь к таким людям». И хотя автор этой книги сомневается, что Мадонна смогла бы пропеть хотя бы половину 'Rid Of Me', факт, что имя Харви слетело с губ одной из самых влиятельных женщин на рок-музыку – это было достаточное доказательство того, что теперь Полли являлась членом королевской семьи. Сама Харви продолжила искать новых артистов, чтобы вдохновиться на собственную работу, ссылаясь на *Joy Division* Уилла Олдхэма как на любимый альбом, а также на последний альбом Sonic Youth.

Европейский тур, при поддержке от Dirty Three продолжался с ноября по декабрь 1998 совместно с Боно и Полом МакГинессом, присутствующих на ее шоу с Howe Gelb от Giant Sand в Олимпии, Дублин 18 декабря. Она впервые встретила Уорена Эллиса из Dirty Three, когда работала с Ником Кейвом в 1995ом, и скоро прониклась любовью к их музыке, поэтому с их безумной игрой они стали естественным выбором для поддержки. Она также стала чувствовать себя более комфортно на сцене, и сочла, что это благодаря осознанию, что она больше не нуждается в Альтер-эго для выступлений, которое она использовала в 1995. «Тремя годами позже я ощущаю себя иначе», - говорила она *Toronto Sun*. «Я Полли Харви – не важно, иду ли я в магазин за покупками или на сцену. Это ново для меня и это пришло ко мне через познание самой себя за последние три года. Теперь я достаточно расслаблена, чтобы быть собой на сцене – никогда раньше, я такой не была». Оглядываясь назад на тур 1995, она сказала – «Я съезжилась от страха и подумала – 'О Боже, как я могла сделать это?' – Но я думаю, это было то, что требовалось на тот момент». Хотя она немного сожалела, как она объясняла D&C: «Иногда я чувствую печаль из-за того времени, которое я провела в несчастье, и не смотрела на причины этого до недавних пор. Вместо этого я хоронила себя. Большая часть моей жизни прошла так».

'The Wind' стал вторым синглом в Британии 11 января 1999, сопровождаясь поразительным скучным видео от Марии Мокнакс, которое показывало Харви, стоящую в Нью-Йорке с развивающимися волосами на ветру. Это стало последним видео Полли, снятым Мокнакс, которая также работала с Робертом Маилзом, Subcircus и M People тем временем. Более интересной была сторона «Б» сингла, долгожданная транслирующаяся 'Nina In Ecstasy 2' из *Bunnygirl's Tale*, наряду с 'Rebecca' и 'The Faster I Breathe The Further I Go' - взятых из саундтрека к «Книге Жизни» – и еще другой инструментальный номер. Большая часть того года была проведена в дороге, хотя Харви, наконец, казалось, научилась наслаждаться суровостью работой на публику. «Этот тур оказался намного более забавный, чем я могла себе даже представить», - рассказывала она *Times*, - «и это потому, что я переполнена счастьем как человек. Я осознаю, я подходила к этому с негативной стороны. А теперь я концентрируюсь на позитиве, и думаю, это в основном потому, что я пересмотрела свои взгляды на всё, не важно, на сцене я или дома». Она также казалась готовой встретиться лицом к лицу с репортерами, хотя она все еще охотно отмечала, что деловая сторона музыки заставляет ее чувствовать себя некомфортно. «Вещи, которые касаются продажи продукции. Такие вещи, как интервью, я нахожу очень тяжелыми, это не то, что происходит естественно. И заканчивая альбом - отбирая видео, утверждая фото, би-сайды. Все материалы. Я нахожу это опустошающим. Я нахожу это пугающим, когда я чувствую отягощающую роль бизнеса в творческих вещах. Я очень беспокоюсь об интервью вновь, я не давала их так долго. Я склонна путаться, когда говорю с кем-то. Я хочу дать интервью, но должна помнить, что необходимо сохранить нетронутым в стороне то, что для меня лично».

1го апреля Полли приняла участие в лондонском крошечном Improv Theatre для специального выступления с Джоном Пэришем, разделяя выступление с Echo & The Bunnymen и выступая перед крошечной аудиторией. Вещание на Radio 1, шоу было приурочено ко дню рождению Джона Пила, и дуэт выдал по этому поводу потрясающее выступление, которое Харви назвала «все

старые фавориты», включая 'Rid Of Me', 'Dry', 'Man-Size', 'Legs' и 'Oh My Lover'. Даже, когда она забыла слова на 'Send His Love To Me', она проявила полное спокойствие, взволновав толпу тем, что собиралось стать одним из ее сильнейших выступлений за все время на том этапе. Достаточно странно, не меньше половины аудитории исчезла к концу сета Харви, хотя, по крайней мере, оставшаяся састь в зале смогла вдоволь насладиться выступлением Echo & Bunnymen.

Нью-Йоркские Истории

«Я люблю Нью-Йорк. Иногда находишь такое место, где чувствуешь себя как дома, где ты чувствуешь действительно себя живой и самой собой. Я люблю Нью-Йорк всем своим сердцем».

ПЖ Харви, Тайм, 2000

Харви переехала в Нью-Йорк летом 1999, сняв апартаменты рядом с Риверсайд Парком на Манхеттонском Вэст-сайте. У нее уже были контакты с Нью-Йорк Сити ранее в 1998, во время съемок «Книги Жизни», где она пропиталась любовью к Штатам, спустя несколько путешествий вместе с Джо Гором в Сан-Франциско. Испытывая нужду в перемене обстановки, чтобы вдохновиться, она переместилась, чувствуя, что она «нуждается в большой встряске и не может получить этого в деревне». Как она сама рассказывала это: «я жила между 116й улицей и Бродвеем, шикарный край северного Гарлема. Мне понадобилось бы около часа, чтобы дойти до центра, но мне это понравилось, потому что находилось рядом с парком Риверсайд, в том месте можно получить для себя достаточно свободного пространства. Если я проходила 10 кварталов на север, я оказывалась в Гарлеме, 10 кварталов южнее – и я посреди дорогуших апартаментов, куда приезжали знаменитости и поп звезды. А я попала в самую точку посередке».

Прямо там она начала работать над следующим альбомом, записывая демо на четырехдорожечный магнитофон, который она получила от Хэла Хартли, а также нашла время, чтобы поглядеть на местную музыкальную сцену, посещая такие концерты, как Тиффани Андерс, сингера-сонграйтера и гитаристки, дочери независимого фильм-мейкера Эллисон Андерс. Как и Харви, Андерс увлеклась рано музыкой, предоставив свой вокал для альбома арт-рок группы Monitor в юном пятилетнем возрасте, а затем позже переместившись на бэк-вокал для выступлений таких групп, как Dinosaur Jr., Mike Watt и Mike Johnson. Андерс выпустила своей мини-альбом, *Running From No Place To Nowhere*, направив его Полли вместе с демо-записью и запросом на продюсирование ее дебютного альбома. И к ее радости, Харви одобрила, согласившись поработать с ней над альбомом в следующем году.

«Я видела несколько раз игру Тиффани в Нью-Йорке, и нашла ее песни и голос такими уникальными, что я согласилась, когда она попросила продюсировать ее альбом», - позже объясняла Полли *Spin*. «Я провела много времени, слушая ее демо, чтобы найти то, что требуется для песен или, что более важно, в чем они не нуждаются. Помогать кому-то другому, принести видение в вещь - очень ценный опыт. Это, возможно, одна из тяжелых работ, которые я делала, потому что я не только выпускала, но играла и микшировала альбом, и у нас вышел трудный бюджет, который мы получили на все недели работы. Но определенно это то, чем я наслаждаюсь и от чего учусь, и чем бы хотела заниматься».

Мать Андерс оказала ответную услугу, предложив Харви роль в одном из своих фильмов, *Things Behind The Sun*, но хотя Харви сильно желала заняться своей актерской карьерой, она отказалась от роли, т.к. это оказалась роль рок-музыканта – роль, которую она, неудивительно, чувствовала не достаточно манящей. Это не единственное предложение, которое она получила, хотя другая альтернатива была еще менее привлекательная. «Я получила еще одно – стареющий рокер-женщина. О Боже! Я старею! Нет, мне этого не надо».

Учитывая неудачные опыты Харви в Лондоне, можно было представить, что Нью-Йорк окажется таким же тревожащим местом для певицы. Поразительно, как она позже делилась с *CMJ New Music Report*, если уж так пошло, она сочла действительность не достаточно острой. «Часть меня сожалеет, что я никогда не испытывала это 10 или 15 лет назад, когда это было намного труднее», - говорила она, - «потому что я чувствую, что здесь все вещи доходят до крайностей. Это не то, с чем действительно хочется иметь дело, лишь вежливо оттолкнуть, поэтому они не проникли в меня. Таким образом, лежащее на поверхности этого слоя было нормальным и чудным, когда таким не являлось на самом деле. И я поняла, что это произошло в Англии – особенно в Лондоне, и это очень печально».

Записывая четырехдорожечные демо для следующего альбома, Полли была удивлена находкой, что ее писательский процесс значительно изменился. «Он стал более специфичен, и я стала заботиться об игре, уделять внимание деталям и окружению». Также это отразилось и в ее поэзии, как она признавалась *NME*. «Я пишу множество ужасных стихотворений, среди этих плохих есть несколько хороших, но это - так вещь, между прозой и стихотворением, и с некоторыми из них я экспериментирую в одном русле или другом. Умные книжки, я читаю много Теда Хьюз. Сейчас я читаю книгу Осипа Мандельштама, и мне действительно нравится Билли Чаилдиш. Я большой фанат Уилфреда Оуена, а также множества других различных людей. Когда я была в Нью-Йорке, я наслаждалась вдоволь тем, что они называют Сборищем Поэтов. Это потрясающе, пересечение между поэзией и разговором. Там есть и плохая поэзия, но тебе нужно найти лучшие клубы».

Поэзия, по мере того, как Харви интересовалась ею, она казалось, открыла новые возможности - то, чем она всегда восхищалась. «Я нашла место, где намного легче писать о куче всяких разных вещей, которые я не допустила бы для написания песен. Для меня написание поэзии выглядит неприкрашенной, открытой, более сырой в каком-то роде, и я могу носить ее при себе, поскольку я думаю, есть ограничение в написании песен, с тем, что я вкладываю в песню, а что нет. Словно точка, которая я чувствую, является подходящей для песни. Вот так: 'я не хотела бы стоять и петь это'». Как и всякий хороший артист, Полли также смотрела на других, чтобы найти вдохновение, делаясь с *CMJ New Music Report*: «Когда я думаю о том, кого я считаю великими писателями, таких как Дилан, я слушаю их слова, и эти слова я считаю важными в своей жизни. Люди, как Уилл Олдхэм, о нем я то же самое могу сказать. Я читаю книгу с поэзией Рэймонда Карвера в настоящий момент, и она изумляет каждым стихотворением, у него свой стиль написания, это предельно лично, но в то же время удивительно универсально».

Другой американский интерес обеспечивался голливудским актером и писателем Винсентом Галло, с кем она быстро сдружилась. И хотя снова Харви уклонялась в признании какой-либо романтической линии, они были достаточно близки - она оставалась в его доме в Hollywood Hills, в течение подготовки к туру в грядущем году, и даже заваривая чай, пока он был на интервью. Вставляя свое слово между Галло и интервью после четырех часов, она прокомментировала: «Боже мой, я взбесилась бы, если бы мне нужно было говорить так долго», в то время как Галло, жаловался на натертый палец: «Я вчера отлично надел пластырь, поэтому могу спокойнее передвигаться. Вы можете спросить Полли, какой раздутый он был». Не каждыми вещами вы поделились при неблизком знакомстве, не так ли. Однако, один бедный писатель ссылаясь на их предполагаемые отношения, получил публичную взбучку от Галло в *New York Observer*, про которую стоит рассказать подробнее.

«Должно быть, я мечта журналистов», - писал Галло. «Свинья публицист не работает на меня. Факт в том, что у меня нет публицистов, нет агентов, нет менеджеров, нет адвокатов, нет ассистентов, нет помощников, нет практикантов, нет уборщицы, нет садовника. У меня есть дантист. Мой психотерапевт умер в прошлом году. А друзья – только один. Она девушка. Мне полностью она нравится. Как-то *Post* ссылался на наш предполагаемый роман в разделе о слухах. Я немедленно позвонил и сказал им – мы только друзья. Один человек из *The Observer* спросил, может ли позвонить мне писатель из газеты, чтобы поговорить насчет моего нового альбома, который планируется на сентябрь. Я сказал – конечно. Я принимал все свои звонки, и один был от этого журналиста. Мы протрелились около 45 минут. Его не интересовал мой новый альбом, и он даже никогда не видел моего фильма «Буффало бб». Он был слишком загруженный. Выпивший. Так или иначе, как последний пидор, он хотел выяснить про слухи насчет романа между мной и единственным другом. Верно, я совершаю много скверных вещей. Конечно, я мерзавец. И злопамятный. И не прощаю. Несимпатичный, для точности. Но когда, я разговариваю с кем-то из прессы, я неосторожный, доступный, устремленный, честный, открытый и ясный.

«И так, этот журналист взял наш 45 минутный разговор и предложил его вам в печатной форме. Думаю, что часть была чистым дерьмом. Это не правильно и не проникательно, и не объективно. Это характерно для голубка, остановившегося, чтобы поболтать с группой Гёрл Скаутов. Чем становится неудавшийся романист: журналистом?

«Позвольте мне вам наскучить правдой. Мой новый друг – Полли Джин Харви, ПЖ Харви. Мне нравится она более других. Любое свое свободное время я люблю проводить с ней. Она мой единственный друг. Нет, мы не Саша + Маша. Она могла бы найти намного лучше, чем я. А что до меня, я только что закончил свои отношения, и это нормально, что требуется время, чтобы начать новые. Это время еще не пришло. Пока она в Нью-Йорке, ПЖ и я проводили много времени вместе, работая над музыкой. Мы собираемся записать песню вместе для трибьют-альбома Lee Hazelwood». Это истинное положение вещей.

Разговаривая с Q о Галло в типичной теневой манере и смущенная – и очевидно игнорирующая его яркую гомофобию – она начала с того, что: «Он гений. Он абсолютно добивающийся во всем совершенства человек, во всем, что он делает. Это для меня восхитительно – я так не могу, потому что я не могу жертвовать большей частью своей жизни, совершенствуя свое искусство. Но думаю, что это также восхитительно и в других людях, хотя это и, кажется огромным страданием, которое сопровождается этим. Он во всем такой, не важно, что делает, фотография ли это или фильм или литературное произведение – у него много журналистских работ – или музыка. Это должно быть выполнено на 100 процентов, иначе недостаточно хорошо для него». Трек Ли Хейзелвуд, 'Come On Home To Me', был записан, но не вошел по неизвестным причинам в трибьют альбом, *Total Lee*, после того, как альбом вышел тремя годами позже. Может быть, оба чувствовали, что релиз только еще сильнее развеял бы пожар сплетней - то, что было нежеланным.

Однако находились и другие вещи, которые заполняли ее время. Харви воспользовалась удобным случаем, чтобы выучить новые навыки, беря уроки игры на африканских ударных Джембе. «Они представляют собой большие барабаны, которые стоят на земле, и ты играешь на них своими ладонями», - говорила она *CMJ New Music Report*. «Это вознаграждается. Это помогает мне с моим ритмом на гитаре. Также я занималась танцами фламенко какое-то время». Она больше не трудилась искать легкие развлечения, смысл для нее особенно важен в кино. Она заявляла, что скорее уклонится от таких фильмов, как «Гладиатор», комментируя, что «Такой расклад выпадает нечасто, я выхожу, чувствуя, словно я была в каком-то путешествии, в любом случае вдохновляет

меня. Но я чувствую, что это трата времени. Я должна получить что-то от фильма, когда я смотрю его. Я брала напрокат «Воздушная тюрьма», потому что интересовалась Джоном Кьюсаком. И я обратила внимание на Джона Малковича там также, и подумала: «Уау, должно быть это замечательно! И что за ужасный фильм оказался в итоге».

Она завершила 20й век в хорошем расположении, сделав вклад в проект *Music Of The Millennium*, рассказывая о своем восхищении Бобом Диланом и приняв участие в выступлении «Shot Of Love», которое должно быть взволновало ее родителей, особенно ее мать. Ее собственные музыкальные вкусы оставались такими же выборочными, как и всегда. В январе 2000 она опубликовала Топ 10 своих любимых альбомов 1999 года на своем официальном сайте, включая саундтрек к «Книге Жизни», при участии таких артистов, как Tricky, The Creatures и Billy Bragg, наряду с менее известными исполнителями Bonnie Prince Billy, Yat-Kha, традиционная иранская группа The Kamkars, Guided By Voices, The Black Heart Procession и The Rachels. Разговаривая с *CMJ New Music Report*, она восторгалась альбомом Calexico – *Hot Rail* и английской группой Christmas, а также она отметила Third Eye Foundation, Robert Forster и Dirty Three.

Полли вернулась в Британию в начале 2000, собираясь прямиком работать над своим новым материалом, который также был написан и в Париже и на берегу Бридпорта. После чего она восприняла как «уродство» свои ранние альбомы, и выдала осознанный манифест на этот счет. «Я хочу, чтобы все звучало прекрасно, насколько это возможно», - рассказывала Харви Q позже тем годом. «Экспериментируя с ужасными звуками на *Is This Desire? И To Bring You My Love* – где я действительно искала темноту, тревогу, отталкивающие звуки – *Stories From The City* стал реакцией на это. Я думала, ‘Нет, я хочу предельную красоту. Хочу, чтобы альбом пел и парил, с сочной реверберацией и яркими мелодиями. Я хочу, чтобы он стал моей прекрасной, пышной, чудесной работой’».

Запись осуществлялась с марта по апрель в Great Linford Manor Милтона Кейнса под руководством Хэда, а затем окончательно микшировалась в Fallout Shelter в мае. Тем апрелем в студии к Полли присоединился Том Йорк из Radiohead, которого она позвала на запись вокала для «This Mess We’re In», песни написанной с учетом его голоса. «Его голос – причина, по которой я попросила именно его», - позже объясняла она. «Этот голос я нашла невероятно подвижным и страстным, и уникальным. Он может разбить твое широко открытое сердце, его голос». С самого начала они переписывались, а после переговоров по телефону за неделю до того, как Том присоединился к группе в студии. Группа Radiohead находилась на стадии микширования своего альбома *Kid A* в то время, но студии находились рядом - менее часа езды, и, в конечном счете, он остался с Харви на несколько дней. «Он теплый и забавный, дружелюбный человек», - вспоминала Харви, - «и атмосфера в студии в течение всей записи была очень теплая и счастливая ... много веселья. Мы много выпивали и неистово танцевали».

Несмотря на сомнения в исполнении материала, написанного кем-то другим, Йорк наслаждался сессией, а также предоставил бэк-вокал для ‘One Line’ и ‘Beautiful Feeling’, позже рассказывая *Mojo*, что, когда он присоединился к ней, Харви была обеспокоена продолжительными сопоставлениями ее с Патти Смит, сравнение, от которого она давно устала. «Тема Патти Смит проходила в течение большинства сессий Полли. Она осознавала точки соприкосновения, где она начинала беспокоиться насчет этого. Я ей просто сказал – все звучит превосходно, поэтому ей не надо ни о чем беспокоиться». На вопрос, привнес ли он что-то в песню ‘Horses In My Dreams’, - он ответил – «нет, но мне хотелось бы. Прекрасная ведь песня?» Сессия прошла на расслабоне, в отличие от ее ранних альбомов, что Харви приписывала спелости зрелости. «Я просто думаю, что

это намного более приятно лично, когда я не вкапываюсь в землю, пытаюсь сделать это настолько совершенным, насколько я думаю, должно быть. Не делая этого, я чувствую свободу в других местах, поэтому множество других творческих вещей могут настигнуть меня, которые и делают запись лучше, по-любому».

Хотя Полли очевидно и понятно устала от непрерывного сравнения с Патти Смит – никакой артист не любит сравнения с другим, так как это большая вероятность пропустить и разрушить их существенные различия – обе певицы, очевидно, имеют дела со схожими темами, и эта схожесть протягивается в их драматичном вокальном стиле. Как и Харви, Смит была из отдаленной сельской деревни, и также испытывала влияние на себя блюза и рок-н-ролла в детстве, ее первая встреча с Rolling Stones на ТВ побудила ее заявить, что «Мик Джаггер лучший исполнитель после Ничина». Она также открыла любовь к Джими Хендриксу и Бобу Дилану, позже заявляя, что она нашла, что французский поэт-символист Рембо похож на Дилана. Приняв решение получить что-то большее от жизни, чем работа почтальоном или карьера педагога, Смит переехала в Нью-Йорк, где она создала союз с авангардным фотографом Робертом Мэплторпом, позируя обнаженной для него, точно также как и Харви позировала обнаженной на своих ранних работах, и для знаменитой обложки к *NME*. Как и Харви, Смит была художницей и зарабатывала рисованием, а Мэплторп сподвиг ее добавить слова в ее рисунки, чтобы создать что-то новое.

После наступления музыкальной карьеры, как и Харви вновь, она отказалась объединяться с феминистками или играть традиционную женскую роль, позируя в мужской одежде для обложки к своему дебютному альбому 1975 *Horses*, создав уникальный музыкальный стиль из своей выборочной смеси влияний. Значительное количество ее работ содержит сильный религиозно-сексуальный контекст, в частности альбом 1978 *Easter*, а также протестующие против ограничения художественного в песнях, таких как 'Rock-n-Roll Nigger'. Равнодушная к славе и известности, как Харви, Смит оставила индустрию, чтобы сфокусироваться на своей семейной жизни с бывшим гитаристом MC5 Фредом Смитом, выпустив лишь один альбом – 1988 *Dream Of Life*, а затем вернувшись к музыке в 1996 после смерти Фреда. Сейчас, близкий друг Майкла Стайпа, Смит продолжает гастролировать и читать поэзию, а также выставляя свою живопись в различных галереях, пожалуй, главное различие между ней и Полли – близкие отношения со своими фанатами. Толпу Харви держала на расстоянии не менее вытянутой руки. Однако их схожесть определенно вмешивается в язык с точки зрения артистических начинаний, даже если результаты бесспорно различные, настолько сильно, что не трудно себе представить, если обе певицы когда-нибудь встретятся, то преуспеют как «пресловутый дом в огне».

Харви продолжила появляться в других местах между тем, участвуя в саундтреке *Cradle Will Rock* с Робом Эллисом, выступая с новой композицией 'Nickel Under The Foot', выпущенной в Штатах в марте и в Британии в апреле. В конце мая известный фотограф Ранкин открыл выставку под названием *Celebritation* в лондонской Proud Gallery в Камдене. Приурочив к этому книгу с таким же названием, выставка содержала несколько прежде неизвестных изображений Полли, а также фотографии ее друзей Трики и Тома Йорка и что-то из REM, Damien Hirst, Beck и Blur. Тем же месяцем она также подарила подписанную пару своих ботинок Doc Marten на онлайн благотворительный аукцион, возглавляемый RAINN, американской национальной линией помощи Насилию и Инцеста, образованной ее другом, Тори Эмос. Это сопровождалось 2-CD сетом, выпущенным Доктором Мартенсом, справляющим 40 лет своей деятельности, и знаменитостями, которые износили ботинки бренда за эти годы, включая Полли Харви с 'A Perfect Day Elise', вместе с другими треками от Моррисси, Секс Пистолз, Клэш и других.

Теперь, Харви входила во вкус в работе с проектами, и в конце июня, она перелетела в Барселону, чтобы присоединиться к Sparklehorse в студии, предоставляя вокал и игру на инструментах для двух песен их грядущего альбома. Сотрудничество произошло, когда и ПЖ и Sparklehorse прочли необоснованный заголовок в музыкальной прессе, который заявлял, что она приняла участие на их следующем альбоме. Это послужило им хорошей идеей и сподвигло развитию. Джон Пэриш внес свой вклад, а также и другие участники альбома, включая Нину Персон и одного из главных источников влияния на Харви, Тома Уэйтса. Linkous повстречал Пэриша, когда группа раньше играла с ПЖ Харви, и сделал вывод, что «В основном я люблю его как человека. Он продюсирует хорошие альбомы. Он тот, с кем я могу работать. Большинство песен у меня уже было написано. Но не было отдельных партий для каждого инструмента. У меня появилась просто идея – отправиться в Испанию. Я был бы солистом. Полли бы играла на гитаре. Джон Пэриш и Адриан Утли также бы играли. У нас почти такой же состав для песен ‘Euerennies’ и ‘Piano Fire’». Затем Харви вернулась в Штаты, чтобы продюсировать альбом Тиффани Андерс, по договору с прошлого года, на котором она играла и подпевала в девяти из десяти треков.

В августе было официально анонсировано название альбома и дата выхода – *Stories From The City, Stories From The Sea* заполнил улицы 23 октября. Ее работа со Sparklehorse и Андерсом завершилась, теперь Полли пустила себя в изнурительную работу, подготавливая промоушн ее собственного предстоящего альбома, возвратившись в Британию, и собрав новую группу для выступлений, включая Тима Фарфинга на гитаре, верного Роба Эллиса на ударных и пиано, и Эрика Дрю Фелдмана на басу и клавишах, а также гитаристку Лайку и вокалистку Маргарет Фидлер на гитаре и виолончели. Спасибо Робу Эллису и его давней связи с Лайкой за рекрутов.

Через неделю после 17 августа, Харви объединилась с Софи Мюллер – призером Grammy, BPI и MTV Award, которая ранее работала с Blur, Garbage и Manic Street Preachers – в Хокстоне, Восточном Лондоне, для съемок видео главного сингла ‘Good Fortune’. Уникальное видео, показывающее гуляющую Харви по улицам Лондона, а также танцующую посреди тротуара, а затем скрывающуюся из вида в кебаб магазине. Нет больше готической мелодрамы, что типично для ее ранних видео, и казалось, что она действительно отбросила все беспокойства, мрачность и темные стороны к обочине – то, чем позже возмущенны были фанаты, которые росли на ее прошлом.

Новая группа закрепила свой публичный выход в маленьком «секретном» шоу в Бридпорт Артс Центре 21 сентября, предшествующему даже более крохотному шоу-разогреву в таунсовском Норе And Anchor 17го. Это был первый полет ее нового материала, а следом мгновенно переместившись в Штаты для участия в *Tonight Show* Джея Лено, и в двух сюрпризных шоу, первое из которых проходило в легендарном Лос-анджелесском клубе Viper Room 16 октября. Затем последовало шоу в Нью-Йоркском клубе Knitting Factory четырьмя днями позже – 20го.

Окончательно альбом вышел 23 октября, и обозначился возвращением Полли к предпочитаемому акустическому звучанию, представляя собой смесь невозмутимых рок-вещей как ‘Kamikaze’ наряду с более легкими мелодиями как главный сингл ‘Good Fortune’ и ‘We Float’. Всё же, это был, бесспорно, наиболее коммерческий альбом Харви на сегодняшний момент – собрание песен, которые она описала как «поп соответственно ПЖ Харви, который скорее не является поп-музыкой, в соответствии с представлением людей о поп-музыке». Таким образом, альбом все еще имел уязвимое место, но Харви нашла оправдание этому, объясняя *Toronto sun*: «Я всегда была писателем, которого тянуло к темной стороне. Я исследовала подобные свойства вещей, с

которыми я не близка и которые интригуют меня, поэтому чтобы я ни делала, я стараюсь смотреть в корень».

Приём оказался незамедлительно позитивным, хотя критики, с уверенностью не могли не прокомментировать, что песня 'Horses In My Dreams' казалась абсолютно схожей с ранними работами Патти Смит, хотя Харви как обычно отрицала это. «Я предполагаю, что у нас одна страсть, путь, по которому мы идем, и естественность тем, о которых мы поем. Это достаточно весомые темы, спетые в сильной манере, поэтому я вижу сравнение в этом. И Патти жила в Нью-Йорке, поэтому и тут фигурирует Нью-Йорк. Но она не та, кого я хотела скопировать на своей пластинке». Она также ускользнула от вопроса – был ли это ее «альбом о Нью-Йорке», термин, который она нашла ужасно претенциозным, и даже некорректным, так как «половина песен написана в других местах». «Я просто думаю, слишком много внимания уделяется этому», - говорила она. «Свойственно людским мыслям. Люди хотят скомкать меня с Патти Смит и всем Нью-Йорком, а назвать это альбомом о Нью-Йорке значит сравнять его с землей». Однако, публичные фото, использованные в сопровождающей кампании, не могли оправдать ее, показывая ее позирующую рядом с образцовым желтым NY такси, пересекающую дорогу на Тайм Сквер. 'Horses In My Dreams' являлась, очевидно, одной из личных песен на альбоме, как Харви объясняла *Toronto Sun*: «Это был очень яркий сон у меня. Целая песня. Когда я писала эту песню, было очень сложно - эмоциональная линия, идущая через все, поэтому песня близка мне, очень личная. И до сих пор остается такой, на самом деле».

По иронии, один из наиболее звучащих по-нью-йорски треков на альбоме, 'The Whores Hustle And The Hustlers Whore' на самом деле был написан в Дорсете, как она объясняла *Toronto Sun*. «Я его написала даже до того, как приехала в Нью-Йорк. Когда я находилась в Дорсете. Я смотрела новости, читала газеты. Я как большинство людей. Я оказалась под влиянием и эмоциональным возмущением от того, что происходит вокруг. Это послужило моей агрессии: «просто отвратно, нужно остановить это». Я даже не могу вспомнить, что произвело на меня такое впечатление в тот момент - столько различных вещей происходит на дню, а затем попадает в мировые новости. Это был голос моей злобы и потрясения от той ситуации, где мы находились». 'Big Exit' и 'Good Fortune', однако, были «определенно Нью-Йоркскими песнями», хотя 'Big Exit' изменился в течение записи. «Там должны были звучать четыре гитары», - рассказывала она *Toronto Sun*, - «переплетаясь и заглушая друг друга, словно рой пчел, яркие и искаженные... затем мы попробовали с почти Лед Зеппеленовским драм-битом, поэтому зазвучало по-роковому тяжело. Но нужный звук все еще не был найден, и Мик Харви продолжил экспериментировать с ударными и выдал бит, который на одном дыхании шел через всю песню, словно старый танцевальный бит Stax». 'Beautiful Feeling', другая «американская песня», также претерпела изменения, изначально «она была оркестрована, огромная куча инструментов. Я поняла, что все это неправильно и отказалась от этого».

И так, альбом был позитивным до удивительной степени, особенно в сравнении со своими предшественниками с их ушедшими любовниками, умирающими ухажерами и огорченной девицей. Даже, если названия новых песен и отражали то состояние, 'This Is Love', кажется, ответила на вопрос, заданный в последнем альбоме [прим. Is This Desire?] и отражала торжество в своей радостно непочтительной лирике: «Я не могу поверить, что жизнь так сложна, когда я просто хочу сидеть здесь и смотреть на тебя раздетого», строчки, возможно, вдохновленные романом Mills & Boon, лежащим на контрольной панели в студии звукозаписи. Несмотря на то, что героям *Is This Desire?* снились кошмары и искривленное будущее, рассказчик в этот раз хотел «преследовать вас за столом», чувствуя себя «некой райской птицей» и считал, что «каждому есть,

что сказать хорошее». 'A place Called Home' – говорила о надежде, 'Beautiful Feeling' - о радуге с двумя концами, в то время как 'We Float', казалось, говорит про отпускание страхов, которые преследовали ее столь долго. Единственные мрачные песни, 'Mess' и 'Kamikaze', наполненные болью отличной от предыдущих работ, первая сообщала о покорном отказе от мимолетной встречи, последняя высказывала собственное влияние по-роковому.

Впервые, альбом на самом деле содержал радости в своем описании любви – эта тема, казалось, доминирует в большинстве песен, разжигая страсть для слухов, что Харви посчастливилось в любви, возможно с Винсентом Галло. Как и обычно, Харви обозначила, что песни не автобиографичные, хотя она согласилась, что «русло, в котором я пою о сексуальности наиболее открыто... вполне позитивная энергия. Она заводит меня слушать. У меня никогда не было подобной пластинки в прошлом, которая могла бы изменить мое настроение, заставить чувствовать, словно я в хорошем настрое. Всё на записи проходит в позитивном ключе для меня. Даже грязные любовные песни». Она уклонилась от всяких прямых вопросов о любви, сказав, «я очень романтичный человек, и идеалистический романтик, и целый город, находясь в том городе в то время, это роман сам по себе в какой-то степени. Я думаю, что всегда буду кем-то, кто чувствует, что тянется к исследованию природы любви. Я могла бы сказать, что каждая песня, которая была написана, о любви к чему-то. Я полагаю, что некоторые люди найдут это затруднительным для понимания, но я все понимаю, всё предельно ясно в моем сердце».

«Все мои работы – это обнажение эмоций, не боясь показать, как я чувствую все вещи», - рассказывала она *Sydney Morning Herald*. «Это то, что я всегда хотела слышать от других артистов и от себя».

Это чувство большой позитивности просочилось во все сферы ее жизни, как позже она объясняла *Telegraph Magazine*. «Депрессия может быть весьма уютным местом», - говорила она, - «особенно, если ты осведомлен насчет нее. Когда ты напуган, это хорошее место пребывания, потому что там ты чувствуешь себя в безопасности, как дома. Но ты не можешь жить там вечно. И доходит до того, что я не хочу больше быть несчастной. Я утомлена этим несчастьем, потому что это самая тяжелая вещь, которая вероятно никогда не произойдет теперь, но точно никогда надолго. Я думаю просто дело в возрасте. Я не вдаюсь в особенные детали, но думаю многое из этого просто из-за большого жизненного опыта. Вещи, с которыми я справилась, личные ситуации. И также всегда видела перспективы в моей маленькой роли в этом мире. Это классический пример, но думаю, что чувствовала, что все вращается вокруг меня. Все так жизненно важно постоянно. И постепенно я пришла к тому, что я всего лишь маленькая часть этого, и испытываю по этому поводу огромное чувство облегчения».

Она, наконец, отпустила свое отчаянное желание домашней жизни, то, что она приписывала своим ранним тенденциям любителя покомандовать, которые были катализатором для большей части ее ранних взрывчатых работ. «Я думаю, чтобы не случилось, оно произошло. Даже если не случилось, хорошо. Я думаю, что осознала, что могу контролировать вещи. Я пыталась использовать эти чувства, чтобы контролировать всё или чувствовать под контролем все, с целью ощущать безопасность. Но мне это больше не нужно. Речь идет о позволении течь всему своим чередом, и видеть, что это может быть очень хорошей вещью». Однако, как она объясняла Q, ситуации не были такими уж шаблонными. «Каждый день я спокойно прогуливаюсь в полях», - шутила она, - «пою для себя. Это просто такой способ, каким людям нравится классифицировать тебя и делать проще. А это не так просто. Каждый день – это не всё сразу, на самом деле... Я бы не сказала, что была счастливой или печальной. Я думаю, что знаю себя лучше, в основном. Ты

становишься старше, и узнаешь о себе больше. И в этом знании есть меньше страха и больше понимания. Ты можешь сострадать к себе насчет слабых мест или еще чего-нибудь. И это обеспечивает серьезную почву, над чем следует поработать».

Через четыре дня после выпуска альбома, Харви сделала сюрприз, приняв участие в ирландском *Late Late Show*, выступая с 'Good Fortune'. А затем двинуться в Оporto, Португалию, где она выступила с другим единственным шоу на специально сконструированной сцене снаружи магазина пластинок FNAC. Она также сделала изумительный сет в Кардифском Coal Exchange, вещая по Радио 1 живое выступление, и вызвав большое волнение Джона Пила, который, безусловно, распускал слюни на высокие каблуки Харви. Но больше всего времени заняла реклама в Британии тем ноябрем, когда она неожиданно появилась на BBC Radio 1 в шоу *Mark & Lard Show* для короткого интервью и живого выступления с 'Good Fortune' и 'This Is Love', следом за релизом сингла 'Good Fortune' 13 ноября, который она прорекламирровала живым выступлением на Channel 4 *TFI Friday* четырьмя днями позже. Сингл 'Good Fortune' шел с ауттейками со *Stories* сессии, включая 'Memphis' - трибьют ее другу, Джефу Бакли, который трагично погиб, утонув в 1997 году в возрасте 30 лет, и который действительно упоминается в лирике его собственного 'Morning Theft'. Трек появился, должным образом, вместе с мрачной песней '30' – депрессивным гимном этой странной неопределенности между молодостью и быстро вторгающейся старостью.

В декабре, Харви вернулась в свою возлюбленную Америку, чтобы сыграть серию полностью распроданных шоу, стартовав в торонтовском Phoenix Concert Theatre 1 декабря, концерт, который синхронно транслировался по Интернету. Прямо там, она поняла, что вытеснила Radiohead из Top Spot на CMJ Radio Chart, с позиции, которую они удерживали в течение 7 недель. Отвечая на вопрос по этому поводу, она хихикала. «Это очень здоровая конкуренция, и я думаю, что это хорошо. Я та, кто преуспела в этом. Но это очень благоприятная конкуренция. Мы относимся к этому с должным чувством юмора. Я знаю Тома, он мой друг и очевидно это забавно говорить мне ему: «Ха-ха! Смела тебя с вершины!» Ее последний публичный выход в том году - отыграть еще одну Пил сессию, транслирующуюся 20го числа, для которой она сыграла 'This Wicked Tongue', и обновленные версии 1995 с Би-сайда 'Somebody's Down', 'Somebody's Name', 'Kamikaze', 'Beautiful Feeling' и 'Nickel Under The Foot'. После этого, она запостила свои любимые альбомы за 2000 год на официальном веб-сайте. В этот раз, *Hot Rail* от Calexico возглавлял типично разнородный список, вместе с Giant Sand - *Chore of Enchantment* на втором месте. Следом шли, удивительно, *Parachutes* от Coldplay, Steven R. Smith's – *The Death Of last year's man* и одноименный релиз от Christmas. *Kid A* от Radiohead также присутствовал бок о бок с U2 *All That You Can't Leave Behind* и Тиффани Андерс – *Running From No Place To Nowhere*.

В январе 2001 было анонсировано, что Харви номинируется на Brit Award «Лучший Британский Женский Сольный Артист», бок о бок с Dido, Sade, Jamelia и Sonique. Она отпраздновала, выступив на Radio 1 с тремя песнями вместе с Тимом Фартингом и Робом Эллисом на шоу Стива Ламака, после которого она решила начать 2001 год со своих первых австралийских выступлений, играя на фестивале Big Day Out, который стартовал в Окленде 19 января и продолжился в городе Перт 4го февраля, собрав по пути такие места, как Голд Кост, Сидней и Мельбурн. Харви также воспользовалась удобным случаем, чтобы организовать три собственных выступления, первое из которых прошло в сиднейском Enmore Theatre 23 января, затем следовал сет в мельбурновском Palais 31ro, при поддержке от The-Go-Betweens. Наиболее драматичным стало выступление на крыше кафе Радио RRR 29го, для которого она сыграла полу-акустический сет для живой трансляции на их шоу *Kinky Afro*.

В следующем месяце она вернулась в Англию, отправившись в европейский тур с тремя выступлениями в лондонском Shepherd's Bush Empire при поддержке от американской группы Giant Sand 11, 12 и 13 февраля. Событие, которое было запланировано как один единственный концерт, распродалось три раза в подряд. На шоу также присутствовала такая знаменитость как Крисси Хайнд, которая в последний день концерта показалась шумной и скверной, говоря двум несчастным и преданным поклонникам, которые попросили автографы, что это «действительно не круто», прежде чем строчить свое имя на билете и бросить его в них – доказывая тем самым, что она действительно не была такой искренней, когда пела 'Love Can Build A Bridge'. [Любовь Может Построить Мост]

Группа отправилась в Брюссель 25 февраля, снова при поддержке Giant Sand, в тот же день увидел свой выход релиз 'A Place Called Home', второй сингл со *Stories*. Сингл сопровождался на обратной стороне еще одними не вошедшими песнями со *Stories*, на этот раз 'As Close As This', 'My Own Private Revolution' и, только на лимитированном издании винила – 'Kick It To The Ground' - подавленный четырех дорожечный акустический номер об умершей любви, который доказывал, что Харви не потеряла контакт со своей темной полосой. Сопровождающее видео снимала вновь Софи Мюллер, на этот раз в населенном доме в Лондоне предыдущем месяцем. На следующий день Полли выступала на шоу в Paris Olympia, которое одновременно транслировалось по спутнику на разные площадки и клубы по всей стране. 20 марта увидел свет только американский релиз альбома *Funny Cry Happy Gift* Тиффани Андерс, продюсированный Харви на Up Records.

Все шло гладко на гастролях, пока Харви не поразил серьезный приступ гриппа и ларингита, которые содействовали отмене всех шоу с бго по 14 марта. Прежде анонсировалось, что она согласилась на тур как сопровождающая U2 в течение их трех месячного американского тура *Elevation 2001*. Группы стартовали 25 марта во Флориде, путешествуя через 24 штата, и, в конечном счете, приземлившись в Нью-Джерси 21 июня. К несчастью, ее проблемы с горлом означали, что она пропустит первые четыре шоу – она была заменена в последний момент Нелли Фуртадо и The Corrs. Не смотря на это, она присоединилась к U2 в Хьюстоне 2 апреля, заработав восторженные отзывы при этом. «Мы отлично провели время, и толпа действительно была отзывчива», - говорила она *Calgary Sun*. «Я отношу себя к фанатам U2, и думаю, что фанаты U2 более открыты, чем другие фанаты, как я кажется мне. Это случилось и с нами, люди действительно слушали и реагировали – люди, которые возможно, не слушали их музыку раньше».

25 апреля, Харви записала 30 минутное выступление для знаменитого KCRW Радио шоу *Morning Becomes Eclectic* и дала интервью. Продолжая выступать с U2 в Phoenix 30 апреля, она присоединила к себе Giant Sand на три номера на благотворительном концерте в Хьюстоне, Аризоне, вместе с Calexico, концерт прошел при содействии KXCI Радио. 15 мая она выступила на WXRT Радио в Чикаго для короткого интервью и перформанса. В следующем месяце было объявлено, что Giant Sand сделали кавер на поллину 'Plants And Rags' в своем выступлении, в то время, как одни из музыкальных фаворитов Полли, Bonnie Prince Billy (ака Уилл Олдхэм), включил версию ее би-сайда 'Sweeter Than Anything' в свой альбом *More Revery*. Тем временем, альбом *It's A Wonderful Life* от Sparklehorse наводнил магазины 11ого, с вкладом Харви на треках 'Eyerennies' и 'Piano Fire'. Также, 'This Is Love' была выбрана для включения в саундтрек к фильму «Джей и Молчаливый Боб наносят ответный удар».

20 июня Харви выступила с 'Good Fortune' на *The Late Show With David Letterman*, самом высоко рейтингуемом американском ток-шоу, которое регулярно принимало американских

знаменитостей высшего класса, включая Мадонну. Доказывая тем самым, как почитаема она теперь в русле музыкальной американской индустрии. Тем временем, в том же месяце, Кортни Лав обеспечила характерное для нее представление, опубликовав на своем официальном веб-сайте информацию, где она говорила о чувстве вины и волнения, которые она испытывала, пока копалась в очень аккуратном багаже Харви в американском отеле. Не уделяя должного внимания грамматике, пост Лав показывал различия в стилистике между двумя девушками: Полли была минималисткой со своим опрятным, и незначительным по количеству багажом, аккуратно разобранным в ее номере, в то время как Кортни была 'максималисткой' с огромным количеством неопрятного багажа, усыпанного в ее комнатах. «Я действительно получила чувство, что 'Кортни - плохая, ПЖ - няша'», - заключила она, возможно, не без оснований.

Королева пустыни (Заслуженная королева)

«*Stories From The City* удовлетворил лишь часть меня, но не удовлетворил все мои потребности. Я все еще в поиске того, что охватит все сферы, и я очень-очень тянусь к музыке, которая неуютна, темна, имеет отношение к некому табу. Вот, где покоится мое сердце».

ПЖ Харви, Q, 2001

Июль и август Харви застала в Европейском Фестивальном Турне, выступая в Дани, Франции, Швейцарии, Италии, Швеции, Турции, Австрии, Германии, Норвегии, Греции, Бельгии, Португалии и Испании, после чего возвратилась снова в Швейцарию, чтобы стать членом жюри на престижном Locarno Film Festival, присоединившись к ряду судей в International Video Competition, где она провела две недели, просматривая работы участников. Другие члены жюри состояли из таких людей, как английский независимый продюсер Кит Гриффит, французский критик и профессор Мари-Пьер Дюамель, обладатель награды японский кинорежиссер Нобухиро Сува и директор Venice Biennale of Architecture Массимильяно Фукас. Ее приглашение вступить в группу столь отборных и почитаемых людей, очевидно, говорило о высоком уровне уважения. Она теперь являлась частью команды в кругах художников вне музыки - то, что ей наверняка очень льстило.

Затем она вернулась в Англию, чтобы поддержать U2 в лондонском месте Earl's Court 19 августа, а затем взять курс на Лидс и Reading Carling Weekender Festivals. Ее участие в Reading стало определенно успешным, она присоединила к себе Джона Пэриша на несколько номеров, включая 'Send His Love To Me' и 'Losing Ground', представив его как «очень дорогого друга, который спас мою жизнь даже не два, а целых три раза... он не человек, он бог!» В сентябре Полли вернулась в Америку для своего собственного турне, стартовавшего в нью-йоркском зале Hammerstein Ballroom 4го и закончившегося в LA Palladium 21го числа. Морис Теппер обеспечивал поддержку для этого тура.

11 сентября 2001 Полли Харви находилась в Вашингтоне, одна неделя гастролей по США. Это был тот день, который она будет помнить из-за смешанных эмоций очень и очень длительное время. В тот день, она получила премию Mercury Music Award за *Stories From The City* вместе с призом в 20 000 фунтов денег, отбив его у такой сильной конкуренции как Goldfrapp, Turin Brakes, Basement Jaxx, Ed Harcourt и Super Furry Animals, и став первой артисткой, которая получила приз за его 10летнюю историю, и первым артистом, который номинировался как минимум три раза. Но это достижение оказалось в тени из-за двух самолетов, которые врезались в Ворлд Трэйд Центр Башен Близнецов и Пентагон всего за час до этого, как она узнала о своей победе. Это опустошительная интернациональная трагедия сделала Приз Меркурия ужасно ничтожным. По очевидным причинам, Харви не могла попасть в Лондон на церемонию, запертая в модном отеле Grosvenor House Hotel. Но она приняла приз по телефону, выдав эмоциональную речь для ошоловевшей аудитории. «Конечно, я хотела бы сказать всем спасибо большое, и я могу искренне сказать - я в абсолютном шоке. У даже не думала и не надеялась, что получу его. Шокирована также, потому что моя группа и я в турне, и мы сейчас в Вашингтоне. Целый город находится в шоке. Это совершенно необъяснимый день ... я в абсолютном ступоре». Она

продолжила речь, сказав: «Я и моя группа затронуты этим. Мы видим Пентагон из окна. Это трудно понять».

Тем не менее, она продолжила тур, чувствуя, что это может только помочь - как выход эмоций для остолбеневших американских фанатов. Она рассказала Q, что на последующих концертах «аудитория находилась на грани истерики – в чувствах люди были вне контроля. И это заставило меня чувствовать – ‘это необходимо, люди нуждаются в этом ... они нуждаются в том, что позволит выпустить их эмоции и их печаль, и их злость. И последний концерт, который прошел у нас в LA – а Лос-Анджелес превосходит все другие места по своей отдаче - толпа создавала столько шума в промежутках песен, что мы не могли слышать друг друга, чтобы начать играть».

В какой-то степени Харви, возможно, успокоилась от этого отвлекающего маневра – хотя очевидно не по причине этого – так как она никогда не была той, кто рекламирует себя в русле «шоубизнеса», как она излагала это *Telegraph Magazine*. «Я всегда хотела, чтобы то, что я создаю, было услышано, и для справки людей - кем я была и что я сделала это. Но собираясь на Грамму и быть замеченной в ночном клубе, на вечеринке, это меня не интересует. Все это кажется очень печальным и мелким, и очень чуждо мне. Потому что это не творчество, вгонять себя, чтобы сделать лучшее Искусство.

Полли вернулась в Британию для нескольких шоу в конце того месяца, выступив в Glasgow Barrowlands и Manchester Apollo, а затем возвратилась в Лондон для полностью распроданных выступлений в прославленном зале O2 Brixton Academy 30 сентября и 1 октября - успех, который только подтвердил ее позицию Альтернативной Королевы Рока. Шоу, однако казалось, потеряли некую искорку, и было ясно, что Харви глубоко отреагировала на американские происшествия - то, что отразилось на ее выступлениях. 5 октября было анонсировано, что Полли одна из десяти финалистов на другую премию – первой ежегодной Shortlist Prize за Артистические Достижения, награда, которая намеревалась стать американским эквивалентом Mercury Music Prize. Номинанты отбирались советом из 16 человек – писатели, музыканты и важные шишки, включая Трента Резнора, Бэка, Мэйси Грэй и Дэйва Грола, и хотя Полли не получила награду, номинация говорила о ее международной значимости. Возвращаясь к Британии на более мажорной ноте, ‘Down By The Water’ теперь использовался для британского канала Channel 4 в рекламной кампании популярной мыльной оперы *Hollyoaks*, которая демонстрировала сразу обе особенности – растущее признание ее работы и новую универсальность.

Восьмого октября увидел свет релиз ‘This Is Love’/‘You Said Something’, третий сингл со *Stories*, выпущенный с двойной стороной «А» с двумя Ламаск выступлениями, использованными как бонус. Она поддержала релиз трех песенным сетом на следующий день, в свой 32й день рождения на Британском ТВ шоу *Later Show With Jools Holland*, дебютируя с новой песней ‘Will’s Song’, написанной Уиллом Олдхэмом (ака Бонни Принц Билли) специально для Полли. Группа положила на слова музыку в течение тура. А также выступив с ‘Big Exit’ и нетранслировавшейся ‘The Whores Hustle And The Hustlers Whore’. Потом она получила большой букет цветов, и даже тусклое исполнение ‘Happy Birthday’ от Джулса и аудитории, вогнавшее Полли в краску. 3 ноября она сделала следующий шаг, присоединившись к выступлению-сюрпризу на Лондонском фестивале Beyond Nashville Festival, проходившем в Barbican, предоставляя свои услуги проекту, который возглавили Giant Sand с гостями, включая Марка Линкоса из Sparklehorse, Курта Вагнера из Lambchop, Эвана Дэндо, Джона Пэриша и Вика Честната. В ковбойской шляпе и широко улыбаясь, она присоединилась к Giant Sand на ‘Johnny Hit And Run Pauline’ и к Марку Линкосу для исполнения ‘Eyerennies’ и ‘Homecoming Queen’. Затем она приняла участие как частичка

Пэришской группы из десяти человек, чтобы исполнить его композицию 'Pretty Baby', а после все артисты возвратились на сцену для биса харвиской 'Losing Ground'. Неудивительно, что она перетянула шоу на себя.

4 декабря принесло дополнительную похвалу, когда журнал Q опубликовал результаты списка «Женщины, Которые Сокрушили Ваш Мир», в котором Полли была названа величайшей рок и поп женщиной за все времена. Она потеснила жесткую конкуренцию в лице Мадонны, Бьорк, Джоплин, Стиви Никс и Кейт Буш. Редактор Q, Дэнни Экклстон, нашел время, чтобы объяснить удивительный, но приятный результат *The Times*, сказав: «Она делает музыку сущности, и наши читатели реагируют на это. К тому же, мы знаем о Мадонне всё, а насчет Полли густой туман. Она предельно скрытна, и никто, кажется, не в состоянии установить – кто же она такая». Год не мог закончиться на мажорной ноте.

2002 начался с новыми наградами для Харви. Во-первых, она была номинирована на 2 Grammy – “Лучший рок-альбом” и “Лучший женский рок-вокал” с исполнением 'This Is Love' - после чего она получила свою 5ую номинацию Brit Award за “Лучший Женский Артист” в одном ряду с неописуемыми клевыми Софи Эллис Бекстор, Dido, Sade и отчаявшейся Джери Холливел. К концу месяца, она была номинирована на премию в популярной музыкальной категории британского престижного шоу *South Bank Show*, названного в честь ITV художественного шоу, организованном Лордом Мелвином Брэгом и основанным, чтобы признать выдающиеся достижения во всех сферах искусства - от литературы, оперы и танцев до кино и ТВ. Через одну неделю было анонсировано, что она получила эту Премию, дав отпор конкуренции от U2 и Roots Manuva. Элвис Костелло забрал премию от имени Харви – даже забавно, вспоминая его комментарий в далеком 1993 по поводу ее творчества – который был представлен основательницей Spice Girls и звездой Z-списка [прим. человек, который считает себя знаменитостью, звездой, но на самом деле таким не является] Мел Би. Тем месяцем она также была номинирована на премию 2002 *NME Carling Award* в категории “Лучший Сольный Артист” наряду с Кайли Миноуг и Ян Браун.

Могли быть некоторые сомнения насчет того, что *Stories* расчистил путь для международного признания Вест Кантри Гёрл. После многих лет упорных работ, казалось, что мир готов заключить ее в объятия. Ее популярность в США укрепилась, выражая это в мартовском Би-сайде 1995, 'One Time Too Many', будучи выбранной для включения в саундтрек новой и сильно успешной американской черной комедии «На глубине шести футов». Тем месяцем также увидел свет альбом *Giant Sand Cover Magazine* на студии Thrill Jockey Records, включая кавер группы на 'Plant And Rags' и участие Харви на десятом треке 'Johnny Hit And Run Pauline'.

Харви взяла заработанный трудами отпуск в 2002, возвратившись в Дорсет и работая над лирикой для следующей работы после *Stories*. Проведя лучшую часть последних 2х лет в турне, едва ли удивительно, что ей понадобился отдых. Хотя подобная длительность в дороге доказывает, что гастроли были одним демоном, которого она победила. Однако пребывание оставило ее серьезно опустошенной, и очевидно ввело ее в состояние написания по ее возвращению, как она позже рассказывала австралийскому журналу геев и лесбиянок *Blaze*. «Я думаю, что теперь преодолела это. Когда я закончила последний тур, я была предельно опустошена. Я попыталась незамедлительно начать писать и удивлялась, почему мои идеи были такими плохими и пустыми - я не дала себе времени восстановить силы. Вы знаете, игра живьем вытягивает силы каждую ночь, поэтому не удивительно, что у тебя не остается энергии на другие вещи. Однажды я восстанавливала силы после трех месяцев, затем я начала искать мое вдохновение вновь. Это

случалось со мной каждый раз, я просто забыла, что это часть процесса, через который идешь, это необходимая вещь, чтобы получить хороший материал».

Однако, несмотря на очень насыщенный год, фанаты ПЖ желали, чтобы новый материал удовлетворял сентябрьскому релизу дебютного альбома Gordon Gano *Hitting The Ground*. Вклад Харви в этот альбом - как вокалистки на заглавном треке - записан несколькими годами ранее, хотя она также играла на гитаре в Гановском отдельном исполнении песни, вместе с другими артистами-гостями, включая Лу Рида, Фрэнка Блэка, Джона Кейла и They Might Be Giants. Следующим месяцем вышел сольный альбом Джона Пэриша, *How Animals Move*, включая вокал Харви на весёлом блюзовом номере 'Airplane Blues'. «Если бы Полли не присутствовала на альбоме, то это было бы словно отсутствие важного члена семьи», - говорил Пэриш прессе о наличии Харви на альбоме, раскрывая карты, - «Мы записывали этот трек для выставки художеств *Wingwalkers* Мишеля Хеннинга и Ребекки Годар. Это старая песня 40х, изначально записанная Хеленой Хьюм – по крайней мере, та версия, которая мне известна. Полли – одна из немногих современных певиц, которая могла справиться с этим. С самого начала я не намеревался во время работы включать этот трек, но я понял, когда подошел к концу альбома, что все слишком мрачно, и мне захотелось нечто такого бодрого. Я начал искать различные треки, которые лежали рядом со мной, и как только я прослушал этот, он мне немедленно дал понять - это то, что я хотел».

Харви возвратилась к деятельности в начале 2003, отправившись в Австралию для другой серии концертов Big Day Out, гастролируя как группа из трех человек - Мик Харви на басу и Роб Эллис на ударных, вспоминая деньки времен Too Pure и Dry. Стартовав в Окленде 17го, группа была в списке, который включал Foo Fighters, Queen Of The Stone Age, Wilco и The Deftones. Полли показала новый выбор сногшибательной замечательной экипировки, включая ботинки PVC по самые ляжки, кожаные облегающие шорты и легкий бюстгальтер, который вызвал бы даже румянец у Мадонны. Разговаривая с *New Zealand News*, она фактически казалась успокоенной, будучи в турне снова, заявляя, что: «Я не играла с прошлого года, я почти позабыла как это. Мне нужно провести несколько шоу, чтобы почувствовать себя в своей тарелке, и приглашение, чтобы выступить – все, что мне требовалось, потому что я в прошлый раз все было просто замечательно».

Она также предоставила краткое интервью BBC, в котором она раскрыла, что провела последний год, подготавливая новый материал, и завершив две трети своего нового альбома. «С каждым альбомом, я склонна реагировать на предыдущий альбом, в попытках найти новую землю», - говорила она о новых начинаниях, которые требует новая работа. «С этой записью, действительно очень противно. Вполне уродливо звучащая партия песен. Вполне тревожащая, вполне темная, вполне блюзовая».

Она показала несколько этих «противных» песен в течение австралийского турне, включая 'Who The Fuck?', 'Desperate Kingdom Of Love' и 'Shame'. Ходили слухи, что Харви сочинила и исполнила трек под названием '9-11', но она сказала *NME*, что это неправда. «Его не существует! Я никогда не писала трек под названием '9-11'», - говорила она, - «И никогда не напишу. Вы можете положить конец этому для меня! Не знаю, откуда это пришло! Я видела, что в *NME* было что-то об этом, и я подумала – 'Хах? Впервые об этом слышу'. Возможно, слухи появились из-за того, что один химически глупый фанат, не знакомый с ее ранними работами, неправильно расслышал слова в 'Water', и сразу запостил это как эксклюзивные "новости" в Интернет.

Отвечая на вопрос по поводу длительного времени подготовки ее другого альбома - более двух лет - Полли настойчиво утверждала, что задержка – это часть нового контроля качества, желая сделать альбом, на котором «каждая отдельная песня - это великая песня. Я просто думаю об этом часто – альбомы выходят, и там могут быть две сногшибательные песни, и восемь, которые всего лишь хороши, и я подумала – ‘Что, если я запишу 10 сногшибательных на одном альбоме?’ Вот почему, у меня уходит так много времени». Согласно ей, *Stories* являлся одним из таких альбомов, и хотя он был обозначен как вершина ее коммерческой демонстрации, многие фанаты и критики согласились насчет этого, даже если выбор их любимых треков разнился – сама Харви не показывала, какие песни любимые у нее. Она считала, что вкус к блюзу мог бы диктовать основу ее материала на новом альбоме, который, она также сказала, может получиться «шероховатее, грубей и намного проще». «Я не думаю, что когда-нибудь отойду от блюза. Я выросла на нем, и я думаю, что это в моей крови. Я в некотором роде блюз-певица, где бы ни открыла свой рот, это выплескивается там, и я не могу справиться с этим. Многие новые песни сохраняют этот аромат, и я не хотела бы менять это».

Ее сценические выступления оказались на высоте, Харви выделялась уверенностью, которую трудно было уловить ранее, несмотря на то, что она все еще поддерживала - больше никакого Альтер-эго на сцене. «Это не так, словно я проскальзываю в портрет героя в любое время», - говорила она *Sydney Morning Herald*. «Это какая я есть, как я чувствую. Я не могу играть в другом русле, но это чистейший подход к тому, как я ощущаю себя в то время. Вот почему, иногда шоу ужасны - потому что я чувствую погано, а когда я чувствую отлично – шоу блестящи. Но это не тот случай, когда я чувствую, что должна проскользнуть в образ для того, чтобы выйти на сцену». Это высказывание скорее казалось противоречащим нагло драматической персоне, которая выглядела гордой на сцене, но как Харви объясняла: «Это часть меня. Это элемент меня, который выходит наружу. Есть различные свойства, которые проявляются в различных ситуациях для различных людей. Будучи на сцене, я выношу эту сторону своего характера, которую я люблю, но она выступает только там. Я буду выглядеть ужасно глупо, если обнаружу, что это выплывет, когда я иду в магазин. Каждый таков. Мы все поступаем определенным способом, когда мы болтаем с друзьями, когда мы болтаем с зятем. Это моя сторона, когда я наиболее счастлива – во время выступления».

Драматическая сторона ее выступлений, казалось, пришла из ее нежелания отделять себя от песен, то, что она чувствовала важно для ее артистической честности. «Я полностью чувствую песни, когда играю их. Я ощущаю момент, и я эмоционально связана с ними, когда выступаю. Это не так, словно я могу держаться на расстоянии, даже, если я гастролирую больше года. Не могу. Это идет из сердца, поэтому я чувствую песни, и эмоционально я в них, и я не хочу делать это как-то по-другому. Когда я вижу группу или выставку, или фильм, это то, как я хочу чувствовать. Я хочу ощущать, что выступление крайне необходимо, что я действительно двигаюсь, и что я чувствую измененной после и преобразованной в некотором роде. Это идет от действительно искренних выступлений, и никакого испуга, чтобы выплеснуть эти эмоции там».

Очевидно, хотя она и исследовала оба начала в мыслях и образах, ее артистическая этика не изменилась слишком сильно со времен 1992, когда она как новая восходящая звезда, заявляла, что «Честность – это единственный путь, через который можно писать». Только теперь, она могла принести эту честность и на живые перформансы.

Вскоре, как закончился тур, 2 февраля, Полли снова воспользовалась удобным случаем, чтобы представить номер ее собственного шоу, выступая в Enmore Palais, где один критик посчитал, что

она смотрится «что-то вроде высшего сорта из порно байкер фильмов 80х» - по поводу ее шорт и недавней химической завивки. Тем не менее, ей удалось произвести впечатление еще раз, что призвало *The Drum Media*, затаив дыхание изложить: «Она шепчет, она визжит подобно одичавшей Кейт Буш. 'Good Fortune' идет на волнах. Нам предлагают предварительный просмотр того, что будет дальше - густой ударный пульс совершенно названный 'Who The Fuck?' Это более, чем городской блюз с красной чертой – которая может быть просто губной помадой... На 'Rid Of Me' Эллис поддерживал приглушенный бэк-вокал - более высокий, чем любой горловой вопль, идущий из хрупкой натуры с его стороны».

Ее шоу в Melbourne Palais получило хорошие отзывы, заработав овации стоящих зрителей, которые сотрясали здание. Обзор журнала *Beat* оказался полностью приятным с распространением материала из *Rid Of Me*. «ПЖ Харви одна из тех редких артисток, которая может создать интимную атмосферу в любом месте», - писал он. «Когда она в ударе, она забирает тебя с собой. К концу вечера, аудитория готова вести войну за нее, не смотря на шнурованные ботинки по колено и клепаные шортики. Она стоит того, чтобы сражаться».

Австралийский тур подошел к концу, Харви тотчас отправилась в Лос-Анджелес, чтобы посотрудничать с Марком Ланеганом из Queens Of The Stone Age, предоставив вокал для двух песен на его грядущем сольном альбоме, а затем присоединившись к другому члену Queens Of The Stone Age, Джошу Хомму, на Rancho de la Luna Studio в Joshua Tree в пустыне Калифорния, где он записывал последние из серии совместной работы с друзьями под названием *The Desert Sessions*. Первый выпуск этой серии вышел в 1997, через два года после раскола первой группы Хомма, Kyuss, даже датированной более ранней датой, чем образование Queens Of The Stone Age. Предыдущие сессии представляли начальные версии песен, которые позже вышли на альбомах Queens, но авантюра была по существу сайд-проектом, состоящей из пяти дней забавы и записи в пустыне, вылившихся в альбом.

Завязав отношения с Полли на Big Day Out Festival, Хомм понял, что у нее правильный склад ума для его маленького круга друзей, а также пригласил Дин Вина и приверженца Мерлина Мэнсона Джорди Уайта (ака Твигги Рамирез) присоединиться к работе в Volumes 9 и 10. «ПЖ умеет играть на многих инструментах, и она одна из прекраснейших людей, которых я знаю», - рассказывал Хомм *NME* в октябре. «Мы играли на Big Day Out Festival в 2001 и стали друзьями... это естественно, что мы решили бы поработать вместе. Она была рада поиграть. Идея, стоящая за *Desert Sessions* – в том, что ты можешь сконцентрироваться там, и никто не побеспокоит тебя. Я думаю, что это немножко пугает – идти в середину неизвестно чего и сочинять там музыку, зная, что это будет услышано, когда ты действительно не знаком с людьми. Вы можете пойти туда, зная, что их взгляды действительно сильны, из-за этого и некий испуг. Мы записали 16 песен за 5 дней, на пустом месте. Я думаю, ПЖ угрожала многим людям по обоснованным причинам».

«Одно из моих любимых воспоминаний в работе с Полли это песня под названием 'There Will Never Be A Better Time'», - вспоминал он, - «которая только ее и Криса Госса. Они вышли на крыльцо с акустической гитарой и написали ее за десять минут, а потом вернулись назад, сыграли раз, один единственный раз за все время. Люди никогда не восхищались выступлением ранее. Я имею в виду, мы были взволнованны и покрылись гусиной кожей, каждый просто стоял и отходил – 'Что это было, черт возьми?' Что касается песен на альбоме, то 4 из них с присутствием Харви на главном вокале, в то время как 4 других содержат ее игру, включая саксофон на 'Dead In Love', которая окончательно оправдала те детские годы практики. Ходили неизбежные слухи о романе

между Хэммом и Харви, но это казалось более, чем неправдоподобным, в свете отношений Хомма с вокалисткой Distiller Броди Дэйл.

В апреле состоялась премьера малобюджетного документального фильма, *Stories From The Road*, созданного за счет финансирования трех фанатов – одного гея и двух девочек – решившие использовать для фильма материал, который они отсняли за шесть месяцев в течение тура по Европе и Америки в 2001. Благодаря маленькому чуду, они получили разрешение от менеджмента Харви, и после года редактирования фильма, и очевидной юридической борьбы за лицензию концерта, включая сам фильм, кино дебютировало на фестивале London Lesbian and Gay Film Festival в South Bank's National Film Theatre, а затем было показано на Atlanta Film Festival в Штатах, получив в основном благоприятные суждения. Сфокусировавшись на отчаянных попытках этих трех фанатов встретиться с их иконой и попытках Харви держать их в стороне - включая одну сцену, когда они ни с того ни с сего налетели на нее в отвратительном туалете - фильм показывает комичную сторону, обеспеченную в основном из-за явно очевидного дилетантского подхода, поскольку их оборудование сломалось, а показы отменены. Но несколько критиков также отметили существующую остроту, когда фанаты осознали, что они никогда не создадут реальные дружеские отношения с их отдаленным идолом. Фильм все еще не вышел в широкий прокат, хотя ожидался показ на маленьком фестивале кино в 2004.

15 августа Харви была хедлайнером на шоу в 4 000 человек в корнуолловском театральном Eden Project, при поддержке Elbow, как часть *Eden Sessions* - серии концертов, которые также принимали у себя Badly Drawn Boy, Moby и WOMAD. Гигантскому выступлению предшествовал традиционный Бридпортовский разогрев в предыдущий день, и включающее оглушающее исполнение не менее 23 песен, состоящих из восторженно принятой смеси старых номеров наряду с новыми 'Who The Fuck?' и 'Shame', хотя 'Desperate Kingdom Of Love' была обозначена как пробел. Комбинация субтропической температуры вместе с волнением толпы, создало безукоризненный старт летних концертов. В другом случае, удостоверение растущей мощи Харви было предоставлено компанией T-Mobile, получившей разрешение на использование 'This Is Love' для кампании по продаже мобильных рингтонов: показывая двух влюбленных, которые ловко рассматривали этот рингтон как свою музыку для телефона. Каждый задается вопросом, что Полли извлекла из этого, хотя никаких комментариев не последовало.

Она приняла участие в Eden как часть европейских выступлений, прошедших в V2003 в Британии, а затем направились в Португалию, Ирландию, Шотландию, Германию, Францию, Бельгию и Голландию. 1 сентября 2003 Полли вошла в историю, отыграв единственный концерт в Tate Modern - первый рок-концерт, который когда-либо проходил в престижной галерее в лондонском South Bank. В мае в течение 2х часов все билеты распродались, в 10 раз превысилась номинальная стоимость на интернет-аукционах. Продались, как самые горячие лондонские билеты со времен выступлений Мадонны в Brixton Academy 2000. Событие, которое следовало сразу за распроданным шоу Ника Кейва в Tate Britain на предыдущей неделе, и сформировало часть серий живых выступлений Tate & Egg, которые совмещали сразу и музыку, и изобразительное искусство, и театр, и кино, и танцы только в виде фестиваля. Одетая в великолепный костюм а ля 'This Is Love', Харви исполнила 18 песенное выступление, окутавшее ее карьеру, и завершившееся приятнейшей заброшенной с альбома *Rid Of Me* классической 'Ecstasy'.

Той осенью Харви также выступала на крайне закрытом шоу со своей кузиной Бен Уотерс в Bridport Arms в Вест Бэй, шоу, показанному узкому кругу людей и друзьям. Сын сестры Евы Харви Энн, Уотерс создал себе репутацию как буги-пианист за последние 13 лет, побудив сравнение с

Джерри Ли Льюисом и Литтл Ричардом, и играя с рок знаменитостями, включая Дэйва Гилмора из Pink Floyd, Дэйва Стюарта, Рэя Дэвиса, Рона Вуда, Шэйкин Стивенс и Лео Сейер. Он даже играл с братом Мика Джаггера Крисом на вечеринке в честь Рождества Мика, в которой к ним присоединился также и сам Мик на несколько номеров. У него был запланирован выпуск нового альбома на осень 2004, который очевидно записывался «различными способами» по консультации Полли, которая долго сохраняла интерес к его карьере с типичной сплоченности для семьи Харви. Он часто играл во многих местах, где проходила Полли, включая Биминстер и Бридпорт.

В октябре вышел предвкушаемый релиз *Desert Sessions 9 & 10*, хотя причудливо партия в 5 000 винилов была конфискована таможней по пути в Британию по неизвестным причинам. С подзаголовком “I Heart Disc”, темой альбома, согласно Хомму говорила: «Я люблю диско, давай разрушим его. Так, с чем нас оставили, было угловато, почти танцевальные номера, почти с немецким звучанием. Словно танцевальная музыка, не то, что Village People». Первые четыре трека с участием Харви на главном вокале, ‘Crawl Home’ - дуэт с Джоном Хоммом, был выпущен как сингл позже тем же месяцем с сопутствующим видео, снятым в Бруклине, Нью-Йорк, близким другом Харви – Хэлом Хартли, которое показывало, как дуэт борется на заднем сидении машины. «Песня в основном о двух людях, которые не согласны по поводу одной мысли», - позже объяснял Хомм, - «поэтому в машине Полли и я. Обсуждение накаляется по мере разговора. Это короткая песня, поэтому всё строится вокруг одного довода, но очень интенсивно. Она, будто пихает меня в голову, а я ее отталкиваю. Всё физически». Если верить отчетам, то Хомм вжился так в роль, что бедная Харви вышла после съемки с большими синяками - отличный пример жертвы ради Искусства.

Сингл сопровождался на обратной стороне двумя треками, ни на одном из которых Харви не было на вокале, но один из которых сильно походил на ‘The Whores Hustle And The Hustlers Whore’. *NME* был совершенно несдержанным в своем странном обзоре сингла, комментируя, что «Никто на самом деле не мог ожидать *такого*. Это подобно сексуальной *дрожи* для двух фронтменов, решивших выпустить вместе запись, где Полли позиционирует себя как секс-воин с безумным взглядом, выкрикивающего команды в сторону растрепанного Хомма в то время как он сопровождает припев, ползая вокруг ее ног, тяжело дыша и пища, как последняя сучка в роке». Они в такой же степени были несдержанны по поводу альбома, который они прозвали «капризным, терпимым, неровным, непредсказуемым, вполне непристойным (непригодным). Если ничего больше, то это напоминание – возможно для него самого, а также и для нас – что Джош Хомм простой смертный, и даже у пуленепробиваемых титанов рока есть свои дурацкие дни. Иронично, но это относится как раз к 9 & 10 - возможное доказательство краха *The Desert Sessions*, так как это поднимает неприятную дилемму для Хомма. Может ли он провалиться с *Desert Sessions 11 & 12*, когда это непостижимое, случайное явление выпустило в этот раз столько хитов?»

Другие песни, на которых пела Харви, включали с безумным окрасом фламенко ‘There Will Never Be A Better Time’, странно названную, но потрясающую ‘Powdered Wig Machine’ - песню, содержащую ее наиболее пронзительный и сильный вокал на сегодняшний момент - и волнующую темную вещь под названием ‘A Girl Like Me’. Если они и обеспечивали вкус начинаний, которые она взяла, то это, в самом деле, темный маршрут: последний трек содержал шумный резкий вокал и лирику об утоплении в ледяной воде – любимая тема Харви, которая напоминает о песнях далёких *Dry* и *To Bring You My Love*. С особенно интенсивным куплетом, где она поет: «Я вероятно никогда не покину эту комнату вновь», комнату в которой она окружена

поблѣкшими старыми фотографиями и «нарисованными леди», которые «выглядят как я». Она также записала бэк-вокал на 'I Wanna Make It Wit Chu'. Релиз сопровождался выступлением в составе целой группы на *Later With Jools Holland* 23го, на котором было показано выступление 'Crawl Home' и 'I Wanna Make It Wit Chu'. Харви, одетая в белую рубашку, галстук и не накрашенная, выглядела особенно уязвимо той ночью, хотя ее вокал находился в хорошей форме.

Приближаясь к концу года, Харви также выкроила время, чтобы присоединиться к своему идолу, рок-леди 60х и вечно плохой девочке Марианне Фэйфул в студии, в со-написании и записи 5 новых песен к ее новому альбому, *The Mystery of Love*, вместе с ее постоянной группой. Запланированный выпуск на март 2004, альбом также включал три песни, написанные и записанные с бывшим Харви, Ником Кейвом, и другие сотрудничества, идущие от Дэймона Альбана и Джона Брайона. Давний компаньон Полли Мария Мокнакс также приложила руку к этому проекту, отсняв фото, которые были использованы в неминуемой рекламной кампании.

Год подошел к концу с некоторым нежелательным вниманием для Харви, когда канал Channel 4 показал документальный фильм о Полли как часть их серий *Sound Travels*, транслировавшийся 3 декабря в предрассветные часы. Хотя половина программы должна была фокусироваться на истории Харви, она оказалась посвящена больше тому, как Полли воздействует на фанатов, хотя она и включала некоторые редкие ранние вещи выступлений Полли с Automatic Dlamini. Самым интересным стал ряд из двух ведущих, промелькнувших в Hope And Anchor пабе в Бридпорте и скрывшихся, будучи выгнанные местными, которые возражал против вторжения в частную жизнь Полли. Очевидно, съемочная группа не подозревала, что между пабом и семьей Харви давние прочные отношения, многие из которых постоянные клиенты, включая Бена Уотерса и Тетушку Энн.

Январь 2004 принес весточку, что журнал *Slant* включил 'Down By The Water' в свой лист величайших видео всех времён, после чего было анонсировано, что Харви закончила записывать свой последний студийный альбом *Uh Huh Her* – провозглашенный «X-x-xё» - и намечены рекламные обязанности на март и апрель. Альбом записывался и продюсировался вместе с Хэдом, ответственным за запись и микширование, и Робом Эллисом на ударных и перкуссии. Теперь намечена дата релиза – 31 мая, с сопроводительным синглом 'The Letter' 17 мая. Серия концертов European Festival снова анонсирована, включая весьма ожидаемый Glastonbury, а также выступление на US Lollapalooza Festival вместе с Моррисси и Sonic Youth в августе. И, что удивительно для нас всех, Харви также приняла участие в концерте Винсанта Галло в лондонском Royal Festival Hall 4 апреля, присоединившись к нему на 'Moon River' в сопровождении гитары от Джона Фрушанте из Red Hot Chili Peppers.

Песни демонстрировались в течение тура прошлого года, обеспечив вкус того, что ожидается на *Uh Huh Her*, а на днях показаны дополнительные песни под названиями 'The Life And Death Of Mr Badmouth', 'No Child Of Mine', 'The Darker Dayd Of Me And Him' и 'The Pocket knife'. Но на что вы точно можете рассчитывать - это то, что альбом будет уникальным и далеким от *Stories*. К тому же, радио трансляция первого сингла 'The Letter' - сырой и блюзовый оды эротическим нюансам написания письма - доказательство, что единственная вещь от ожидания – это неожиданное. В мире, где столько явно предсказуемого искусства, ПЖ представляет собой свидетельство несокрушимого олицетворения настоящей артистической и музыкальной страсти. Да будет же продолжаться эта страсть вечно!

Перевод выполнен не фанатом, а почитателем творчества.

Спасибо за уделенное время!